

Елена Моисеева

© *Любовь*
авторитета
или
Плата за все

Я не подумала, что все это пойдет так далеко. Я рассчитывала на быстрый исход, на бандитскую жестокость. Хотя, может, оставить меня в живых и есть та самая жестокость, и есть та плата, что спрашивает с меня судьба за мою опасную игру с ней. Он, приблизившись ко мне вплотную, отрезал путь для побега и с силой меня поцеловал. С силой и какой-то обреченностью. Я все-таки сумела оттолкнуть его и зажалась в угол, прекрасно понимая, что это не выход. — Я настолько противен тебе? — прохрипел он, пристально глядя в мои глаза. — Я просто тебя не люблю. — Кому нужна твоя любовь! — закричал он, — Я получу тебя и без нее!

Любовь авторитета или Плата за всё

Глава 1. Чистилище для души

"Есть два пути избавить вас от страдания: быстрая смерть и продолжительная любовь" Фридрих Ницше

Я всегда думала, когда мне исполнится восемнадцать, я все и всегда буду решать сама. По крайней мере так говорил мой отец, когда мне только исполнилось шестнадцать. В ответ на заявление, что я буду ночевать у подруги. Он так и сказал: «Дождись совершеннолетия, а потом выдвигай условия». Правда понервничать ему пришлось еще до этой знаменательной даты.

Я влюбилась бесповоротно и, что не так часто бывает, взаимно. Лешка был старше меня на полгода и к моменту нашего знакомства через шесть месяцев должен был уйти в армию. Я за молодостью лет не особо волновалась по этому поводу. Через месяц нашего знакомства я уже не могла без него ни есть, ни спать, и даже дышалось мне с трудом. Лешка, как и я, летел ко мне на крыльях и любое свободное время проводил со мной. Мне иногда приходила в голову мысль, что он намного старше меня — для своего возраста он мыслил четко, слажено, по-взрослому. Лешка любил говорить, что его будущее — это финансы. Я верила и во всем с ним соглашалась. Трудно было не согласиться, зная, что его отец начальник финансового отдела крупного процветающего мебельного предприятия. Мой отец тоже был выходцем не из простого народа, и именно поэтому мне не была понятна откровенная неприязнь моего отца к моему парню. По началу, мы с Лешкой по наивности, не иначе, решили, что все дело в моем малом возрасте, что отец попросту боится за мою девичью честь, которая, кстати сказать, была не тронута. Я даже допускала такую мысль, что отец попросту не хочет, чтобы Лешка мешал моей учебе. К слову говоря, до появления Лешки в моей судьбе я все свое сознательное детство училась и весьма в этом преуспела. Как только в нашей стране прошел закон об обучении экстерном — папа сделал все возможное и невозможное, чтобы я попала в эту программу. Мой отец умел добиваться своего и к своим 15 годам я уже была студенткой первого курса областного крупного института. Поэтому версий неприязни к моему парню было две. Может отец боится, что я брошу учебу?

Лешка как настоящий мужчина решил поговорить с моим отцом и объяснить, что его намерения, гораздо серьезнее, чем тот предполагает.

Чем закончился тот разговор я так и не узнала. Лешка резко прервал мои расспросы и сказал, что мы прекрасно обойдемся и без родительского благословения. Но проще сказать, чем сделать. Мне по-прежнему было семнадцать и ждать нужно было целый год, для того чтобы расписаться без согласия родителей, вернее сказать именно папы, так как мама всегда и во всем принимала его сторону.

Даже маленькое счастье не может длиться вечно. Я глупо надеялась, что Лешка воспользуется связями своего отца, и армия ему не светит. Ни мои мольбы, ни всякого рода ухищрения не подействовали на Алексея. Он считал, что защищать Родину обязан каждый мужчина, так его воспитал отец. Я почти смирилась с этим фактом и приготовилась ждать. Но условие Леше, я все-таки выдвинула: он должен стать моим до конца, еще до армии. Лешка любил меня, поэтому, несмотря на его принципиальность в вопросе секса до брака, его сопротивление я сломала за три дня до его проводов. Он был нежным и ласковым, наша любовь была больше похожа на сказку, чем на реальность.

Полгода в «учебке» и мой любимый в отпуске, всего на неделю, половину из которого ушла на дорогу туда и обратно. Мне уже исполнилось восемнадцать, в первый же день отпуска он сделал мне предложение, и мы, не откладывая, написали заявление в местном ЗАГСе. Через три месяца должен был быть еще один отпуск. Но в ночь перед его отъездом обратно, он сказал мне самую страшную новость, которая и сейчас звучит как приговор:

— Меня отправляют в Чечню.

Шел март 1995 года. Три месяца назад президент подписал указ о введении войск на территорию Чечни (*приказ Б.Ельцина № 2169 «О мерах по обеспечению законности, правопорядка и общественной безопасности на территории Чеченской Республики» — прим. автора*). Даже мне, девчонке далёкой от войны были известны сводки, которые гоняли по новостным каналам с горячих точек — штурм Грозного только в первый месяц обошелся нашей стране в восемьдесят пять убитых молодых мальчишек, примерно столько же пропало без вести, около сотни попало в плен. А это только один месяц войны.

Я умоляла его воспользоваться связями его отца, хотя бы для того, чтобы отслужить оставшиеся полтора года здесь, в России.

— Я не буду отсиживаться здесь, когда там гибнут наши.

Он был непреклонен во всем: в своей любви ко мне, в своих ощущениях и в своих взглядах на эту жизнь. Судьба не любит таких людей, и она заставляет их прогибаться под себя.

Через три месяца я стала счастливой обладательницей диплома о высшем образовании, закончив институт также, как и школу экстерном. А еще через месяц на Лешку пришла похоронка.

Я не помню эти полгода после — как и чем жила, что делала, как вообще выжила и почему. И вот мне почти девятнадцать и ничего не изменилось. Все и всегда решает мой папа. Только в этот раз мне почти что все равно. Почти.

— Ты поедешь, я сказал! — крикнул отец, в очередном приступе гнева. Мы спорили уже час на тему моего переезда. Они хотели, чтобы я уехала и забыла все как страшный сон. А я хотела остаться и не хотела что-либо забывать. Остаться для того, чтобы боль, которая ела меня на протяжении этих месяцев без него, наконец, сожрала меня окончательно.

Я скрестила руки на груди и неожиданно для себя сдалась. Устала. Какая разница где жить, в самом деле?

Собирая в своей комнате какие-то свои пожитки, от слез я просто не видела, что кидаю в сумку, я шумно шмыгала носом, и последний раз кинула взгляд на фотографию любимого. Любимого, который никогда не будет со мной, никогда не будет моим мужем... Интересно, что стало с заявлением в Загсе, которое мы подали в его отпуск? Никогда, потому что война в Чечне, отобрала этот шанс, шанс на счастье, и просто его жизнь...

Я судорожно вдохнула в себя воздух, часто заморгала, прогоняя рвущееся из груди очередные рыдания, и, взяв сумку, прошла в коридор, где меня ожидал отец и расстроенная мама.

— Я готова, — сказала я только потому, что нужно говорить, чтобы не расстраивать мать, показать, что я живая, а не хладный труп, не говорящий и не двигающийся как в последние полгода.

— Лена, пойми нас, мы любим тебя, но тебе необходимо уехать... чтобы жить, жить дальше. Ведь ты жива, жизнь продолжается.

Я попыталась улыбнуться, но получилась кривая ухмылка... Почему до сих пор я живу?

— Да, — я подтверждаю все, что они захотят слышать, лишь бы не слушать их наставления о смысле жизни, который для меня исчез. Лешка был для меня всем: любимым мужчиной, другом, соратником. Он даже заменил мне вечно занятых родителей. Он был для меня всем миром, почти что бог.

В уши отдавал стук пульса: после его смерти, мне почему-то казалось, что это бьется его сердце, вместо моего, а мое сердце осталось там, где-то в горах Кавказа. Когда я понимала всю бредовость мысли, я представляла, что не слышу удары своего сердца. Ведь оно не могло быть предателем. Я хотела именно этого, чтобы оно остановилось...

Через несколько часов, я заходила в свою новую квартиру, которую нашли мои родители в городе по соседству от нас. Для отца и это не было проблемой. Я уже давно привыкла, что для моего властного папочки неразрешимых проблем не бывает, бывают только неприятные решения. Город был большим, для меня даже слишком большим, но это даже к лучшему, я спокойно затеряюсь здесь, здесь не будет достающих жалостливых глаз моих друзей, фальшивого сочувствия его друзей и бывших сокурсников.

Мне не позволили взять ничего, связанное с ним, но я все-таки ухитрилась тайком захватить его первый подарок, банальный, но самый дорогой — маленького плюшевого коричневого мишку, который говорил "я люблю тебя"...

"У меня есть подарок для тебя..."- я слышала его голос до сих пор. Я с усилием вытаскивала себя из воспоминаний, слишком больно. Я позволила все — чтобы они выкинули меня из дома, из города, купили новую, чужую мне квартиру и отняли всю мою жизнь, связанную с ним. Я позволила это только потому, что у меня не было больше сил сопротивляться их натиску. И по большому счету, мне уже было все равно.

Через неделю я освоилась, нашла работу в небольшой компании по своей профессии дизайнер. Работать я устроилась не потому, что надо было на что-то жить, а потому что нужно было на что-то умирать. Да, именно эта цель крепко засела в моем мозге. В коллективе меня окрестили двумя разными прозвищами: робот и привидение, но мне было все равно. Я просто работала и ни с кем не общалась. Хотя желающих познакомиться со мной, особенно мужского пола, было предостаточно, но интерес пропадал после моих односложных ответов на вопросы и моего не живого в прямом смысле взгляда. В наш век нельзя быть такой. Но нужно ли повторять, что меня это уже не трогало.

Моя коллега по работе, которую звали Вика, была единственной, кто относился ко мне нормально, не считая меня ни роботом, ни привидением. Мы сидели в одном кабинете, наши столы тоже находились рядом. Она единственная с кем я поддерживала разговор.

Заканчивался очередной день, и я с нетерпением ждала, когда же я окажусь в спасительной тишине.

— Может, сходим сегодня куда-нибудь, повеселимся?

Я вздрогнула, сразу даже не поняла, что вопрос адресован мне, настолько разными были полярности — я и веселье.

— Это ты ко мне обращаешься?

— Ну, в общем, да, — у Вики было одно преимущество, которого не было у меня — настойчивость, несмотря ни на что.

— Нет, Вика, извини, у меня другие планы, — сказала я и погрузилась в однообразный мир компьютера.

— Какие планы?! Опять сидеть дома и умирать? — в ее голосе неожиданно прозвучали

стальные нотки.

Я уставилась на нее. Ах, да, в один из дней я на автомате рассказала ей про себя, причем все, даже не знаю, как это получилось, наверное, это был один из таких дней, когда молчать уже не можешь и нужен случайный попутчик. Вот таким попутчиком по жизни оказалась Вика.

— Я не прошу меня спасти... Вот черт, — я не могла ее обидеть, слишком добрая, слишком хорошо знаю, что такое боль, — Что ты предлагаешь? — последние слова я даже не сказала, а прошептала, в надежде, что она меня не услышит и отстанет, наконец.

Но она услышала.

— Кафе.

— Однозначно нет.

— Клуб.

— Ты издеваешься!?

— Хорошо, ко мне домой.

Я на секунду призадумалась.

— Ты от меня не отстанешь, да? — я просто желала, чтобы она отвязалась, но не хотела говорить это напрямую.

— Нет, — весело ответила Вика.

— Из всех предложенных вариантов менее болезненным выглядит твой дом.

У Вики на лице было выражение триумфа и ликования, она довольно кивнула головой, и оставшиеся полчаса рабочего дня я в пол уха слушала наши планы на вечер. Я честно говоря, не понимала, с чего она решила записать меня в свои подруги, но и не особо стремилась это понять, плывя по течению.

В первый раз за весь рабочий период, когда стрелки часов подошлись к пяти, оповещая о конце рабочего дня, я пожалела, что работаю не круглосуточно.

Мы потащились к ее машине, через 15 минут были уже у нее дома. Сначала мы посмотрели какой-то тупой боевик, причем Вика вздыхала и охала каждый раз, когда видела главного героя. Потом мы поели, и она включила какую-то "умопомрачительную", по ее словам, комедию. Через час ее продолжительного хохота, и могу сказать местами хохота специального, у меня разболелась голова, я приготовилась страдать дальше, как над самым ухом у меня кто-то произнес:

— Да, Вика, у тебя точно что-то с головой, ты же видела эту комедию не одну сотню раз? — мужчина, стоявший позади меня, тихо смеялся.

Любая другая на моем месте подпрыгнула бы от неожиданности, я же даже внимания не обратила на вошедшего, не оглянулась и не поздоровалась. Мне было все равно, к черту правила приличия, я не заставляла тащить себя сюда. Зато подпрыгнула Вика.

— Ян, ты же должен был быть на работе? — охнула она и мельком взглянула на меня.

Чувствовалось, что парень с таким редким именем ухмыляется.

— Я, конечно, догадывался, что я надоел тебе до чертиков, но все-таки надеялся, что не до такой степени, — он не уходил, я чувствовала его дыхание надо мной.

— Кстати, это мой брат, — мельком, как о чем-то несущественном сказала мне Вика.

— Извините, девочки, что помешал вашему скромному девичнику, я не специально.

На этом моменте моему терпению пришел конец, я вскочила с дивана и, даже не глядя на пришедшего парня, пролетела в коридор, в спешке обулась и выбежала на улицу. Прекрасно понимаю, как выглядит мое поведение. Но не принужденной беседы не

получится. Ох, я не ожидала, что так темно.... На заднем плане что-то кричала Вика, но я даже не слушала, мне просто стало плохо. Ну, неужели я много прошу, всего лишь тишины и покоя, я не хочу ни с кем разговаривать, ни с кем дружить, я просто не хочу жить.

Тишина сердца моего любимого... Тишина моего сердца...

— Эй, с тобой все в порядке? — похоже парень выбежал за мной. Я так и не оглянулась, но пришлось остановиться.

— Да, — буркнула я себе под нос, но он услышал.

— Может тебя подвезти?

— Не думаю.

— Слушай, я же тебя не съем. Пошли хоть чаем напою или кофе?

Я продолжала молчать, хотелось, чтобы он исчез и мой вечер перестал быть похож на балаган в цирке.

— Хм...цианистого калию?

Именно эти слова вывели меня из коматозного состояния, и я посмотрела на него.

Лучше бы я этого не делала. Лучше бы, не поворачиваясь, ушла.

Это не могло быть правдой, но передо мной стоял не Ян, а он, тот, кого я оплакивала уже полгода, только голос был чужим, а все остальное... волосы, улыбка...

Первое, что захотелось сделать, это бросится в его объятия, целовать такое родное лицо и шептать: «Лешенька, любимый!». Когда я закашлялась, то поняла, что забыла дышать.

— Что? — неужели это мой голос, и неужели я еще не в спасительном обмороке.

— Извини, — сказал Ян, — Я просто не знал, как еще до тебя достучаться, вот и брякнул первое, что пришло в голову.

Прямо в точку. Парень, ты экстрасенс.

— Со мной что-то не так? — вдруг спросил он.

— Почему ты спрашиваешь? — я все-таки определенно не узнаю свой голос.

— Ты смотришь на меня как на привидение.

Опять в точку. Только как объяснить незнакомому парню, мистически похожему на мою погибшую любовь, что даже за его призрак я готова пожертвовать своей жизнью? Для начала я опустила глаза вниз. Не смотреть, нельзя, иначе голова идет кругом. Черт, почему ты так похож на него? Я собралась с силами и ответила:

— Это просто у меня мозги набекрень, не обращай внимания.

Наконец-то у меня хватило сил отвернуться и пойти в сторону остановки.

— Девушка, автобусы в это время не ходят, давай подвезу.

Ага, если я сяду в твою машину, то окончательно свихнусь. Только не это.

— Давай.

Неужели я это сказала? Может, я уже не совсем здорова.

Я сказала свой адрес и сделала вид, что до парня мне нет никакого дела.

Это не могло быть правдой! Это не мог быть он. Но чем больше я рассматривала его, тем больше понимала, что схожу с ума. Я отчаянно цеплялась за здравый рассудок, примечая все несовпадения: голос, манера двигаться. Парень в основном молчал, но тоже поглядывал на меня. Представляю, какое впечатление я произвожу своим поведением! В одно мгновение он пристально посмотрел на меня, и я увидела еще одно отличие: глаза, у него глаза другого цвета. У Лешки были голубые глаза, а у Яна они золотисто карие. Слава Богу! Я не сошла с ума. Или уже сошла, потому что мозг отказывался адекватно воспринимать информацию — предо мной сидел Лешка.

— Так и будешь молчать? — спросил он, не отрывая глаз от ночной дороги.

— Меня Лена зовут.

— Ну, слава Богу, а то я подумал, что ты меня испугалась, — парень явно не шутил, это я определила по его вздоху облегчения. Так вот какое было его впечатление обо мне.

— Просто я не способна сейчас на общение, — тихо произнесла я.

— Личная драма? — поинтересовался он.

Да кто ты такой, черт тебя подери, что так умело вторгаешься в мою душу! Может я сплю или я попала в параллельный мир, где Лешка вовсе не Лешка, и он жив и здоров?

Видно мой мысленный вопль был слишком громким, потому что Ян неловко извинился, и в машине снова наступила тишина.

Когда мы подъехали к моему дому, он неожиданно приблизил ко мне свое лицо и на одном дыхании выпалил:

— А ты красивая.

Это было слишком для моего изнуренного мозга, сознание начало куда-то уплывать, его лицо превратилось в смазанную маску... Я видела Лешку, любимого, единственного Алешеньку, с его мягкой, все понимающей, улыбкой.

Я не знаю, сколько прошло времени, но очнулась я от медленного осознания, что парень напротив меня не Алексей, и что я до сих пор сижу в его машине и мой взгляд, да и общий вид, оставляют желать лучшего.

Ян был растерян, и я его понимала, но что я могла сделать!

— Прости, — пискнула я и неожиданно разрыдалась, прекрасно понимая, что окончательно и бесповоротно закрепила за собой репутацию сумасшедшей.

— Так, — протянул Ян, — Все понятно, ты не в состоянии адекватно реагировать, да? Что я не так сделал, а?

Я не ответила, ну, что я могу сказать? Я вышла из машины и бегом поднялась к себе в квартиру.

Сон, в который я погрузилась, был тяжелым. Где-то к четырем утра у меня поднялась температура и я поняла, что я не работник. В восемь я позвонила на работу, а потом к врачу. Я была рада быть дома. Не нужно будет ничего объяснять любопытной Вике, да и общаться с людьми сейчас хотелось меньше всего. Может через пару дней я забуду, что существует его двойник. Я тут же усмехнулась абсурдной мысли — мне этого не забыть.

Я включила телевизор, впервые за время моего пребывания здесь. Родители вообще оснастили мою квартиру все необходимым, наверняка думая, что решение бытовых проблем облегчит мне жизнь — они ошиблись. Я автоматически щелкала каналы, стараясь ни о чем не думать.

Через час моего унылого времяпровождения раздался звонок в дверь.

Я, наскоро накинув халат на сорочку, пошла открывать.

В дверях стоял Ян. При дневном свете я увидела еще одно отличие: парень был несколько крупнее Лешки. Сумасшествие во мне крепло. Я же ушла, почему ты преследуешь меня?

Наверное, мое лицо выглядело весьма удивленным, так как парень смущенно улыбнулся и начал перетаптываться с ноги на ногу.

— Проходи, — без эмоциональным голосом произнесла я.

Зачем я его пригласила? Зачем растягиваю себе адовы муки? На что надеюсь? Но

главный вопрос был зачем он пришел?

Мы прошли в зал, я сел на диван, жестом пригласила присесть его, но Ян продолжал стоять.

— Прости меня за вчерашнюю настырность, — услышала я его голос, — Вика вчера вечером все рассказала мне. Я сожалею...

В этот момент мне показалось, что его сестру я возненавидела. А еще искренне не понимала. Зачем это было нужно? Для чего? Ей про Лешку я рассказала в минуту слабости и дальше пресекала все попытки Вики поговорить на эту тему, четко обозначив, что я не хочу и не буду обсуждать случившееся. Попросила, буквально запретила ей рассказывать об этом кому бы то ни было. В итоге получила то, что совершенно посторонний парень пытается сейчас влезть ко мне в душу, играя то ли в сочувствующего, то ли в психолога, не понятно с какой целью. Хотя, я немного подзабыла, что передо мной особь мужского пола и цель его очевидна — залезть ко мне в постель. Моя циничная сторона характера не видела в этом ничего ужасного, если бы не одно «но». Мне этого было не нужно, а методы, которыми он решил действовать, безумно раздражали.

Вся та темная муть, что была у меня в душе и искала выход уже полгода, всколыхнулась и вылилась в отчаянный гнев. Хотелось топтать ногами и кричать от бессилия, хотелось выть от боли и несправедливости жизни, хотелось выгнать этого псевдо сочувствующего и чертовски похожего на Лешку парня. Но прежде, высказать ему все, что кипело и бурлило сейчас во мне.

— ЧТО она могла тебе рассказать! Она могла рассказать тебе про боль и отчаянье? Или быть может она смогла рассказать тебе про мои сны, где он все еще жив? Или про, то, что я НЕ ХОЧУ ЖИТЬ!

Мое дыхание перехватило, я снова со всей силы рухнула на диван и закрыла лицо руками. У меня не было сил даже плакать, руки мелко подрагивали.

— Я понимаю, — с какой-то затаенной болью в голосе произнес Ян.

Мне хотелось зарычать, завывать, прогнать к чертям его в этот момент, а еще спросить, ЧТО он понимает. Друзья Лешки тоже сочувствующе говорили те же слова, а сами в этот момент отводили взгляд, благодаря небесные силы, что не они оказались в цинковом гробу.

— Я был там, — продолжал Ян, — Извини, но я вернулся живой, зато оставил там много друзей...

Первое, что подумала: сумасшествие прогрессирует. Наверное, нет никакого Яна, и все это мне кажется, ведь не бывает таких совпадений!

— Это что, шутка такая? — внутренне холодея, спросила я. Ведь этого не может быть на самом деле, просто не бывает. Иначе это мистика, колдовство, в которое я не верю. Он почти что его двойник внешне, побывал там же, где погиб мой Лешка, вероятно прошел тот же ад. Может быть я окончательно сошла с ума и все мне это только кажется? Нет никакого Яна, а я пребываю в комнате с белыми, мягкими стенами и блуждаю в закоулках собственного свихнувшегося мозга? Но поверить в эту мысль не давало еще одно отличие. Теперь, при свете дня я увидела, что Ян был гораздо старше Лешки. И только эта мысль отгоняла от меня безумие. Потому я продолжала ждать ответ на свой заданный вопрос.

— Шутка? — удивленно проскрежетал его голос, а усмешка, не свойственная моему Лешке, исказила его такое родное — чужое лицо, — Я бы очень хотел, чтобы это было так.

Мне захотелось чем-нибудь себя стукнуть за свой язык и за умение все усугублять. Я ненормальная, да. Он тут причем?

— Прости. Я не знала, я...

— Все в порядке. Я пережил это, и теперь хочу помочь тебе.

Я вздрогнула, будто через меня пропустили разряд тока.

— Нет! — выдохнула я со всей силой, в отчаянии глядя на него.

Ян ринулся ко мне через всю комнату и схватил меня за руки.

— Позволь мне помочь тебе.

— Нет, — снова произнесла я.

— Мне это тоже нужно, быть кому-то нужным, — тихо произнес он и посмотрел на меня пристально и в тоже время как-то просительно. Я видела, эти слова дались ему очень нелегко. А мне... Я уже повязла, отпустить его я уже не могла, искушение видеть образ Лешки рядом со мной было сильным, мучительным, хоть и приносило боль.

И я сдалась, плюнула на приличия, на хоть какое-то ни было благоразумие. И как результат — почти два часа прорыдала на плече у Яна, а он крепко обнимал меня. Как раз то, чего мне так не хватало в эти полгода.

Наверное, я уснула. Потому что единственное, что я помню так это руки Яна, укрывающие меня пледом и его глаза, нежно на меня смотрящие. Он все понимал, все кроме одного, что я вижу в нем совершенно другого человека.

На протяжении трех месяцев, Ян практически не отходил от меня. Мы разговаривали так много, что мне казалось, что он знает обо мне уже все, что только можно знать. Каким-то непостижимым для меня образом, мой словесный поток не истекал, я то смеялась, то плакала. Полгода молчания и хаоса, до появления Яна в моей жизни, для моей души не прошли гладко.

Все свои свободные дни Ян проводил у меня. Уходил вечером и возвращался утром. Мы ни о чем не договаривались, он просто понимал, что в этот момент мне нужен близкий человек рядом. А я с горечью осознавала, почему именно его подпустила к себе. Но ничего не могла с собой поделать.

Четвертый месяц жизни в чужом городе для меня был как озарение. Я очнулась от мерзкого непроглядного сна, я начала видеть, слышать и осознавать все острее, ярче, я перестала упиваться своей болью. Я немного, самую малость отпустила ее от себя. Иначе я просто умру и мой призрак уже никогда не явится мне там, за непроглядной тьмой. А еще я вдруг осознала, что ничего не знаю о Яне. Совсем ничего. Это почти преступная халатность по отношению к себе в наше время, а это значит, что пора все-таки заинтересоваться, кто же такой Ян на самом деле.

В этот день он также, как и во многие другие дни пришел утром.

— Здравствуй, — сказал Ян, входя в квартиру, чуть улыбнулся мне и проследовал на кухню с пакетом продуктов. Как-то не заметно за эти три месяца Ян взял на себя заботу о моем питании.

Пройдя на свою кухню следом за ним, я какое-то время просто наблюдала, как он уже привычными жестами распределяет набор продуктов по холодильнику и шкафам. А ведь за эти три месяца он ни разу не спросил с меня денег за продукты, надо сказать не дешевые, некоторые из них стоили практически баснословных денег для обычного человека в наши перестроечные времена в стране. Сколько же он зарабатывает, раз может просто так тратиться на малознакомую девицу? А главное где можно заработать такие деньги, когда в стране безработица и простым смертным на стандартный набор продуктов не хватает?

— Ян, кто ты?

Мне показалось, он немного побледнел. Парень как-то невесело мне улыбнулся, продолжая суетиться на кухне и ничего мне не отвечая. И его молчание меня настораживало все больше и больше. Пришлось повторить свой вопрос.

Он резко повернулся ко мне, его взгляд был настолько холодным, что я невольно охнула.

— Я человек, который выводит тебя из транса, — отчеканил он. Почему так грубо? Я что задала интимный вопрос? Бред какой-то.

Что-то неуловимо знакомое было в его облике. Я не говорю про сногшибательное сходство с Алексеем, было что-то такое.... И тут меня осенило. Ну, конечно же! Кожаная черная куртка, стрижка чуть короче, чем надо бы, настороженная походка и "золотая цепь на дубе том". Ни дать, ни взять, униформа братков, заполонивших нашу страну в последнее время. Как ни странно, ужаса я не испытала, и вопрос задала почти легко и непринужденно.

— Ян, ты бандит?

В его глазах что-то промелькнуло, на лице появилась ухмылка.

— А если да, то, что прогонишь?

— Не думаю, что это поможет мне, — пробубнила я под нос, — Уже поздно, — но он услышал. Парень явно обладал музыкальным слухом.

В следующую минуту он мельком улыбнулся и произнес:

— Так как истина вечно уходит из рук, не пытайся понять непонятное, друг... Омар Хайям, — зачем-то пояснил он.

Теперь настал черед ухмыляться мне:

— То есть так ты отвечаешь на мой вопрос — я тупая девка и не понимаю, что ты убийца.

Ян от чего-то дернулся, подлетел ко мне и обнял.

— Прости, я не хотел тебя пугать. Поэтому и не говорил.

— К сожалению, я тебя не боюсь, — сказала я, вдыхая аромат его туалетной воды, — И мне все равно кто ты.

Он осторожно отодвинул меня от себя и посмотрел в глаза.

— Как это?

Я пожалала плечами. В самом деле, как объяснить скорее себе, чем ему, что мне действительно все равно? Как я ни пыталась спуститься на эту грешную землю и рассуждать здраво, все равно видела перед собой Лешку, живого, которого можно видеть, обнимать. А за это можно отдать многое. За это можно понять и простить многое, хоть все это и смахивает на сумасшествие. Просто кто не терял — не поймет.

Мы с минуту смотрели друг другу в глаза. Я не знаю, что произошло в следующий момент, но он начал исступленно меня целовать, а я...ответила, для меня самой это было полной неожиданностью, тело предавало меня, ну а душа, душа вспомнила другого, да и не забывала никогда.

— Лешка... — прошептала я и тут же ужаснулась.

Ян отскочил от меня как ошаренный.

— Прости, Ян, я сама не знаю, как... — мне было до безумия стыдно и страшно, но Ян прервал меня.

— Я сам виноват, это ты меня прости, больше такого не повторится, — он резко отвернулся от меня, сжал ладони в кулаки, и я видела, что пытается успокоиться.

Самое странное, что я хотела, чтобы это повторилось... Куда же меня несет? Сколько еще я смогу удерживать утопию в своей душе?

Я стояла и не знала, что сказать и что сделать, а он проследовал в коридор, с явным намерением уйти.

— Не уходи, пожалуйста...

— Я не уверен, что нужен тебе теперь, — и усмехнулся, — Ты будешь в порядке.

— Нет! — я почему-то чувствовала, что если он сейчас уйдет, то больше я его не увижу. Это самое разумное — отпустить его, тем самым излечиться от агонии, которая преследует меня все эти дни. Перестать утешать себя и понять, наконец, что Ян тоже человек, что он не заменит мне Алексея. Но он оставался тем единственным человеком, которого я хотела бы видеть.

Ян пристально посмотрел на меня, в его глазах было сомнение и что-то такое очень похожее на боль. Я обидела его.

— Ты нужен мне, Ян, не уходи, пожалуйста, не оставляй меня, — молила я, не замечая, как по моим щекам текут слезы. Мне было жаль его, ведь я понимаю, что играю с жизнью другого живого человека, но ничего с собой поделаться не могла. Ян не выдержал моих слез.

Он взял мое лицо в руки и нежно, губами, собрал все крупинки соленой воды.

— Я не брошу тебя, пока ты хочешь, чтобы я был рядом.

И я понимала, что он нянчится со мной не просто так, что его отношение ко мне переросло в нечто большее, чем просто помощь. И самое разумное сейчас — отпустить его. Не давать ложных надежд. Но я давала. И давала эту надежду прежде всего себе. Сегодня, впервые за три месяца, я перестала видеть в нем только Алексея. И это и пугало, и обнадеживало в то же время.

Был уже глубокий вечер, Ян рассказывал мне о своих родителях, о своем детстве, о Вике, тему, касающуюся его настоящего, мы теперь не затрагивали. Я опять уснула, не заметив, как, но на этот раз он обнимал меня.

Я проснулась от собственного крика, в слезах. Ян был рядом, он прижимал меня к себе, гладил по голове, как маленькую девочку.

— Все, все, успокойся это просто сон, успокойся девочка моя, любимая...

На этом слове я окончательно проснулась.

— Ян, — произнесла я сонным голосом, — Мне послышалось?

Я почувствовала, как он напрягся, но не отпустил меня.

Минута тишины, вздох и слова:

— Я люблю тебя, — и снова тишина, даже дыхания его не слышно.

— Ян...

— Молчи, я знаю, слишком рано, мне ничего не надо, просто хочу быть рядом.

Как, как я подпустила его так близко, что теперь мне все сложнее и сложнее не воспринимать его самого?

На утро я гадала, не приснилось ли мне все это? Его рядом не было, а на прикроватной тумбочке лежала записка. Я минут пять смотрела на нее, не решаясь взять.

Потом все-таки взяла ее и начала читать:

"Теперь ты знаешь, как я к тебе отношусь, надеюсь, это не оттолкнет тебя, я ничего не требую, я не исчез, у меня дела. Я вернусь".

Я вернусь... Я, уже слышала эти слова однажды, их произносил другой человек, перед

отправкой в Чечню. Он не вернулся...

Боль снова заслонила все мои чувства, но теперь это была другая боль. Больше страх, что и на этот раз меня жестоко обманут.

Что же я чувствую к нему на самом деле?

Я попыталась представить Яна, но он сливался у меня с образом того, другого, на кого был нещадно похож....

Ян вернулся через три дня. Под конец третьего дня я думала, что схожу с ума. Нет, все-таки знать, чем он занимается, это хуже некуда. Я представляла себе все, на что была способна моя фантазия. А она была способна на всякие ужасы. Поэтому, когда Ян зашел в мою квартиру, цветом я была с простыню на моей постели — белого, руки мелко дрожали, да и устала я бороться с собой, так и не определившись до конца кто же он для меня. Я смотрела на него, пытаюсь увидеть его самого, а не моего призрака, и как ни странно, с каждым днем мне все больше и больше это удавалось.

— Ты чего?

— Ничего, все в порядке, — я тихо вздохнула и двинулась в сторону кухни.

Ян остановил меня на полпути, а я посмотрела на него... Да-а-а, видимо, по моему лицу можно было прочесть все, о чем я только что думала. Если бы он знал! Его глаза сузились, на губах играла недобрая улыбка. Я совсем забыла о его... мм... профессии, которая несет за собой шлейфом подозрительность и недоверие.

— Никогда. Мне. Не. Лги, — сказал он четко, выделяя каждое слово.

— Боже, Ян, — взмолилась я, — Зачем так остро реагировать? Я просто переживала за тебя, но не стала об этом распространяться!

Уже я смотрела на него сердито, для пущей важности я скрестила руки на груди.

Ян сразу потеплел и поцеловал меня в лоб. Ха, слава Богу, сюсюкаться со мной не стал, как с ребенком. Мне неожиданно стало весело. Агония отпускала, я все больше и больше осознавала то, что вижу перед собой живого человека.

— Лен, ну ты чего? Меня всего- то три дня не было, — оправдывался он, а лицо довольное, словно приз получил.

— Ага, и телефоны на планете перестали работать, их отключил робот маньяк, решивший захватить мир!

Ян расхохотался.

— Не пойму у тебя богатая фантазия или больная? — спросил он, еще смеясь. Дальше дело пошло еще веселее, так как ему пришлось изворачиваться от моего тапка. Минут 15 мы носились по квартире с писком и визгом, если совсем честно, то пиццала и повизгивала только я. Вконец измученная, я упала на диван, пытаюсь привести сбившееся дыхание в порядок. Ян улыбался и смотрел на меня.

— Не хочешь поговорить? — неожиданно спросил он.

— О чем? — что-то не понравился мне этот вопрос.

— О том, что произошло ночью три дня назад? — взгляд, направленный на меня, моментально стал напряженным.

— А что произошло ночью? — сделала я удивленный вид.

— Лена, — предупреждающе сказал он, — Не увиливай.

— Ян, — я попыталась подобрать слова, — Что ты хочешь от меня услышать?

Он нервно зашагал по комнате.

— Я вижу, что ты не равнодушна ко мне, я же не слепой...

Я, наверно, повторюсь, но ты парень экстрасенс. Почему нельзя держать дистанцию? Если бы ты понимал, если я займусь любовью с тобой, то видеть буду совершенно другого человека.

— Но ты не позволяешь себе быть просто счастливой, а заодно мучаешь меня, — продолжал он.

Ага, давай поиграем в психоаналитика.

— Ты хоть понимаешь, что это неправильно? — прервала я поток его слов.

Он остановился и, наконец-то, посмотрел на меня.

— Что неправильно?

— То, что я к тебе хоть что-то чувствую, — сказанное было правдой, я окончательно запуталась в самой себе.

Он засветился, хоть прикуривай от него.

— Ян, у меня парень погиб! Девять месяцев назад, понимаешь? Я не должна... — у меня кончились слова, я просто не знала, что сказать, а еще я была зла, на себя, на него за то, что он затеял весь этот разговор.

— Будешь дальше себя хоронить? — с издевкой спросил он.

Эти слова я слышала много раз после смерти Алексея. Все, кто был хоть как-то причастен, был свидетелем наших отношений, считали своим долгом в той или иной манере сообщить мне, что жизнь продолжается, что я молодая и здоровая девка, не должна себя хоронить. Меня злили эти слова, выводили из себя, потому как невозможно забыть по щелчку пальцев то, что вот был человек и его не стало. Что он больше никогда не будет ходить, дышать, говорить. Его больше никогда не будет. И все те, кто говорил, что надо жить дальше, перестать себя хоронить, будто во мне есть этот гребаный переключатель, вызывали во мне омерзение и неконтролируемую ярость. От Яна эти же слова я совершенно не ожидала услышать, от человека, который был там.

Как он мог? Неужели не понимает, что пару месяцев с ним не уберут из памяти мою первую любовь, так трагически завершившуюся.

И именно по этой причине я резко произнесла, уже не следя за своими словами, не осознавая, что и кому я говорю.

— Кто ты такой, чтобы говорить мне, что можно делать, а что нельзя, что чувствовать, а что нет?! Ты что бесчувственный чурбан? Не понимаешь, что ни о ком кроме него я сейчас думать не могу? Ты жив, да, но я умерла вместе с ним морально! Понятно тебе это или нет?! Мне не нужна ничья любовь!

— Понятно.

Вот тут-то я и увидела, его лицо, посеревшее то ли от ярости, то ли от безысходности и поняла, что натворила. Нет, мы бабы дуры не потому, что мы дуры, а потому, что мы бабы. Нобелевскую премию бы дала тому, кто об этом первым догадался. Ведь могла же объяснить все мягче, не причиняя боли. Но не сделала этого.

И он ушел.

Прошли недели, его не было. Я, то злилась на него, то на себя за сказанное. Но все попытки что-то изменить, хоть как-то увидеться с ним не увенчались успехом. Вика молчала, пару раз приходила ко мне в гости и даже не намекнула где ее брат.

Я потихоньку сходила с ума. Может мне действительно нельзя жить? Я ведь причиняю людям боль, я же плохая. Я использовала его без зазрения совести.

Но именно сейчас, когда он ушел, я хотела его видеть. Его, а не образ Алексея. От этого было еще больнее. Я сама не заметила как, но за эти месяцы Ян привязал меня к себе, своим вниманием, заботой, чертами характера, принадлежащими только ему. И мне было стыдно.

— Перестань заниматься самобичеванием, — сказала Вика, глядя на меня. Мы сидели на работе и с моего лица не сходило виноватое выражение.

Я вздрогнула.

У вас это родственное мысли мои читать?

— А что ты предлагаешь? — тихо вздохнула я.

— Уж я не знаю, что между вами там произошло, он же молчит, слово из него не вытянешь, только по эмоциям и догадываешься.

Я смотрела на нее измученным взглядом.

— Ох, да ну не знаю я, где он! После тебя в тот день приехал, ходил злой как черт, заперся в комнате, звонил кому-то...

— Кому? — тут же спросила я.

— Да откуда ж я знаю! На звонки два дня не отвечает. У него же есть своя квартира, так он и в ней не появляется. Я сама уже начала волноваться.

— А ты говоришь, что я самобичеванием занимаюсь, — почти шепотом сказала я, — Да, меня убить мало!

Вика замешкалась, посмотрела на меня как-то неприязненно.

— Ладно, — с каким-то упрямством произнесла она, — Не все так просто, это правда.

Я, наверное, разучилась дышать...

— В тот день, когда он приехал, я ему ничего не сказала, не знала, как самой на это все реагировать, но, когда он вернется, я ему все расскажу, не хочу, чтобы ты и дальше так ловко им крутила.

Я совсем перестала, что-либо понимать. Вика взорвалась.

— Лен, признайся, ты его использовала?

— С чего ты взяла?! — я тоже перешла на крик.

— Когда я последний раз приходила к тебе в гости, то уж извини, случайно наткнулась на старую газету с заметкой о гибели твоего парня Алексея, которую ты хранишь. И все бы ничего, мы никогда бы не узнали правды, если бы твой парень не оказался сыном какого-то начальника в твоём родном городе, поэтому некролог был основательным и с цветной фотографией. Я, когда увидела ее, глазам своим не поверила — насколько он и мой брат похожи. Общаясь с Яном, ты общаешься на самом деле не с ним, да? А со своим Лешкой. Интересные у тебя игры, подруга.

Внутри у меня все похолодело. Как же я так вляпалась? И как мне теперь объяснить им двоим, что я... Что? Использовала, но не специально, не осознанно?

— Ну что ты молчишь! — закричала она на меня.

— Вик, я не... Ты должна мне поверить! Я не хотела причинять Яну боль...

— Но причинила, и пока ваши отношения не зашли слишком далеко, я все ему расскажу.

Но наши отношения уже далеко зашли, а я не должна была этого допустить. И не только из-за Алексея. Было еще кое-что, что не давало мне права на какие — либо серьезные отношения.

Я была бесплодна, диагноз, который поставили мне еще по окончании школы, звучал как приговор и у Алексея в свое время ушло много времени убедить меня в том, что для него

это ничего не значит. Но Алексея больше нет.

Несколько дней я ждала Яна. Ждала, потому что знала, что после того, как он узнает, он придет. Вика не промолчит, я бы не стала молчать.

"Никогда мне не лги"- я помнила его слова. Интересно, а факт сокрытия информации является ложью? Для него, думаю, да.

В двенадцать часов ночи он пришел, открыл дверь сам, непонятно только кто дал ему ключи. Мне не нужно было включать свет, для того чтобы увидеть насколько он зол. Все, что я видела до этого и считала злостью, ни в какое сравнение не шло с тем, что я увидела сейчас. Я натянула одеяло себе до подбородка, хотя вряд ли мне это поможет.

— Почему? — его голос звенел от ярости.

Я молчала и пыталась вспомнить хоть одну молитву, прежде чем отправиться к праотцу.

— Почему, ты ничего мне не сказала?! — он заорал на меня так, что я вжалась в диван, мне не было страшно за себя, мне было больно за нас обоих.

— А как ты себе это представляешь?! "Ян ты чертовски похож на моего погибшего парня"? — пропищала я и разревелась.

— Ты с самого начала принимала меня за него, — казалось, что он разговаривает сам с собой, — Даже когда я целовал тебя, ты шептала его имя.

Он кинулся ко мне и начал меня трясти.

— Я что игрушка?!? За что ты со мной так!? Почему не сказала сразу?

Какой-то ком в горле встал и мешал мне говорить.

— Пойми ты, наконец, он умер, а я живой! Чувствуешь разницу? Я чувствую, он — нет!

— Кто я для тебя, — продолжал Ян, — Его призрак?

Правдивость его слов не подвергалась сомнению, ответ на его вопрос можно легко было прочитать на моем лице.

— Убью!!! — я зажмурилась, ожидая удара, но его не последовало. Услышав, как зеркало разбилось вдребезги, я открыла глаза, и ужаснулась — повсюду валялись осколки, а его рука была в крови. Я хотела подойти к нему. Но он отшатнулся от меня как от прокаженной.

— Не подходи ко мне, а то ведь действительно убью, — прошипел он, — Я не хочу тебя больше не видеть, не слышать.

Он ушел, уже во второй раз. Но на этот раз, по-моему, навсегда. Что собственно теперь меня задерживает здесь? Минуту назад я боялась смерти, все-таки боялась, сейчас мне кажется это идеальным выходом. Выходом с этого света. На самоубийство я неспособна, значит, есть только один путь. Найти того, кто сможет мне помочь. Полгода я жила как манекен, и желала только одного, почему я вдруг решила, что игра с призраком сможет помочь мне? Пора прекращать эту дурацкую пародию на жизнь.

На следующее утро, когда я проснулась, в голове сформировался вполне конкретный план. Впервые за полгода мое нежелание жить сформировалось в конкретное желание умереть. Но самоубийство не мой конек, я — трусиха. Но кто мешает мне найти убийцу для себя?

Первым делом я пришла на работу и написала заявление об уходе. Теперь у меня была уйма свободного времени, чтобы превратить свой замысел в действие.

Вечером, основательно накрашившись и надев самое короткое платье, которое у меня было, я отправилась в ночной клуб, где по слухам обитали самые отвязные парни. Фигурой я

вышла, что надо, да и лицом Бог не обидел, ну а уж ноги, да в мини, это просто закачаешься.

Села я у барной стойки, заказала мартини, и начала оглядывать зал. Контингент был тот еще. В здравом уме я бы и на километр к этому месту не приблизилась. У меня даже возникла такая мысль, как убежать отсюда. Но здравый смысл посетил меня на секунду, и то только для того, чтобы помахать мне ручкой, и я осталась. Меня не заставили долго ждать. Ко мне двинулся рослый парень, с шикарной шевелюрой. Вот интересно, кто бандитам дал такую моду, как лысая голова? Этот вот не остриженный, и выглядит более культурно.

— Угостить чем-нибудь?

Ни тебе "здрас-те", ни давайте познакомимся...

— Много не пью, спасибо.

Наверно, парню давно так не отвечали, удивление в глазах было неподдельным.

— Ты не здешняя, — это был даже не вопрос, а утверждение.

— Угу, — подтвердила я, даже не посмотрев в его сторону. Парня это задело, но не так, как бы хотелось мне. Размечталась, не хочешь сама придется ждать! Он усмехнулся и представился:

— Я — Антон. А тебя как зовут?

Ни такие уж они и кровожадные, эти бандиты, а жаль, все было бы проще.

— Я — Лена.

— И как же тебя сюда занесло? Ты разве не знаешь, что сюда ходят нехорошие дяди?

— Ничего переживу.

Новый знакомый явно был удивлен моим тоном разговора.

Дальше беседа потекла плавно, и уже через час Антон по — хозяйски обнимал меня за талию и рычал на всех при первом их приближение ко мне. Я дала ему на это полное право. Я мило улыбалась, и еще через час попросила Антона отвезти меня домой. Тот еще раз удивился, но в машине начал приставать, это в мои планы не входило, и я брякнула первое, что пришло в голову:

— Пожалуйста, Антон, не надо, я еще девственница, — и для убедительности заревела.

После такого ответа Антон целовал мне руки и, по-моему, был безумно счастлив, сохранить мою девственность до скончания моего века, а вернее сказать до нашей свадьбы, что в принципе для меня одно и то же.

Ну, что ж первый блин комом, я в принципе не знала, как себя вести с подобными людьми. Где-то с час я продумывала все возможные варианты развития моих отношений с Антоном, только пока было непонятно, что нужно сделать для того, чтобы он меня просто убил, а не отдал своим головорезам на расправу. Да и затея играть с ним девочку была просто для меня ужасна. А то, чего доброго влюбиться парень и не захочет впоследствии меня убивать. Куда проще, конечно, заказать киллера, но не было ни денег, ни нужных на то знакомств. Конечно, вести себя подобным образом полный бред, но выбора не было. Краем сознания я понимала, что меня несет. Но остановится уже не могла, да и не хотела.

На протяжении месяца мы с Антоном встречались в разных барах и ресторанах. Весь этот месяц я активно поддерживала с ним отношения, не подпуская близко к себе, но и не отпуская вовсе. Я шла к своей цели с упорством безумца, не давая себе и минуты для того, чтобы остановится и подумать. Я хотела умереть. И лучшего варианта для себя я не нашла, только убедилась в том, что Антон как никто другой подходит для этого. Он не будет меня мучить, почему-то мне так казалось, убьет по-тихому. И я наконец-то обрету покой. Безумна ли я? Сошла с ума? Да. Моя маниакальная упертость была понятна мне. Но мне была не

понятна его реакция. Не знаю почему он так зацепился за меня. Возможно, для него было в новинку, что я не вешалась ему на шею и вела себя более, чем скромно. Даже поцеловать себя не разрешала. Видимо, именно это его притянуло ко мне магнитом. Я знала, что подобные мужчины не ограничивают себя ни в чем и очень часто пользуются услугами более доступных женщин. А Антон был именно мужчиной, а не молодым неопытным парнем. Разница в возрасте у нас была лет десять. Но он выглядел молодо, не злоупотреблял алкоголем, да и, в принципе, не был похож на типичного братка, ни манерой разговаривать, ни внешностью.

Внешностью, надо сказать, природа его наградила щедро. Выше меня на голову, широкие плечи, массивная грудная клетка, узкая талия и бедра, стройные, но крепкие ноги. Черный, почти цыганский волос, на их фоне его глаза цвета грозового неба смотрелись сюрреалистично. Идеальный овал лица, чуть пухлые губы, аккуратный прямой нос и волевой подбородок, с чуть заметной ямочкой. Сложен он был как бог, красавец-мужчина. Если бы не одно «но». Иногда выражение его глаз заставляло содрогаться от ужаса. Будто на тебя смотрел волк, а не человек. Но меня это не останавливало. Ведь моя цель была далека от серьезных отношений с этим мужчиной. Я ждала момента, когда смогу затронуть самые темные уголки его души.

Сегодня утро наступило неожиданно. Я проснулась от надоедливого звонка в дверь. На пороге стоял Антон, в светлой рубашке, таких же брюках, чисто выбритый. Ну, прямо рыцарь в сверкающих доспехах. И откуда ж ты такой взялся на мою голову? На протяжении всего этого месяца я успешно избегала встреч на квартире. Видимо, моей удаче пришел конец.

— Кажется, я тебя не приглашала, — проворчала я сонно.

Антон ухмыльнулся, похоже, ухмылка его фирменный знак.

— А я не нуждаюсь в приглашении. Чем сегодня думаешь заниматься? — поинтересовался он, захлопнув входную дверь и проходя в квартиру.

— Я так думаю, ты меня куда-нибудь пригласишь.

— Ну и наглая! — возмутился Антон, хотя по всему было видно — моя инициатива ему понравилась.

— Ты же не просто пришел. Ни свет, ни заря... — я протопала в ванну.

Антон что-то там еще бубнил за дверью, пока я принимала душ и думала, что же придумать, чтобы приблизить задуманное.

— Я же не железный, — услышала я, выходя из ванны.

— Конечно, нет, — подтвердила я, хотя и слова из его монолога не слышала, прекрасно догадываясь, о чем он. Буквально вчера, он решил поиграть в рыцаря и сделал мне предложение, причем мой ответ его совершенно не интересовал.

— Ну, и что же ты думаешь? — Антон пристально посмотрел на меня.

— Тошь, давай подождем, а? Ну, пожалуйста, — направление моей игры с ним повернуло не в ту сторону, которую я ожидала. Что ж, видимо так бывает, когда затеваешь опасную игру с волком в обличье человека.

Антон потеплел, чуть ли не растекся, как масло и заключил меня в свои медвежьи объятия. Этот момент можно было бы назвать романтическим, если бы Антон не начал мне нашептывать на ушко нежности, как он, наверное, думал, половину которых нормальная девушка не то, что произнести не смогла, стыдно подумать было бы.

Я была нормальной девушкой, поэтому, когда Антон закончил, цвет моего лица оставлял желать лучшего, свекла бы мне позавидовала. Антон все списал на мою невинность. Почему-то, когда дело доходило до девственности, у него аж руки начинали дрожать, мужчина просто благоговел надо мной. Интересно, что будет, если сейчас ему сказать, что я его обманула? Что он у меня далеко не первый, но уж точно последний. Я даже улыбнулась, представляя его реакцию. Антон, естественно, принял это на свой счет.

— Куда путь держим? — спросила я его уже в машине. Машина надо сказать шикарная. Иномарка, что для нашего провинциального города редкость.

— Везу тебя знакомиться, — просто ответил он.

Я раза два нервно моргнула.

— С кем это?

— С друзьями, — сказал он и посмотрел на меня. Наверное, вид у меня был испуганный, потому что он тут же начал меня успокаивать.

— Не бойся, не съедят же они тебя, в конце концов.

— Может, и съедят, — больше для себя, чем для него произнесла я.

Он засмеялся и посмотрел на меня влюбленными глазами.

— Я не позволю.

Что-то быстро развиваются события, но оно мне только на руку. Дальше мы ехали в тишине. Мне резко перестала нравиться эта затея. Слишком быстро Антон начинал ко мне привязываться. Да, и что я монстр, ну бандит парень, но человек же. А людям боль я причинять совсем не хотела. Но на попятную идти, это значит провал. Убить не убьет, покалечит, а мне нужен только летальный исход.

Как я и думала, дом друзей, а вернее сказать дача находилась за городом. Ничего оригинального. Когда мы вошли в дом, у меня потихоньку начала отваливаться челюсть. Не от обстановки в доме, этим меня вряд ли удивишь, а от количества народу в нем.

"Друзей" было человек пятнадцать. И все как один уставились на меня, ну и уже потом обратили внимание на Антона. Слава Богу, у меня хватило мозгов, одеться поскромнее, неприятно, когда на тебя пялятся такое количество народа.

— Синица! Здорово. Давно тебя не видели, — так я узнала о существовании клички Антона, пока они подходили и дружески хлопали друг друга по плечу. Антон представил меня и начал представлять своих друзей. От количества кличек у меня голова закружилась. Зоопарк какой-то: тут тебе и Кабанчик, и Лев (я так полагаю это имя?), и даже свой персональный Маугли есть. По любому выходило, Антон привез меня на смотрины, он как бы заявлял свои права на меня — "вот моя девушка, она моя и ничья больше". Только возникал вопрос: почему он показал меня своим друзьям, а не родителям?

Я отбросила страхи и начала общаться. Вела — то я себя конечно скромно, дабы не раздражать моего вездесущего надсмотрщика, но было видно, что кое-кто из этой компании мной заинтересовался не на шутку. А это можно было использовать. Интересно Антон способен убить в порыве ревности? Ближе к вечеру вся наша компания собралась в ресторан. Там мы гуляли до полуночи. Я уже порядком устала, и, на мое удивление, Антон проявил заботу, распрощавшись со всеми, на что ушло еще полчаса, он поднял меня на руки, под улюлюканье толпы — мужчина однозначно любил эффекты. Я решила выразить свое неодобрение:

— Антон, ну я что маленькая? Сама дойти не могу?

— Для меня да, — он чему-то загадочно улыбался.

Еще один, подумалось мне. До жути хотелось реветь, потому что весь вечер я вспоминала не рано ушедшего Лешку, а Яна, мне не хватало его. Сидя в машине у Антона, слушая музыку, я поняла только одно: я все испортила сама. Мое чувство к Яну было больше, чем напоминание о погибшем парне, он вытащил меня из болота боли, куда я с такой охотой ныряла, он был со мной, терпел мои слезы и плохое настроение, а я продолжала цепляться за свою боль, испугавшись, что смогу жить после смерти Алексея, и жить счастливо. Ян пытался достучаться до меня, а я не захотела слушать. Теперь он меня ненавидит, а я как никогда близка к смерти.

Неровными шагами я зашла в собственную квартиру. От осознания того, насколько я невероятная идиотка, мне стало плохо, а когда к этому приплелось еще и чувство вины за использование Антона, я тихо начала ненавидеть саму себя. Антон стоял и смотрел, как я, поджав ноги, сижу на диване и смотрю не видящим взглядом. Он вдруг стал серьезен. Почему-то мне показалось, что для него вся эта ситуация представляется гораздо серьезней, нежели мне. Как к этому можно относиться серьезно, если ты знаком всего лишь месяц?

— Тебе плохо? — раздался его голос.

— Да, мне плохо, — я не стала кривить душой.

— Это я виноват? Тебя напугали мои друзья?

Еще один с комплексом вины.

— Ты знаешь, они немного жутковатые, — пока я продолжала быть откровенной.

— А я?

Я не смотрела на него, но чувствовала, что он задал свой главный вопрос.

— Нет.

Вздых облегчения или я ослышалась?

— Я останусь у тебя сегодня.

Ничего себе, он даже не спрашивает!

— Антон, мы вроде бы договаривались?

— Я не нарушу обещание.

Что мне оставалось делать? Я постелила ему в другой комнате. Антон усмехнулся, и ушел спать, бурча себе под нос что-то о старомодных взглядах.

Я лежала и думала, куда же меня все это приведет, и не сделаю ли я еще одного человека несчастным... Что я делаю? Зачем играю чувствами других людей?

— Я так хочу тебя, — шептал Ян, и почему-то грубо целовал, его рука соскользнула вниз, мое сердце билось где-то у горла.

— Тебе не будет больно, я клянусь.

Больно? Почему...

Проснулась я резко. Придавив меня к дивану, Антон срывал с меня одежду, я попыталась оттолкнуть его. Черт, я была согласна на смерть, а не на изнасилование!

— Тошка, не надо, пожалуйста, — мой голос был испуганным, я действительно испугалась.

— Я обещаю тебе, все будет хорошо, тебе не будет больно, милая, — бормотал он, продолжая пытаться меня раздеть. Тут нужно было что-то посущественнее моего испуганного голоса, и я нашла это существенное, прямо у себя на полу.

Когда пустая бутылка из-под мартини, разбилась об его голову, он просто рухнул. Первым делом, я проверила пульс — живой. Слава Богу, не убила. Я села и начала ждать:

когда он очнется, мне не поздоровится. Дурацкая ситуация, в которой он виноват сам — нечего было так напиваться и лезть к спящей девушке.

Очнулся он только под утро, стоная от боли в голове, я молчала и смотрела на него. Он посмотрел на разбитую бутылку, осколки которой я даже не потрудились убрать, потом на меня, я видела, что он все вспомнил. Я вздохнула и приготовилась.

— Молодец, Ленка!

Я ошарашено на него уставилась.

— Прости меня, лапонька, — заискивающе заглядывая мне в глаза произнес Антон, — Перебрал вчера. Приставать начал, да?

Я коротко кивнула, пытаясь привести саму себя в чувство. Это ж надо! Ему съездили по башке, а он вместо того, чтобы орать и угрожать смертельными пытками, как заправскому бандиту, прощение просит.

— Уйди, пожалуйста, Антон, — решила я обидеться на всякий случай, дабы уверить его в своей любви, и мне действительно захотелось побыть одной.

— Прости меня, я не хотел так... — тихо начал он. Я видела, что "прости" он произносит второй раз в жизни. Я собрала всю свою волю в кулак, чувствуя себя при этом последней дрянью. Но пора начинать вторую часть «марлезонского балета». Другого шанса у меня видимо не будет, заходить дальше и ложиться к нему в постель в мои планы не входило.

То, что я собиралась ему сказать по сути для адекватного, нормального человека было бы неприятным, но не смертельно обидным. Но я прекрасно понимала, кому я это буду говорить. И прекрасно осознавала его реакцию, даже предугадывала. Поманить волка вкусной добычей, уверит его в том, что добыча уже в его лапах, а потом увести из-под носа смертельно опасно.

— Мне не нужны такие отношения, Антон.

Его брови в удивлении поползли вверх, он весь собрался, как зверь перед прыжком, и, не отводя от меня взгляда, зло спросил:

— Ты думаешь, ты вот так от меня избавишься?

— А тебе не кажется, что тут нечего обсуждать? Мы знакомы месяц, у нас ничего не получилось, и я просто говорю тебе «прощай».

Он ухмыльнулся и через минуту ушел. Но я знала, что это не конец, а только самое начало.

В этот день, я никуда не выходила, ждала, что же предпримет Антон. Мне было жаль его, честно жаль, но только так я смогу уйти из жизни, только так. Его не было и вечером. В десять вечера зазвонил телефон, номер незнакомый.

— Да?

— Лена?

— Да, а вы кто?

— Это не важно, важно, что Антон в больнице, автомобильная катастрофа.

— Он жив? — еле выдохнула я.

— Да, записывайте адрес.

Я мчалась на всех парах, я была в ужасе от того, что по моей вине, чуть не погиб человек. Я сегодня же ему все расскажу, сейчас же, я буду умолять его о прощении. Я не знаю, что еще я могу для него сделать.

Антон лежал на больничной койке с перевязанной головой, бледный. Увидев меня, он

вновь ухмыльнулся, а в глазах загорелись недобрые огоньки.

Я же просто стояла и смотрела, не в силах двинуться с места.

— Зачем пришла? — голос сиплый, но не злой.

— Антон, я виновата, прости... — начала я.

— Ты тут ни при чем... почти... Это я не справился с управлением.

Он еще и защищает меня!

— Антон, нам нужно поговорить, серьезно...

— Да, нужно, но не здесь, — он смотрел на меня так, как будто что-то знал.

Играя со смертью, я чуть ли не стала причиной смерти другого человека. Я не дрянь, я хуже.

Я не могла долго заснуть. Часа в два провалилась в тяжелый сон.

— Что ты творишь, ты хоть понимаешь, куда ты ввязалась? — голос Яна во сне был не злой, а усталый.

— Не надо мне снится, мне и без тебя тошно, — недовольно проворчала я и проснулась.

Темень была, хоть глаз выколи. Я тяжело вздохнула.

— Ну, зачем ты мне снишься? — проворчала я в пустоту.

— Может потому, что я привидение, — прозвучал ответ из угла комнаты. Я подпрыгнула и закричала. Он тихо рассмеялся.

— Ян! — волна радости всколыхнулась в моей душе — он пришел — но тут же исчезла без следа. Он появился слишком поздно. Я уже по уши залезла во все это и мне не место рядом с ним.

Ян сидел в кресле и наблюдал за мной своими золотистыми карими глазами. Я видела его размытый силуэт в свете луны. Я спрыгнула с кровати, в поисках выключателя.

— Не включай свет. За тобой следят.

— Кто?

— Надо полагать, архаровцы твоего Антона, — сказал он язвительно.

Итак, он знал, но удивляться было нечему, зная, что он также вращается в этих кругах.

— Что еще ты знаешь? — осторожно спросила его я.

— Ты понимаешь, во что ты вляпалась? — проигнорировал он мой вопрос, — Ты хоть знаешь кто он? Что он из себя представляет? И какой опасности ты себя подвергаешь?

— Тебе то, что! — начала я вскипать, — Можно подумать ты лучше!

— Я, по крайней мере, не убиваю людей, — зло бросил он.

— Да ну?

— Я в жизни еще никого не убил! — возмущенно воскликнул он.

— Судя по роду твоих занятий, у тебя все еще впереди, да и к тому же, мне все равно, — четко сказала я. Как ни противно мне все это, но это единственный путь — врать.

— Все равно? — он смотрел на меня как на ненормальную. Я, наверное, и была таковой.

— Да, — ответила я, и собрав всю свою решимость, сказала самую откровенную ложь, возмутительно неправдоподобную и невозможную, но мне нужно, чтобы он поверил. Поверил и ушел на этот раз навсегда.

— Я люблю его.

Надо было видеть, что отразилось на его лице, мне так хотелось подбежать к нему, обнять и сказать, что все это ложь от начала до конца. Но я не сделала ни шагу.

Только молила про себя. Уходи, отвернись от меня. Перестань меня спасать. Я не стою твоих страданий и любви. У тебя должна быть нормальная жизнь, хорошая девушка, которая будет любить тебя, а не образ другого человека. Для тебя должно быть завтра, где будут любящая жена и дети. Для меня же оно закончилось еще до встречи с тобой.

Глава 2. Расплата за грехи

Есть такие страшные соблазны, что для того, чтобы им поддаться, нужна сила, сила и мужество.

Оскар Уайльд

Я смотрела на него и видела, как стремительно боль Яна перерастает в гнев, в гнев такой разрушающей силы, что на мгновение мне стало жутко. Его лицо будто потемнело, я глазах полыхал огонь.

— Любишь его? — его голос был наполнен еле сдерживающейся яростью.

— Да, — мое лицо ничего не выражало, я сама удивлялась, откуда во мне столько смелости.

Лицо Яна скривила ухмылка, которая очень мне не понравилась. Через мгновение он подскочил ко мне и сильно прижал меня к себе. В глазах дьявольский огонь, уже разгорался в дикой пляске.

И он поцеловал меня. Поцеловал так, как никогда, и никто не целовал, прикусывая мои губы жадно, яростно. Он наказывал меня этим поцелуем.

— Любишь его? — повторил он свой вопрос.

— Да, — уже не так уверенно произнесла я.

Все также, не отрывая от меня своего бешеного взгляда, задрал мою сорочку до бёдер. Я затаила дыхание, глядя в его глаза, не в силах ни оттолкнуть, ни что-либо произнести. Через секунду раздался треск рвущейся ткани и лоскуты, когда-то бывшими моими трусиками, полетели на пол. Его пальцы напористо, но в тоже время и нежно погладили меня между ног, и я захлебнулась собственным дыханием. Эмоциональный накал был такой силы, что одного движения его пальцев было достаточно для того, чтобы меня накрыло его же бешеным желанием, животной страстью, до дрожи в теле, до мурашек в глазах. От одного его мужского запаха у меня снесло крышу.

— Повтори, — выдохнул он, его голос сбился и осип.

— Я люблю...его, — уверенности в моем голосе не было вовсе.

Через секунду после моего ответа моя оставшаяся на мне одежда рваными лоскутами полетела на пол. Еще через секунду я тоже оказалась там. Ян прижал меня к полу и продолжил свои изощренные ласки. А в его глазах я видела отражение собственной страсти. Раздвинул мои ноги шире и проник в моё лоно двумя пальцами. Мне казалось, что только от одного этого движения, такого собственнического, от одного его безумного взгляда я готова взорваться. И он словно почувствовал тоже. Резко убрал свои пальцы, и в следующее мгновение вошёл в меня, вызывая во мне глухой стон. Выгнулась всем телом и закрыла глаза.

— Не смей закрывать глаза! — рыкнул мне в губы, двигаясь во мне, — Смотри на меня!

Распахнула их, повинуюсь его приказу. И была снесена новой волной возбуждения, кровь во мне превратилась в горячую лаву. Я смотрела в его лицо, пока он брал меня и видела адское пламя в его глазах. Он хотел меня, и он наказывал меня своим желанием. Брал меня сильно, свирепо, сжимая мои кисти рук и не давая им дотронуться до него. И теперь я понимала и различала разницу между нежной любовью Алексея и животной страстью, и похотью Яна. Ян трахал меня. Брал то, что считал своим, заражал своей неудержимой страстью так, что вышибало дух, так, что я забыла себя в этот момент. Он оставлял на моём

теле жалящие укусы, заставляя мою кровь кипеть и, в тоже время, убивал меня этим. Вся его сила желания была пронизана намерением подчинить меня себе, поработить. Он не занимался со мной любовью, он просто меня трахал.

— Ян, пожалуйста, не надо со мной так, — находясь на грани собственного сознания, выдохнула я.

Он остановился на мгновение, еле сдерживая себя, со рвущим грудную клетку дыханием, с адским пламенем в глазах, что обещали мне и рай, и ад одновременно. А потом ухмыльнулся и с силой толкнулся в меня, вырывая мой вскрик.

— Вот так? — хрипло выдохнул, — Или может быть так? — опустил свои пальцы мне на клитор и нежно погладил. И этот контраст его яростной страсти и нежности разнёс меня в щепки. Я закричала, содрогаясь в пароксизме своей страсти.

Он ворвался языком в мой рот, и через два удара сердца последовал за мной.

А после... Не было нежности и ощущение единения, не было ничего того, что могло бы быть. Ян практически сразу начал одеваться. И в тот момент, когда я пыталась понять что же произошло в наших душах и к чему всё это приведёт, Ян заговорил.

— Ты была права, когда говорила мне, что не нуждаешься в помощи. Я не послушал тебя, впустил тебя в своё сердце. А ты растоптала меня. Ты словно яд, что отравляет весь организм медленно, с конвульсиями и болью. Тебя нельзя любить, тебя можно только иметь.

Я задохнулась от боли, которая прошила меня после его слов. Каждое его слово жалило меня и попадало прямоком в сердце. Но по факту я добилась того, чего и хотела — теперь он ненавидел меня. И я дрожащим голосом завершила начатую игру:

— Ненавижу тебя.

Он ушел, хлопнув дверью. А я дала волю слезам. Плакала всю оставшуюся ночь до утра. А потом во мне будто что-то переключили — слезы высохли и на их смену пришло ледяное спокойствие.

Что значит смерть для вас? Как выглядит? Что вы видите перед собой, когда представляете ее? Старуха с косой? Или прекрасный и холодный ангел смерти? Для меня это просто проводник. Мое тело истлеет и превратится в прах. Но я останусь. И пойду за проводником и, возможно, там я буду с тем, кого так безжалостно у меня отняли. Для меня ничего не закончится. Так говорили древние: *mors principium est*. Смерть — только начало.

У меня было время подготовиться к ней и подготовить свое оружие самоубийцы — Антона.

Антон выписали из больницы через неделю, после той ночи. Его поведение изменилось, да и мое тоже. Ледяное спокойствие, которое поселилось во мне после ухода Яна продолжало действовать. Антон ходил угрюмый и молчаливый и искоса на меня поглядывал, а я не делала больше попыток мило ему улыбаться и говорить, что все хорошо. Я знала, что он что-то знает, но мне уже было все равно. Я не знала, что я хотела, вся эта игра зашла настолько далеко, что было непонятно чем все это закончится. Я окончательно завралась. За всю свою недолгую жизнь я столько не лгала и не изворачивалась, как в последние месяцы. В один из таких вечеров я решила признаться хотя бы в одной лжи.

— Я обманула тебя, Антон.

Его рука с чашкой чая дрогнула, и капли чая пролились на стол, за которым мы сидели. Я встала, взяла тряпку и начала вытирать со стола. Он взял меня за руку и посмотрел мне в глаза.

— Сядь, — приказал он. Он молчал и смотрел, и мучился, я это видела. Но не спросил

больше ничего, как будто давал время на обдумывание того, что я сейчас ему скажу.

— Я не девственница, уже давно, — больше я ему ничего не сказала, мне до одури надоела бессмысленная игра. Будь что будет, если он решит не убивать меня, а отдать своим людям на расправу мне же хуже, все равно надолго после этого я на этом свете не задержусь. Кто знает, до чего нужно довести бандита, чтобы он проявил свою звериную сущность? И хочу ли я смерти на самом деле?

— Насколько давно? — спокойно спросил он. Его тон меня удивил, но я не подала виду.

— Два года назад.

— С кем?

От такого вопроса я даже застыла как каменное изваяние.

— С однокурсником, — медленно произнесла я, наблюдая за его реакцией, про Лешку я говорить не хотела, да и какая разница с кем.

— Найду и убью, — также спокойно сказал он, отхлебывая, как ни в чем не бывало, чай из бокала.

С ума сойти! Я ожидала бурю эмоций, а не это обреченное спокойствие.

— Антон, что случилось? — я наблюдала за его лицом. Ну, хоть что-то должно же быть?

— А что случилось? — все-таки голос его дрогнул.

— Где гнев, обещание убить меня, ну, хоть что-то ты должен чувствовать, но точно не делать вид, что все хорошо.

Антон очень внимательно и серьезно посмотрел мне в глаза.

— Убить? — пораженно переспросил он. У меня пересохло в горле. Он закрыл глаза, на губах горькая усмешка.

— Вероятно, ты предполагаешь, раз я... — и замолчал.

— Я не монстр, Лена, — через какое-то время произнес он.

— Ты слишком спокоен, — настаивала я.

— Тебя сильно удивит, если я скажу тебе, что я знал? — спросил он меня устало.

— Когда ты узнал?

— В тот день, когда ты меня выгнала, — он пристально посмотрел на меня, — Да я хотел тебя убить, это была моя первая реакция, но потом груда искореженного металла, помешала моему гневу, а в больнице у меня было время подумать, чтобы не совершать поступков, о которых я бы потом пожалел.

Я стояла, замерев, словно передо львом.

— Это вообще чудо, что ты жива, — продолжал он, — Я, милая, не завожу серьезных отношений с человеком, если недостаточно о нем знаю, о тебе я не знал ничего, все эти дни на тебя копали информацию. Человек, которому я поручил это сделать, позвонил мне, когда я ехал на машине от тебя, он многое мне рассказал о тебе.

Он замолчал. И даже не глядел на меня.

— Так значит, я была права, это из-за меня ты чуть не погиб и попал в больницу, — я не спрашивала, констатировала факт, желание убить саму себя у меня усилилось.

Он будто не слышал.

— Почему ты не сказала, что ты девочка Стрелка?

— Кого? — недоуменно переспросила я.

— Стрелкова Яна Валерьевича, прошел Чечню, наемником, в данный момент входит в бригаду Сизова, его правая рука.

Не все я знала о Яне. А что я вообще о нем знаю, кроме того, что он мне рассказал?

— Я не его девочка, — грубо бросила я Антону.

— Ясно, — Антон встал и кошачьей походкой направился в мою сторону.

— Ты поссорилась с ним, или он тебя бросил, не в этом суть, — теперь я видела в его глазах злость, когда он навис надо мной, что ж, по крайней мере вот это нормальная реакция, — И решила забыть его, но ты не того мужчину выбрала в качестве мести ему. Тебе очень повезло, что я узнал все не у тебя дома.

Я спокойно смотрела ему в глаза.

— Что мешает тебе сейчас наказать меня? — я нарывалась, подталкивала и в то же время боялась.

— Ты хочешь, чтобы я наказал тебя? — Антон как никогда был похож на хищника на охоте.

Я молчала. Что сказать-то?

— По крайней мере ты теперь не отвертишься, — злорадства в нем было хоть отбавляй.

— От чего? — не поняла я.

— А ты подумай, — он посмотрел на меня достаточно откровенно, так что и дураку было ясно, о чем это он. Да что ж за мужики-то пошли! Что один, что другой! Есть, интересно, в мозгах что-нибудь, кроме секса?

— Это твое наказание? — процедила я сквозь зубы.

Он грубо схватил меня.

— Спать со мной для тебя наказание? — заорал он, — Чего ты вообще ожидала, знакомясь со мной? Ты не подумала о том, что рано или поздно тебе придется это сделать?

Да, я не подумала. Я не подумала, что все это зайдет так далеко. Я рассчитывала на быстрый исход, на бандитскую жестокость. Хотя, может, оставить меня в живых и есть та самая жестокость, и есть то наказание, что я и врагу не пожелаю.

Антон, приблизившись ко мне вплотную, отрезал путь для побега и с силой меня поцеловал. С силой и какой-то обреченностью. Я все-таки сумела оттолкнуть его и зажалась в угол, прекрасно понимая, что это не выход.

— Я настолько противен тебе? — удивился он.

— Я просто тебя не люблю.

— Кому нужна твоя любовь! — заорал он снова, — Я получу тебя и без нее!

Его слова пробили дыру в моем заледенелом спокойствии. Я не вещь, которую можно брать, когда захочется! Почему они оба, и Ян, и Антон считают вправе распоряжаться мной? На эмоциях я выпалила ему все, что я думаю о нем, и о таких как он:

— Может тебе она и не нужна, скотина, тебе вообще ничего не нужно кроме твоих вонючих денег и иллюзии власти. Если ты думаешь, что для меня ты предел мечтаний, то ты глубоко ошибаешься! Кто ты? Что ты есть? Вонючий бандит, отброс общества!

Что я совершила ошибку, поддавшись эмоциям, я поняла потом, очнувшись в холодном подвальном помещении через трое суток. Мое тело болело так, как будто по мне танк проехался, раз пятнадцать. Я попыталась встать и у меня с трудом, но получилось. Я оглядела себя: на руках и ногах ссадины и синяки. Я с содроганием вспомнила то, что произошло после того, как я его оскорбила. Я наговорила еще кучу гадостей, самым ласковым словом, из которого было «козел». Антон налетел на меня как ураган, последнее, что я запомнила, так это в мою квартиру влетели его люди и оттащили его от меня. Дальше провал. И единственное, о чем я сожалела, так это то, что он не довел свое дело до конца.

Дверь в мою темницу отворилась, и зашел парень внушительных размеров.

— Пошли, тебя Синица хочет видеть.

Я решила упорствовать до конца:

— Никуда я с тобой не пойду, а уж твоего Синицу я точно не пылаю желанием наблюдать.

Парень оторопел от такой наглости, но все — таки отстал от меня, видимо побежал к нему, к хозяину, жаловаться.

Через десять минут ко мне, громко хлопнув дверью, влетел Антон с глазами зверя.

— Ты чего вытворяешь, а? Мало тебе?

— Тебе чего от меня надо? — заорала я на него.

— Ты здесь хочешь разговаривать? — процедил он сквозь зубы.

Я отрицательно покачала головой. Похоже, придется смириться. Тяжело вздохнув, я собиралась ему сказать еще пару ласковых, но неожиданно согнулась от боли в ребрах. Ага, дышать надо аккуратнее. Я почувствовала, как кровь отхлынула у меня от лица, покачнулась и, наверное, упала бы, если бы Антон не подхватил меня.

— Оставь меня в покое, — сил моих хватило только на шепот, хотелось забиться в угол и тихо умереть.

В следующее мгновение я очнулась в какой-то комнате, но из-за черных пятен перед глазами так и не смогла разглядеть, где я вообще нахожусь.

— Зачем ты это сделала? — раздался голос Антона, — Ты ведь нарочно выводила меня из себя?

Я молчала, даже не пытаюсь посмотреть на него, все равно бесполезное занятие — перед глазами все плывет.

— Если бы не парни, я бы убил тебя! — в какой-то панике закричал он, — Лена, ну что ты молчишь?

— Мне нечего сказать, — произнесла я, переведя дыхание.

Антон сел в кресло, и на какие-то минуты в комнате наступила тишина, он пытался понять меня, пытался сложить картинку в своей голове в единое целое.

— Ты любила его? — спросил он тихо.

— Кого? — простонала я.

— Яна, — еще тише произнес он.

Что-то в глубине души шевельнулось, но так слабо, что я даже не поняла больно мне или это уже реакция на уровне автомата.

— Да, в какой-то степени, — просто ответила я.

— Это он?

— Что? — не поняла я.

— Он твой первый...

— Нет.

— Значит твой первый тот, кто погиб?

Я удивленно распахнула глаза.

— Откуда ты...,- начала я и резко замолчала. Можно и не спрашивать, он может узнать про меня все, всю мою подноготную, кроме моих мыслей, пока.

— Прости, за такой вопрос. Я могу понять, тебе пришлось тяжело. — Антон сидел в напряженной позе и пристально смотрел на меня.

«Мне и сейчас тяжело и жутко» — про себя сказала я.

— Чего ты хочешь от меня, Лен? — с усталостью в голосе спросил он, — Я не могу понять твоих мотивов, для чего ты со мной познакомилась, для чего обнадеживала, а потом так резко спустила с небес на землю. Для чего?

Может просто попросить его? Да, представляю, как это будет выглядеть: «Антон, убей меня, я не хочу жить». Глупо.

— Забыться хотелось.

Он усмехнулся.

— Ну, как помогло?

— Не очень.

Он встал и начал ходить по комнате. По его напряженной позе и угрюмому молчанию, я видела, что он что-то для себя решил. И от того, что он сейчас скажет, зависит и моя дальнейшая судьба. Иллюзий насчет того, что он просто отпустит меня, у меня не было.

— В общем, так, я не открою для тебя Америку, если сообщу тебе о том, что за все нужно платить. Ты не пожалела меня, я не собираюсь жалеть тебя, — я с непониманием слушала его, — Я не отпущу тебя, я не дам тебе свободы, — он жестко посмотрел на меня, — И ты теперь будешь играть по моим правилам. А чтобы ты не подумала улизнуть от меня или обратиться за помощью к сильным мира сего, ты выйдешь за меня замуж.

— Ты сошел с ума! — я истерически расхохоталась, — Средневековье какое-то! Развод еще никто не отменял!

— А ты попробуй! — огрызнулся он, — И я отдам тебя своим людям, ведь именно этого ты больше всего боишься.

Я онемела, я не могла поверить, что он так жесток. Именно об этом меня предупреждал Ян.

— А, чтобы ни у кого не возникло и сомнения в искренности твоих чувств ко мне, то мы сделаем все, как полагается — пышная свадьба, куча родственников, влюбленные взгляды и свадебное путешествие, — закончил он бархатным голосом, звучащим для меня зловеще.

— Дорогой, а ты не думаешь, что мои родственники сразу поймут обман? Они очень хорошо меня знают, да и свадьба через восемь месяцев после гибели предыдущего жениха, ...не странно ли это? — с издевкой спросила я его.

— Ты не справедлива ко мне, — он улыбался одними губами, глаза же оставались холодными, — Я все продумал. Мы скажем, что ждем прибавления в семействе. А потом у нас будет время, чтобы превратить эту маленькую ложь в правду.

— Зачем тебе это нужно? — задала я вопрос, который так и остался без ответа.

Мне захотелось стать глухой, хотя бы на время, чтобы не слышать это. Ну что ж, Тоша, тебя ждет сюрприз, наследника ты не увидишь, как собственных ушей.

— И запомни, — сказал он мне, перед тем как уйти, — Не вздумай бежать от меня, у меня есть много способов причинить боль не только тебе, но и твоей семье, не забывай об этом.

Свадьба была назначена через две недели, спешку объяснили моей беременностью. Родители, по-моему, поверили в божье проведение, когда узнали, что их бесплодная дочь залетела. Антон сдружился с моим отцом, а мать души не чаяла в таком галантном зяте. Лишь я ходила как во сне, не веря, что это происходит со мной. Ян не объявлялся, лишь один раз Вика позвонила и сухо поздравила с намечающейся свадьбой. Я улыбалась всем и вся, казалось, улыбка приклеилась ко мне. Но у меня даже не было сил винить во всем Антона, ведь все что со мной происходит, сделала я, своей собственной глупостью.

До свадьбы остался один день, я к этому времени благополучно переехала в шикарную квартиру Антона. Но несмотря на то, что теперь мы жили вместе, он не делал попыток даже дотронуться до меня. Меня это устраивало, хотя и удивляло. Я искренне не понимала его поведения. Наедине мы часто ссорились и этот день не стал исключением. Оглушительно хлопнув дверью, в квартиру вихрем влетел мой будущий муж.

Злой как черт, он пронесся мимо меня в свой кабинет, залез в сейф достал какие-то бумаги и порвал их.

— Что происходит? — спросила я его.

— Не лезь не в свое дело, — гаркнул он, ни на минуту, не отвлекаясь от своего занятия.

— Завтра это станет и моим делом тоже! — зарычала я на него.

Антон посмотрел на меня удивленно и расплылся в улыбке.

— Не может быть! Неужели ты решила поменять гнев на милость и проявить хоть каплю интереса к моей персоне? — каждое его слово было будто пропитано ядом.

— Твоя персона меня мало волнует! — грубо сказала я ему в ответ, — Больше меня волнует, что происходит, и как это все обернется для меня и для моих близких.

— Кстати, о твоих близких, не забудь завтра наша свадьба и тебе твою роль надо сыграть до конца, так чтобы все поверили, что мы без ума друг от друга, — каждый раз, когда он напоминал мне об этом, мне казалось, что он делает это с каким-то садистским удовольствием.

День свадьбы я запомню надолго. Куча народу, особенно его родственников и друзей, глупые шутки, дурацкие конкурсы. Но я готова была пережить это снова и снова, только бы это не кончалось и не подводило меня к той самой пресловутой брачной ночи. Уверенность, в том, что она будет, мне предала фраза Антона, которую он шепнул мне на ухо, когда мы выходили из ЗАГСа: «Вот и все, женушка, теперь ты не вправе отказать законному мужу». Антон пил рюмку за рюмкой, но оставался трезв, меня это удивило, но я все-таки надеялась, что он напьется, сделает мне такой подарок. Все мои надежды полетели крахом, когда я поняла, что в рюмке обычная вода, даже в этом он действовал методично хладнокровно, нарочно не оставляя мне не единого шанса. Часов в 12 гости начали разъезжаться кто по домам, кто-то оставался гулять в ресторане до утра. Прощальный выход — мы с белоснежными улыбками, махаем всем рукой и садимся в свадебный кортеж, специально заказанный по такому случаю.

Чем ближе мы приближались к дому, тем больше меня начало бить в ознобе. Когда мы подъехали, Антон подал мне руку, а возле подъезда взял на руки и так нес до самого четвертого этажа, дверь в квартиру была предусмотрительно распахнута, так что Антон донес меня прямо до кровати.

Я не смотрела в его сторону ни тогда, когда он раздевался, ни тогда, когда он начал раздевать меня. Почему-то мне вспомнилось мое второе прозвище, данное мне на работе — робот. О, да, именно его я себе напоминала. Оцепенение сковало меня. Как это будет? Он будет груб? Будет заботиться только о себе?

— Нежная моя девочка, — неожиданно ласково произнес он, — Давай начнем все сначала, забудем все, что было, начнем заново. Я ведь хоть немного нравлюсь тебе? Иначе, ты бы вовсе не подошла ко мне. Девочка моя, я с ума схожу по тебе.

Меня шокировали его нежные, и в то же время, страстные слова. Может быть, он думал, что они заставят меня открыться ему, но чуда не произошло, когда Антон начал меня целовать, слезы потоком хлынули у меня из глаз.

— Твою же мать! — он оттолкнул меня, — Не нужно делать из меня монстра. Дай мне, мать твою, хоть один шанс!

От его злости я вся съежилась. Упираясь было бесполезно, я это понимала. У него были все права спать со мной, и только от меня зависело, будет это более или менее болезненно. Но сейчас я ничего не могла поделать, эмоции хлестали через край. Усилием воли я заставила себя успокоиться.

Легла на кровать и уставилась в потолок. Антону не нужно было приглашение для того, чтобы понять, что я сдалась.

Несмотря ни на что Антон оказался нежным любовником, конечно, он не разбудил во мне ответную страсть, но и сказать, что мне было неприятно я не могу. Он опытный мужчина и, конечно же, мое тело ответило на его ласки. Не было того безумия, что я пережила с Яном. Но Антон методично, медленно и ласково подводил меня к удовольствию, каждым движением повышая его градус. Если бы не вся эта ситуация в целом, я бы подумала, что он влюблен в меня по-настоящему. Потому что всю ночь напролет он любил меня, подводя к черте несколько раз, так, что я забылась в чувственном удовольствии и начала сама отвечать на его ласки.

Проснувшись я в двенадцать часов дня от пристального взгляда. Антон лежал рядом и смотрел на меня с таким обожанием, что аж дух захватывало, на лице играла улыбка. Если бы не обстоятельства нашей свадьбы, да и знакомства в целом, я бы поверила в этот взгляд.

— С добрым утром, любимая, — ласково произнес он.

Я смущенно улыбнулась и попыталась накрыться одеялом.

— Нет, не надо, — не дал мне этого сделать Антон.

Ну что ж, все барьеры рухнули, и он теперь мой муж. Я тихо вздохнула.

— Скажи мне, — начал он, все еще смотря на меня, — Теперь ты не жалеешь, что вышла за меня?

Боже, какое самодовольство иногда проявляют мужчины!

— Если ты думаешь, что одна ночь смогла стереть твой гнусный шантаж, то ты ошибаешься, — ответила я. Я не собиралась давать ему надежды и поднимать ветвь мира, которую он только что бросил мне своими шуточными словами.

— Что-то я не заметил этого, сегодня ночью, когда ты стонала подо мной, — бросил мне он.

— Да, Антон, — сказала я ему, серьезно глядя в глаза, — Любовником ты оказался хорошим, если я вообще могу судить об этом, имея мало опыта, но на остальное не рассчитывай.

— А твое остальное мне не нужно, — хохотнул он.

— Зачем же женился тогда?

— Не заставляй меня повторяться, — коротко бросил мне он.

Я решила укусить его побольнее.

— Ну, раз остальное тебе не нужно, то я полагаю, остальное я могу дарить любому другому мужчине.

— Не смей, — зарычал он, и дистанция между нами угрожающе сократилась. Я натянуто рассмеялась.

— Ладно, ладно, я просто хотела, чтобы ты понял — ничего не изменилось.

— Я тоже хочу, чтобы ты кое- что поняла, — он резко оказался сверху меня, — Я не собираюсь отступать, и делить тебя с кем-то другим тоже не собираюсь, — и так же резко

раздвинул коленями мои ноги, — Все, что я говорил так и остается, не смей со мной играть...

На этот раз его объятия отличались от объятий в брачную ночь. Исчезла нежность, набросившись на меня, как голодный лев, он не столько занимался со мной любовью, сколько устанавливал свою метку, свое клеймо — я всецело принадлежу ему. Я наконец-то поняла, насколько разным может быть теперь уже мой муж. Господи, я ведь даже не знаю, кто он в принципе, что за человек. И возможно я вышла замуж за дьявола.

Моя жизнь зашла в тупик: я больше не хотела умирать и оказалась в тисках собственной глупости и эгоизма, я причиняла боль двум людям, один из которых был мой муж. Не один из них не знал всей правды обо мне.... Не знал о диагнозе бесплодия.

Имела ли я право скрывать это от Антона? Но с другой стороны, это не я тащила насильно его под венец.

Перед свадебным путешествием мы решили заехать к родителям, где мне опять пришлось играть роль любящей жены. Я улыбалась и шутила.

— Я надеюсь, вы скоро вернетесь, ведь путешествовать в таком положение пусть даже на маленьком сроке опасно.

— Мам, ну перестань, я уверена, что Тоша и волосу не даст с моей головы упасть, правда любимый? — обратилась я к Антону, бросив на него пламенный взгляд. В душе я ехидничала, а снаружи выглядело, будто я без ума от собственного мужа. Тоша ослепительно мне улыбнулся.

Мы уже ехали в направлении аэропорта, когда желание Антона прозвучало для меня ошеломляюще:

— Хотел бы я, чтобы хоть раз ты сказала мне это по-настоящему, — он посмотрел на меня выжидающе, — Что любишь.

— Тебе же не нужна моя любовь, — напомнила я.

Антон сжал зубы, отвернулся от меня и больше мы не разговаривали. В ту секунду мне показалось, что в глазах его проскользнуло сожаление.

Самолет приземлился в аэропорту Тулузы. Франция! Я давно мечтала посетить ее. И вот парадокс — в страну любви, в прекрасный город меня повез тот, кому моя любовь была не нужна. Тулуза прекрасный «розовый город», названный так из-за цвета зданий, находился на юге Франции между Средиземным морем и Атлантическим океаном. Естественно, все было по высшему разряду: четырёх звёздочный отель Crowne Plaza, большой и красиво оформленный номер с элегантной мебелью, шампанское и лепестки роз на постели. Вот эти лепестки роз докончили меня окончательно.

— Зачем все это? — в запале спросила его я.

— Я всего лишь хочу, чтобы медовый месяц, был похож на медовый месяц, а не на похороны, — спокойствию Антона можно было позавидовать.

— Это невозможно, мы оба это знаем, — тихо сказала я.

Антон грустно улыбнулся.

— Я прошу тебя, ради себя самой, не порти все, наслаждайся. Ничего уже не изменишь, просто живи. Посмотри, как тут красиво.

Я промолчала, в какой-то степени он был прав. Почему бы не дать шанс себе и ему? И началась самая долгая, мучительная и в тоже время прекрасная неделя для меня. Антон исполнял любой мой каприз, мы были везде, где я только изъявляла желание быть, все тулузские магазины одежды были в моем распоряжении, музеи, выставки, экскурсии. В

ответ он требовал от меня только одно — ночи всецело принадлежат ему. С каждым днем я привыкала к нему все больше и больше, тем более романтическая обстановка только способствовала этому. Он знал, куда меня привезти. Через неделю я начала оживать, улыбалась и шутила с ним уже искренне, не так как раньше. В общем, я решила последовать его совету и просто жить. И, по возможности, наслаждаться. Но почему-то все равно чувствовала себя дешевкой, ложась к нему в постель каждую ночь. Несмотря на мои чувства, Антон проявлял неимоверную нежность ко мне, стоило ему коснуться моего тела. В эти моменты я почти верила, что он любит меня.

Мы должны были лететь в Испанию, и я с неохотой прощалась с Францией. Он привез меня в историческую часть города Заморы, где находился старинный замок de Zamoga, окруженный романскими костелами. Я прыгала от радости как ребенок. Неделю мы должны были пробыть там. Красота замка меня поражала: высокие потолки, гобелены, оружие на стенах, картины с величественными грандами — все это производило впечатление. И наша спальня, несмотря ни на что, привела меня в полный восторг: огромная кровать с высоким балдахинном с белоснежным кружевом, старинные подсвечники и полумрак. Я была настолько счастлива и благодарна ему за красивую сказку, которую он для меня сделал, что в этот момент просто кинулась на шею к своему мужу и поцеловала. Он тут же ответил мне жарким поцелуем, казалось, он вложил в него всю страсть ко мне. Но продолжения не последовало — он резко от меня отошел. К моему глубочайшему удивлению меня это разочаровало. Неужели я настолько люблю секс? Он просто смотрел на меня и улыбался, и на какой-то момент его улыбка показалась мне злой.

Моя интуиция меня не подвела. Уже поздним вечером, когда служащие этого замка-отеля разошлись по домам, я неожиданно резким движением оказалась опрокинутой на кровать. Посмотрев в его глаза, я поняла, что вовсе не желание продолжить наши сексуальные игры заставило его сделать это.

— Знаешь, — сказал он мне вкрадчивым голосом, — Сегодня мне пришло письмо. От Стрелковой Виктории.

Я все равно ничего ровным счетом не понимала, но интуиция уже вопила об опасности — Очень интересная история, — продолжал он, — Как оказалось, ты познакомилась со мной не случайно. С ее братом ты все-таки спала. Вы поссорились, ты пошла в бар и познакомилась со мной. Случайно? Наверяд ли. Я не верю в случайности. Решила разогреть его ревность? Не подумала о том, что буду чувствовать я? Милая, тебе нужно было найти объект попроще, рабочего или инженера, например. Потому что, использовать бандита в качестве запасного аэродрома, а потом выкинуть его как ненужную тряпку нужно уметь. Но даже на это я готов был закрыть глаза, я и без его сестры все это знал. Дальше хуже, то, что я не знал, о чем мне и сообщила его сестра — в ту ночь я попал в больницу, а ты впустила в свою постель Стрелка...

Вот она месть за брата. Bravo, Вика. Я молчала, мои глаза были расширены от ужаса происходящего. Антон испепелял меня взглядом, в его глазах я разглядела то, чего так хотела раньше. Он хотел меня убить.

— Ты была уже со мной, но переспала с ним...

Я продолжала молчать.

— Это правда?

Я чувствовала страх, поглощающий меня с головой.

— Это правда?! — заорал он так, что мне казалось, у меня барабанные перепонки

лопнут. Лгать не имело смысла.

— Да.

— Я убью эту тварь! — крикнул он, и собрался выйти из комнаты. Я кинулась ему на шею.

— Нет, Антон, пожалуйста, не трогай его, это только моя вина... — я замолчала, увидев выражение его лица, оно было просто пугающим.

— Защищаешь его... — это был даже не вопрос.

— Ты не понимаешь, все не так! Он оказался фантастически похож на моего погибшего жениха. Когда Ян это узнал, он бросил меня, а я... я просто не хотела жить. С тобой я познакомилась только для того, чтобы... Чтобы ты помог мне... уйти из жизни. Я не хотела отношений, я хотела разозлить тебя, чтобы ты... — , я замолчала, не в силах продолжить дальше.

Вот я и призналась во всем. На лицо Антона было страшно смотреть, он долго молчал и только через какое-то время бесцветным голосом произнес:

— Собирайся, мы возвращаемся домой.

Всю дорогу обратно он игнорировал меня, как пустое место, я кусала губы в догадках, что произойдет дальше.

Не успела я зайти в подъезд дома, как подъехали люди Антона. Он впихнул меня в машину, и мы уехали куда-то. Страх начал разъедать мою душу, и усилился в сто крат, когда я узнала дом, к которому мы подъехали. Это был тот дом, с подвальным помещением, где я была за две недели до свадьбы. Антон вышел из машины, развернулся и, не глядя на меня, пошел в дом. Меня же из нее просто выволокли. Я царапалась и кусалась, но должного эффекта это не произвело. Через пару минут я оказалась в том же подвале. Он хотел наказать меня, но как?

Когда в подвал спустились еще трое парней Антона, я все поняла. Он не собирался меня убивать, для этого достаточно одного человека.

«...Я отдам тебя своим людям, ведь именно этого ты больше всего боишься»...

Они начали медленно ко мне приближаться....

Я царапалась и кусалась, я дралась, так как умела, но разве я могла их обезвредить. Слезы застилали мои глаза, у меня началась истерика. Я выла как зверь и жаждала только крови...

Чьи-то сильные руки все-таки добрались до меня и, неожиданно, встряхнули, сквозь помутненное сознание, я услышала голос Антона.

— Убирайтесь, я передумал!

У меня было одно желание — не подпустить, сдохнуть, но не позволить приблизиться.

— Лена, очнись, пожалуйста... — его голос почему-то не пугал меня больше, более того, я рада была его услышать.

— Лена, если хочешь, убей меня, но только очнись, посмотри на меня, пожалуйста...

И я вернулась. Антон сгреб меня в охапку, и качался вместе со мной в однотонном движении. Что-то обожгло мне щеку, и я с удивлением обнаружила слезы.

Но это не мои слезы, ...а ЕГО.

Он смотрел на меня умоляюще, из глаз текли слезы, но он вряд ли их замечал.

— Что ты со мной делаешь, — прошептал он, — Я не смог...

Что ж прекрасно, признание монстра в своей слабости к женщине...

Я была сломлена, убита... Я не знала, что смерть бывает такой. Когда ты дышишь, но не

живешь, двигаешься и не чувствуешь этого.

Я не знаю сколько прошло дней и ночей. Я перепутала их. Иногда мое помутненное сознание меркло окончательно, но через какое-то время я снова понимала где я нахожусь и что вокруг происходит. Как — будто кто-то дергал тумблер выключателя. Ко мне часто заходил Антон. Пытался говорить со мной, но я его просто не слышала. Его губы шевелились, но вместо звука был какой-то монотонный гул. В один день ко мне зашел незнакомый симпатичный парень и так же как Антон пытался со мной поговорить. Лицо у него было доброе, он улыбался мне. Потом, зачем-то начал светить мне в глаза каким-то фонариком и заставил выпить таблетки. Через день после этого я начала слышать не монотонный гул, а вполне нормальную речь. В глубине души я понимала, что потихоньку схожу с ума, но теперь это не имело никакого значения.

— Влад, скажи что-нибудь, ты же доктор! — громко говорил Антон из другой комнаты, — Она не разговаривает уже неделю, она отказывается есть, она сидит в одном и том же положении. Что делать?!

Если бы я могла усмехнуться, я бы это сделала, но мне так нравилось не двигаться и молчать, было бы еще лучше, если бы они все оставили меня в покое. Я даже как-то расстроилась из-за того, что снова стала понимать человеческую речь. По-видимому, Влад развел руками.

Уже вечером, Антон ввалился в мою комнату в сильном подпитии.

— Пожалуйста, заговори со мной, — умоляюще произнес он.

Зачем?

— Я знаю тебе плохо и больно, я виноват...

Ты знаешь, но вряд ли понимаешь масштабы содеянного.

— Если хочешь, ударь меня, накричи, но только не надо так...

— Как? — мой голос осип, казалось странным слышать свой голос в живую, а не внутри себя. Что-то снова во мне поменялось — я больше не хотела молчать, я хотела движений, хотела говорить. Мне даже стало интересно сколько дней я провела в коматозном состоянии.

Антон встряхнул головой, как будто прогоняя наваждение.

— Спасибо, — сказал он с видом побитой собаки, — Прости меня.

— Это все?

— Нет, — ответил он с грустной улыбкой, — Если бы я мог, я все бы исправил, мы начали бы все сначала.

Я встала, подошла к двери и, не оборачиваясь, сказала:

— Ты животное, злобное и дикое животное.

— Пусть я буду таким, — согласился он, — Не могу тебя отпустить, но и боль причинять тебе не могу. Ты моя, я с ума схожу по тебе...

— Я не верю тебе.

— Я докажу тебе это, — с уверенностью в голосе произнес он.

Я повернулась к нему.

— Если бы ты...не остановил их, я бы умерла. Мне почти это удалось.

— В тот момент я хотел, чтобы ты умерла, в тот момент, когда ты была в подвале, и я знал, что тебя ждет, я понял, что не могу...этого допустить, именно тогда, я понял, что ты для меня значишь, что твоя боль убивает меня. Я люблю тебя, девочка моя.

Дикий хохот вырвался из моей груди, хохот вперемишку со слезами. Антон подскочил

ко мне и ждал в объятьях. Я чувствовала его поцелуи на своих губах, шее.

— Любимая, родная, прости меня... Я никогда больше не причиню боли...

В ту ночь он любил меня как безумный, пытаясь хоть как-то разбудить во мне тот огонь, который был в нем. Я не верила ему. Мне казалось, что я живу с монстром, который лишь играет в любовь...

Шли дни, я отдалилась от Антона, и иногда по ночам мне снился кошмар: подвал и трое ублюдков, надвигающихся на меня. Антон перестал мучить меня, и все чаще он не ночевал дома. Я не спрашивала его, где он был, когда утром он приходил домой, и от него пахло женскими духами. И так все понятно. Скоро его виноватый взгляд исчез, и появился новый — презрительный. Теперь он меня презирал. Презирал за то, что я не сделала даже попытки создать семью, но разве я хотела этого изначально? В один из таких вечеров я решила поговорить с ним.

— Антон, пора прекратить этот фарс, — он сидел возле недавно сделанного камина, попивая вино.

— Я не дам тебе развода, если ты об этом, — сказал он холодно.

— Но зачем все это? — я стремительно подошла к нему, — Ты не ночуешь в собственном доме, твои девочки меняются одна за другой... Странно, что ты сегодня дома. ... Отпусти меня, Антон.

Он посмотрел на меня, как будто хотел найти в моих глазах ответы на свои вопросы и через минуту, отвернувшись, сказал:

— Нет.

Когда-то я начала один обман, который повлек за собой череду сплошной лжи. Вся моя жизнь была сплошным фарсом.

Прошел год со дня нашей свадьбы, родители тонко бросали намек на внука, а я молчала. По поводу беременности, из-за которой, якобы была свадьба, вопросов не было — мы сказали, что просто ошиблись. Антон не заговаривал со мной об этом, если вообще можно было назвать наши односложные ответы общением. У него на стороне появилась постоянная девочка — Лилия. Я молчала.

— Ты бездушная, — однажды бросил мне он. Если бы он знал, какие кошмары мучают меня по ночам, то возможно, не сказал бы так. Если бы он знал, что в последнее время его измены причиняют мне боль. Возможно ли полюбить своего мучителя? Любовь ли это или Стокгольмский синдром? Ясно было одно — мы оба мучаем друг друга.

Я сидела в кресле и смотрела на огонь, как вдруг в комнату ввалились мой муж со своей любовницей. Они громко смеялись, Лилия еле держалась на ногах, а мой муж поддерживал ее. Он казался более трезвым, чем она. Боль полоснула по сердцу — он привел ее в наш дом.

— У тебя есть совесть, Антон? — произнесла я.

— Я в своем доме и могу приводить кого захочу.

— Ты ведешь себя как свинья, — усталость я чувствовала безмерную.

— Ну, не чета тебе, — ухмыльнулся он.

— Что это значит?

— Это значит, что я дам тебе развод.

— Дело в том, — пробормотала пьяная Лилия, — Что мы ждем ребенка, поэтому решили создать семью...

Она что-то еще бормотала, но я уже не слушала. Ребенок... Маленький мальчик, похожий на своего отца как две капли воды... Антон, наверное, счастлив...

Я очнулась в собственной постели, возле меня сидел Влад, наш семейный доктор.

— Ну, что моя дорогая, и как вы умудрились себя довести до нервного срыва?

— Не знаю, — ответила я хриплым голосом, — Да и какая теперь разница.

— Всегда один и тот же ответ, а ваш муж тем временем с ума сходит, он поднял на уши всю нашу клинику. Лена, так нельзя...

Муж... Антон еще не ушел? Почему он здесь? Почему не носит на руках мать своего будущего ребенка, а ждет пока его ненормальная жена придет в себя?

— В общем, так, я вам прописываю полный покой, лекарства и никаких нервов, понятно?

— Да, Влад, спасибо тебе, — это уже произнес мой муж, я и не заметила, как он вошел. Пожелав нам всего доброго, Влад ушел.

Глядя на Антона, я разревелась. Все кончено, теперь точно.

— Уйди, прошу тебя... — прокричала я ему.

Он подошел ко мне и обнял.

— Хватит мучить себя и меня, — сказал он серьезно, — Я не безразличен тебе, это ты мне вчера дала ясно понять.

— Нет, — сказала я и мотнула для убедительности головой.

— Лена, любимая, ну что ты как маленькая, — он погладил меня по голове.

Любимая. ... Сто лет не слышала от него этих слов.

— Какая разница как я к тебе отношусь, у тебя будет сын или дочь...

— Нет, Лилия не беременна, — ответил он, мне, улыбаясь, — Этот спектакль был для одного зрителя, для тебя. С Лилией мы расстались месяц назад, когда я понял, что ты любишь меня. Я и с ней был только для того, чтобы забыть тебя — не получилось...

— Ты чудовище...

— Пожалуйста, выслушай меня, — перебил он, — Я знаю, что я виноват перед тобой, я заставил тебя выйти за меня замуж, я подверг тебя опасности... Но я сходил с ума, от осознания того, что ты меня презираешь, или того хуже, что ты равнодушна ко мне. Когда тогда ты вошла в бар, я понял, что пропал. Никогда не верил в любовь с первого взгляда, а тут пришлось ощутить это на собственной шкуре. Было видно сразу, что ты не из местного контингента. Ты была чистой, светлой и очень красивой. Я был счастлив, когда ты обратила на меня свое внимание. Черт меня дернул узнать про тебя больше. Я словно сошел с ума. Но я решил, будь, что будет, я заставлю тебя быть со мной. Но когда сестра Стрелка прислала письмо, я не знал куда деваться от боли, а своим признанием, что во мне ты видишь киллера для себя, ты меня просто уничтожила. Только после того, что я натворил, я понял, что, причиняя боль тебе, причиняю ее себе. Я пытался тебя забыть, но не смог... Месяц назад все изменилось. Я вернулся домой поздно ночью, прошел в комнату, чтобы лечь спать и услышал, как ты плачешь... Ты плакала во сне, мне захотелось обнять тебя, чтобы защитить, но я боялся, что ты опять меня оттолкнешь. Я стоял и смотрел, как ты мучаешься... Через минуту все изменилось: ты звала меня, звала так, что я еле удержался, чтобы не кинуться к тебе и не обнять. Я не стал тебя будить, но подошел и поцеловал, а ты призналась, что любишь меня...

Я сидела окончательно смущенная и ошарашенная. Мое подсознание сыграло со мной злую шутку, выдавая свою хозяйку с головой.

— На следующий день, я расстался с Лилией. Но я знал, что никогда и ни за что ты в этом не признаешься, я слишком сильно обидел тебя в самом начале нашей жизни, мне

нужно было добиться от тебя правды, и я заплатил Лилии за этот спектакль...

Антон смотрел на меня как раньше, нет, наверное, еще лучше. Мое сердце билось очень сильно. Я врала не только тебе, но и самой себе, — подумала я, — Как же я не заметила, что ты стал для меня самым близким человеком?

Я смотрела на него немного удивленным взглядом, его глаза улыбались, просто светились от счастья, он был уверен, что теперь все будет хорошо. Но у меня была тайна, которая касалась и его. Тайна, которая могла пустить нашу новую жизнь под откос. Я должна была сказать, просто обязана.

— Есть еще кое-что, чего ты не знаешь обо мне, — обреченно произнесла я.

Антон насторожился, слишком много сюрпризов я преподнесла ему за год нашей супружеской жизни. Я замолчала, в нерешительности, а Антон вздохнул.

— Давай, уж говори, теперь это не важно. Мы начнем все с нового листа.

— Это очень важно, Тош, настолько, что я пойму, если ты захочешь развода.

Если бы я сказала, что через минуту на нас упадет метеорит, это бы произвело меньшее впечатление на него.

— Я не могу иметь детей, — произнесла я и пристально посмотрела на него. Он молчал, в глазах застыл неподдельный ужас.

— Какая же я скотина, — простонал он.

Что? Почему он обвиняет себя?

— Прости меня за сцену с Лилией, я не знал, как это для тебя...

Вот в чем дело.

— И это вся твоя реакция? Антон, я не смогу родить тебе сына...

Он прервал меня поцелуем, нежным, ласковым.

— Есть клиники, которые нам помогут, там отличные врачи.

— Правда? — с надеждой в голосе спросила я.

— Правда, — ответил он мне, улыбаясь.

Это была первая ночь, когда я отвечала ему, искренне желая его сама, когда я отбросила все страхи и сомнения, когда между нами больше не было преград. Он любил меня так, будто сходил с ума, не было ни единого миллиметра моей кожи, где не побывали его губы. Его пальцы смело исследовали мое тело, словно в первый раз, точно хотели запомнить каждый изгиб, каждое ощущение. Он целовал меня ненасытно, и я с не меньшим жаром отвечала ему. Когда через долгое время ласк, он вошел в меня, мне казалось, что я взорвусь, разлечусь на молекулы. И всё это время он смотрел на меня глазами влюбленного и счастливого мужчины. Именно в этот момент я поверила ему.

Прошло полгода с момента лечения в лучшей заграничной клинике, а результатов не было. Антон успокаивал меня, что некоторые пары тратят на это гораздо больше времени, но все чаще и чаще я видела его задумчивым и отчужденным. Еще через полгода, наша семейная жизнь дала трещину. Он отчаялся и начал отдаляться от меня. Я глотала слезы, но молчала. Мне не в чем было его упрекнуть, в последний год он стал идеальным мужем: открыл свое частное сыскное агентство, много времени уделял мне, старался все сделать для семьи.

Бедой случилась неожиданно для меня. Я без предупреждения заехала к нему на работу и застала его с секретаршей — глупо, банально и больно. Я не устраивала сцен, я просто ушла. В этот же день я собрала вещи и переехала в свою квартиру, где жила до свадьбы. Он пришел поздно вечером. У него хватило ума не оправдываться, он просто стоял и смотрел на меня.

— Пойми меня, — через минуту произнес он.

— Понимаю, — спокойно сказала я, — Я подала на развод сегодня.

Слово развод на него подействовало как красная тряпка на быка.

— Это глупо! — выкрикнул он.

— Глупы были мои надежды на счастливую жизнь, мне не дано!

— Нет, — выдохнул он и подлетел ко мне. Я начала отталкивать его, но Антона это только распалило, через минуту наша одежда валялась где-то в углу комнаты.

— Я люблю тебя до сих пор, маленькая моя... — с какой-то болью в голосе произнес он.

Он больше не хотел мучиться, он больше не хотел любить.

Я уехала из города рано утром, когда он еще спал. Уехала далеко, так чтобы он не нашел. В другом городе я нашла работу, зарплата была мизерной, а если учесть, что привыкла жить на широкую ногу, то можно сказать, что я работала бесплатно. Ее еле хватало, чтобы снять квартиру и что-то купить из еды. Но я ни за что не вернусь, я устала причинять боль близким мне людям. Антон мучился, он хотел ребенка, а я не могла ему это дать. Начиная, с тех пор как мы встретились, он страдал, сначала от моей холодности, потом от моего эгоизма. Заставлять его жить со мной без надежды на полноценную семью — это эгоизм с моей стороны. Без меня будет лучше, он не останется один.

Потекли дни, однотонные и тоскливые, я завела подруг и иногда вечерами, после работы мы сидели в кафе. Я не сильно страдала, искренне веря в то, что мой ласковый и нежный зверь найдет свое счастье.

Через месяц прошлое вернулось ко мне. В то утро я встала разбитая как никогда, меня мутило, еще через минуту я ринулась в ванную комнату. Догадка пришла мгновенно... Врачи помогли... Я была беременна. Со своими проблемами я совсем забыла, что у меня нарушился цикл, оказывается, это было вовсе не нарушение. Меня настолько ошеломила эта мысль, что я минут пять стояла перед зеркалом как вкопанная.

А еще через пять минут, в мое убежище вломилась люди Антона, и он сам собственной персоной. Он грубо схватил меня, и я испугалась.

— Антон, пожалуйста, не надо, я жду ребенка... — взмолилась я, инстинктивно прикрывая свой живот рукой. Антон отшатнулся от меня.

— Ты беременна? — потрясенно переспросил он, но через минуту в его глазах появилась злость.

— И кто счастливый отец?

Меня возмутил этот вопрос, но зная нрав Антона, я его ожидала.

— Как ты можешь! — с горечью бросила я, — Ведь ты знаешь, что это твой ребенок!

— Не уверен, — жестко ответил мне он, — Тебя не было ровно месяц, ты банально сбежала, сбежала от меня, от проблем.

— Я хотела дать тебе шанс, на более счастливую жизнь, — начала оправдываться я.

— А у меня ты спросила, нужна мне такая жизнь?

— Пойми, я тогда потеряла надежду, а ты бы лет через пять возненавидел меня.

— Своим уходом ты почти этого добилась, я хочу ненавидеть тебя, правда у меня это плохо получается, — он сказал это с тихой яростью. Мне стало больно, невыносимо больно от этих слов.

— Уходи, — глухо сказала я.

— Не забывай, ты все еще моя жена, — он помахал перед моим носом заявлением о разводе, которое я неосмотрительно отправила с местного главпочтамта, что дало ему шанс

найти меня. Я поджала губы.

— Как это понимать?

— Собирайся, ты едешь домой.

Я отрицательно покачала головой.

— Не вынуждай меня забирать тебя силой.

Ну что мне с ним делать?

Я подчинилась, впрочем, как всегда. За последние два года меня начало убивать постоянное чувство вины, ощущение, что я делаю не то и не так. Убегая от Антона, я убегала не только от проблем, я убегала от этого чувства виноватости во всем и всегда, впрочем, я убегала от самой себя. Иногда мне казалось, что уже мое рождение на этот свет было сплошной ошибкой, я не подхожу для этого мира, для этого века, мне не уютно. Вот и сейчас, сидя в машине около Антона, кроме обиды на его грубость, я испытывала чувство вины, за то, что заставила его страдать. Боже, как это все сложно!

Испытывать к человеку сильную привязанность, но в то же время и желание прибить, чем-нибудь потяжелее...

— Это действительно мой ребенок? — услышала я вопрос, от которого мне снова захотелось стукнуть его.

— Да, — ответила я сухо.

— Почему не позвонила, не сказала? Я бы сразу приехал. Ведь все наши проблемы были связаны именно с этим.

— Я сама узнала об этом за пять минут до твоего приезда.

— Ты не была еще у доктора? — взволнованно спросил он меня, — Ты не можешь ошибаться? — последнее слово он произнес так тихо, что я еле расслышала.

— Утренний токсикоз не спугаешь ни с чем, поверь мне.

Но все-таки он повез меня в клинику Влада, я сдала все необходимые анализы.

На следующий день, мы поехали узнать результаты, и оба нервничали. Перед самым входом, он остановил меня, притянул к себе и сказал:

— Родная, если не получилось, мы просто попробуем еще раз... Не сбегай больше. Ты мне нужна, я... Просто пропаду без тебя.

Я тихо вздохнула.

Нас встретил Влад и провел в свой кабинет.

— Я поздравляю вас, пришли анализы, и да, ты беременна, — ответил он на мой мысленный вопрос. Боже... я испытывала бурю эмоций, но когда я посмотрела на мужа, то поняла, что мои эмоции ничто по сравнению с его. На лице шквал разнообразных чувств: сомнения, радость, облегчение, и в то же время напряжение, и просто счастье. Только сейчас я осознала, насколько сильно он хотел ребенка.

— Естественно существует ряд опасностей, на таком маленьком сроке... — начал Влад. Но, Боже кто его слушал! Хотя, когда я в очередной раз посмотрела на Антона, то обнаружила, что он не просто внимательно слушает Влада, а буквально впитывает как губка.

Как только мы зашли домой, Антон поднял меня на руки и закружил, я засмеялась. Он был счастлив. Я была счастлива. Я мысленно поблагодарила Бога за этот подарок. Подарок, который возможно мы не заслужили, но долго вымаливали. Дальше потекли счастливые дни. Он нехотя уходил на работу и старался быстрее вернуться домой, Антон окружил меня вниманием и заботой. И даже когда у меня были постоянные перепады настроения, он мужественно их переносил. Я могла разбудить его посреди ночи и отправить за чем-нибудь

немыслимым в плане пищи, но таким желанным для меня на тот момент. Мы вместе ходили по магазинам, и он как заправский отец, покупал пеленки, распашонки, чепчики, погремушки. Скоро наш дом начал напоминать детский магазин.

На седьмом месяце беременности, мне стало тяжело ходить, мой живот был просто громаден, чем вызывал гордость моего мужа. Сын будет крепеньким. УЗИ показало, что это будет мальчик, но я и так это знала. Я уже давно разговаривала с малышом, лежа на диване и поглаживая живот, я рассказывала ему про его отца, про то, как мы его любим и ждем. Антон приходил в восторг, при каждом его шевелении и пинке.

На девятый месяц я забыла, что такое сон, мой малыш спал днем, а ночью у него начиналась активная жизнь. Антон потерял сон вместе со мной, несмотря на уговоры, он не спал ночами, как и я, пытаюсь поглаживаниями и разговорами утомить малыша и дать мне поспать, иногда у него это получалось, и я засыпала, под его тихий говор.

Подошел срок родов, все уговаривали меня лечь в больницу, но я была непреклонна.

— Когда начнутся схватки, тогда и поеду, — упрямылась я. И они уступили. В беременность мое упрямство приобрело колоссальные размеры.

Ночью я почувствовала боль, и через какой-то период времени отошли воды. Антон носился как безумный, если бы он мог он поставил бы на уши весь город. Приехала скорая, и меня повезли в больницу.

Через пару часов, боль стало невозможно терпеть. Я держала мужа за руку и смотрела на него измученными глазами. Держала за руку...это, наверное, слабо сказано, я вцепилась в нее с такой силой, что иногда мне казалось, что я ее сломаю.

— Любимая, дыши глубже, — успокаивал меня Антон. Он был бледен и при каждом моем вскрике бледнел еще больше. Я не могла смотреть на его страдания, они мешали мне, заставляли страдать сильнее, отвлекали от малыша. Странно, что доктор вообще позволил ему присутствовать при родах, хотя для Антона нет ничего невозможного.

— Антон, уйди, прошу тебя! — выкрикнула я при очередном приступе боли.

Но он только покачал головой.

— Наверное, ты ненавидишь меня сейчас, — обреченно произнес он.

Я хотела сказать ему, что он дурак, но дыхание сперло, а пронзительная боль накатывала волнами, которым казалось, не будет конца.

Еще через час мое сознание стало мутным, я уже плохо соображала, я не могла говорить, я плавала где-то между болью и сном. Но все еще слышала.

— Родная, милая, прости...

Это Антон, винит себя, не понимая, какое счастье он мне дал...Боль кончиться. Когда-нибудь. Она ведь должна кончиться? Дальше тишина, долгая мучительная. Почему она не кончается? И вскрик моего сына. Громкий такой. Мне поднесли его к груди...

Темнота. И тишина. Я уже не помню, когда она началась, и не знаю, когда она закончиться. Я пытаюсь звать, но меня никто не слышит. Но почему? Я ведь кричу изо всех сил! Где Антон? А мой сын? Почему они не дают мне его?

— Мальчик здоров, крепенький...Но мать в очень тяжелом состоянии.

— Чем я могу помочь, все что угодно...

— Молитесь...Мы делаем, все возможное...

— Господи, нет, пожалуйста, не отнимай ее у меня...

Я плыву по сверкающим волнам, они обволакивают меня, мне уже не больно. ... И так хорошо...Спокойно. Свет вдалеке, очень яркий...Я иду к нему...Там кто — то стоит и

протягивает мне руку...Я пытаюсь рассмотреть парня...Что-то знакомое в его фигуре, кто бы это мог быть?

Алексей! Алексей! Мое солнышко! Я так долго тебя искала!

— Доктор, пожалуйста, помогите ей! Я заплачу любые деньги.

— Антон, мы делаем все возможное и даже невозможное! Успокойтесь.

— Она не должна умереть, только не она ...

Я подбежала к нему. Он улыбался.

— Здравствуй, — раздался его умиротворенный голос.

Он не изменился, такой же красивый, хотя нет... что-то поменялось...

— Тебе идут крылья.

Он совсем по-ангельски рассмеялся. Свет, яркий, волшебный, теплый, убаюкивающий...

— У нее падает пульс!

— Мать вашу, да сделайте вы хоть что-нибудь! Или я разнесу вашу богадельню по кирпичу!

— Или вы успокойтесь или выйдите отсюда!

Я не хочу уходить, здесь так спокойно, хорошо. Здесь нет боли. Алексей покачал головой.

— Тебе еще рано.

Но я не хочу возвращаться! Почему я должна?

— Они ждут тебя. Твой муж и сын.

Муж..., и сын....

— Пульса нет! Скорее же ну...

— Родная, вернись!

Я услышала. Он звал меня.

— Иди, тебе сюда действительно рано.

Его улыбка, свечение, мягкие крылья. Прощай, Лешка.

— До свидания... — я не знала, что ангелы умеют ухмыляться.

— Слава Богу! Пульс нормализовался.

— Спасибо, любимая, спасибо, что вернулась.

Боль вернулась вместе со мной. Почему люди должны испытывать боль? Боль при рождении, боль, когда умираешь. Боль — вечный спутник человеческой жизни...

Там нет боли. Есть только спокойствие и радость, несравнимая с человеческой.

— Пожалуйста, не бросай меня больше, не уходи....

Я не уйду, честно. Антон? Почему он не слышит меня?

— У нас родился прекрасный мальчик, здоровенький, у него твои глаза... Ты нужна ему.

Да, мой сын. Ты будешь против, если я назову его Алексеем? Хотя нет, пусть это имя останется только в моем сердце...

Глава 3. Тени будущего

Будущее скрыто даже от тех, кто его делает.

Анатоль Франс

Мы смотрим в будущее через призму прожитых лет и собственных страхов. Смотрим в него как в зачарованное зеркало, надеясь разглядеть самое желанное, сокровенное. Кто-то видит только хорошее, ту сказку, что придумал себе в голове и прокручивает это изображение снова и снова, утопая в своих иллюзиях, которые лишь иногда и в очень малом количестве становятся реальностью, той, что человек смог сам для себя воссоздать. А кто-то видит лишь причудливые, уродливые тени и слышит предсмертный хрип надежды, бьющейся в агонии наступающей смерти. Но всё, что мы видим, чувствуем и слышим — иллюзия. И только от нас самих, от наших мыслей и поступков зависит какой сценарий напишет нам жизнь.

Прошло пять лет, с тех пор как я очнулась и увидела мертвенно-бледное лицо моего мужа. Я никогда не забуду этот день. Он отпечатался навечно в моей памяти яркой картинкой, динамичным изображением, которое поселится в моей душе, в самом укромном уголке. Мне принесли моего сына — Кирилла. Я не забуду тот страх и ту безмерную любовь, которую я увидела на лице Антона. Это был именно тот редкий момент, когда он не скрывается за своей маской, когда он настоящий.

— Спасибо, что вернулась, — слова полные благодарности, нежности, и чего-то такого, что вряд ли в полной мере подходит под определение слова «любовь». Я видела, как он смотрит на нас, когда я первый раз начала кормить сына. Он боготворил меня. Меня и Кирилла.

Видимо судьба решила дать мне передышку, короткую, как я потом поняла, но такую необходимую в тот момент.

Я не узнавала Антона. Он стал очень заботливым, Кирилл был достаточно спокойным ребенком, но в те единичные бессонные ночи, Антон подходил к сыну и всю ночь на пролет качал его на руках, мурлыча под нос какую-то колыбельную. А утром, без единого раздражительного взгляда уезжал в свое агентство. Первые три года после рождения сына я чувствовала будто попала в сказку. Я боялась, что она закончится, но так хотелось поверить в нее до конца. Антон баловал сына и меня, и я почти поверила, что так будет всегда. Когда сыну исполнилось три года моя сказка медленно, но верно пошла на убыль. Антон тщательно скрывал свою деятельность, дабы не расстраивать меня. Он вообще меня не расстраивал. Так, что все шло очень замечательно. Для меня. Для Кирилла. Но не для Антона. Я знала о роде его деятельности, меня на время успокоило то, что он открыл сыскное агентство, я даже начала наивно предполагать, что с криминалом он завязал. И теперь спустя пять лет, я убедилась, что, ввязавшись один раз невозможно выбраться оттуда. По крайней мере, живым.

В последнее время к нам домой приходили так называемые «друзья детства». Я старалась убирать Кирилла с глаз долой, при таких встречах, отправляя его к бабушке. Меня бросало в дрожь от их лиц и наглых по-хозяйски взглядов. Антон будто вовсе не замечал их наглость в общении. В последнее время таких встреч стало слишком много.

В очередной раз они несколько часов беседовали о чем-то на кухне. Я нервничала, гнала

от себя догадку о том, что всё вернулось на круги своя и мой муж опять по уши в дерьме. Может быть и не вылезал оттуда. И только я все эти три года рисовала себе картинку о благополучной семье. А на самом деле...на самом деле никогда ничего не проходит бесследно и волк, одевший на время овечью шкуру, всё равно остаётся хищником. Поэтому возврат в привычную для него среду — это только вопрос времени. Но я не могла молчать, не могла принимать это, не теперь, когда стала матерью, не теперь, когда Антон показал мне что может быть иначе. Когда они ушли, я устроила ему допрос.

— Когда это кончиться?

Антон посмотрел на меня, и его брови изумленно поползли вверх.

— Что именно? Эти люди приходили по делам агентства.

— И три дня назад тоже? «Люди из агентства», — передразнила я его, — Ты их рожи видел?

— Ты у нас теперь физиономист? — раздраженно бросил он, — Ко мне в агентство обращаются не сплошь ангелы, прошу заметить!

— Хватит из меня законченную дуру делать! — в ярости воскликнула я.

Антон посмотрел на меня как-то по-особому и, вздохнув, произнес:

— Ты прекрасно знаешь, с кем живешь. Я, кажется, никогда от тебя этого не скрывал.

— Я боюсь за Кирилла, пойми.

Он тяжело вздохнул.

— Вот поэтому это никогда не закончиться.

Что он хотел этим сказать? Кириллу что-то угрожает? У меня внутри все похолодело.

— Антон...

— Разговор на эту тему закончен, — он разговаривал со мной как с маленькой. Даже хуже, детям хоть что-то объясняют.

— Я имею право знать! — я гордо вздернула подбородок.

— Возможно, тебе некоторое время придется пожить у родителей, тебе и Кириллу, — задумчиво произнес он.

Вот этого я совсем не ожидала услышать. Неужели все так серьезно?

— Нам что-то угрожает? — еле слышно спросила я.

— Нет, — вздохнул он, — Это просто меры предосторожности.

Все время пока я собирала вещи Кирилла и свои, я материлась как заправский сапожник. Ну, неужели надо все так усугублять! Почему нельзя пожить спокойно, без приключений, без надрыва в сердце. Завязать, в конце концов, со всем этим дерьмом!

Я тяжело вздохнула, конечно, я понимала, что это на словах все так просто завязать...

Когда Антон положил наши вещи в багажник джипа, я поняла насколько все серьезно — мы никогда не ездили на этой машине, бронированной так, что даже обычная граната его не возьмет. А когда в джип втиснулись еще пара ребят из личной охраны моего мужа, то у меня возникло просто непреодолимое желание запаниковать.

Антон подошел, поцеловал сына, и, пристально глядя на меня сказал:

— Это ненадолго, я обещаю.

От испуга я не смогла даже попрощаться.

Через полтора часа я была уже у родителей в родном городе. Они, конечно, удивились, видя меня с вещами, и тихонько спросили, не поссорилась ли я с Антоном. Мне пришлось наскоро придумать историю о командировке мужа, и то, что я не хочу быть одна, вот и приехала погостить к ним. Родители, естественно, сделали вид, что поверили мне. Что им

оставалось делать?

Потекли однотонные скучные дни. Конечно, мне не давали скучать мои вечно молодые родители, и уж, тем более мой сын. Но никто из них не знал, чем сейчас занимается Антон. Я не могла ни с кем поделиться своими страхами. Женщины испокон веков сидят, ждут своих мужей, молятся, переживают и от этого быстрее стареют. Перед глазами всплывали все ужасы, которые я могла себе представить. Этого было достаточно для того, чтобы у меня пропал аппетит и сон. На четвертый день пребывания в родных пенатах я извелась окончательно. Антон не брал трубку телефона и не звонил сам. Просыпаясь утром в постели, в которой я просыпалась на протяжении 18 лет, я иногда думала, не приснилось ли мне все это? Но слыша переливистый смех Кирилла, я понимала, что нет, не приснилось.

На седьмой день Антон приехал, даже не предупредив нас об этом, и коротко приказал собрать Кирилла.

Я наспех швыряла вещи сына в чемодан и шипела на Антона, настолько тихо, чтоб не услышали родители.

— Что происходит? Почему ты забираешь Кирилла и оставляешь меня? Куда ты его везешь? Как он сможет там без меня?

Усталость на его лице была безмерная, было видно, что он не спал несколько ночей, и скорее всего не ел тоже. Глубокая складка между бровями говорила, что он находится в постоянном напряжении.

— Не волнуйся. С ним все будет хорошо, о нем позаботятся мои родственники. Просто чем дальше сейчас Кир, тем я спокойнее.

— А если...

— Никаких если... — его лицо передернулось от страха за меня, — Ты будешь жить и воспитывать нашего сына. Адрес я тебе позже передам. Я хочу, чтобы вы некоторое время побыли в разных местах, а не в одном.

Не храни все яйца в одной корзине — кажется, так говорят? Он хотел поцеловать меня, но остановился на пол пути. Я знала, что так еще тяжелее уходить. Знала, но так соскучилась, что сама сделала те шаги, которые не смог сделать он.

— Ты мне когда-нибудь расскажешь, что происходит.

Он помотал головой и ухмыльнулся. Через пять минут я смотрела, как тот же джип увозит уже двух дорогих мне человечков. Я не знала, что сказать отцу и матери, после того, как Антон увез сына. Но странно, вместо расспросов была тишина. Мама, было, начала задавать их, но отец грозно на нее прикрикнул и недобро посмотрел на меня. На этом все закончилось. Подозревал ли он о деятельности Антона? Думаю, да.

Почти неделю я бесцельно бродила по родному городу, безумно скучая по сыну и мужу. Конечно, Антон звонил мне почти каждый день и рассказывал, как дела у Кирилла. О себе он молчал. Я молилась, молилась так, как никогда, но вряд ли Бог слышал меня, Он не будет помогать жене бандита. Иногда я задумывалась, убивал ли когда-нибудь мой муж? И никогда не отвечала себе на этот вопрос. Я боялась знать правду. Я боялась признаться себе в том, что живу с убийцей...

Под конец второй недели мной завладела апатия и тоска. Мои родители прекрасно понимали, что что-то случилось в моей семье, но не лезли с расспросами, за что я была им благодарна. Они даже были настолько тактичны, что уехали на дачу к друзьям на пару деньков, тем самым давая мне время побыть одной. Целый день я слонялась по квартире в поисках какого-либо занятия, но ничего не находила. У мамы всегда было все в полном

порядке. В конце концов, я бросила это бесполезное занятие и тоскливо уставилась в телевизор. Где-то около двенадцати часов ночи, на улице просигналила машина. Я подскочила к окну и радостно взвизгнула — машина Антона! Стремглав, я спустилась по лестнице, и готова уже была кинуться на шею мужа...и остановилась как вкопанная.

Из машины вылез Влад. Наш доктор. Я изумленно уставилась на него.

— Поехали, ты нужна Антону.

Я села в машину, собираясь спросить у Влада, что произошло, но наткнулась на его измученный и усталый взгляд. Выглядел он не лучше, чем мой муж накануне.

— Ты тоже не спал целую вечность? — это единственное, что я отважилась спросить у него. Он не ответил. Мы ехали несколько часов, а он молчал, меня начала нервировать эта тишина. Когда казалось, что терпению моему настал конец, Влад заговорил:

— Мы подъезжаем. Ему нужна твоя помощь сейчас. Он ранен.

— Он жив?

— Да, без сознания, ранение вскользь. Ничего жизненно важного не задето, но... потерял много крови.

Слезы выступили у меня на глазах.

— Чем я могу помочь, — простонала я — Что я вообще могу для него сделать?

— Он выживет, Лен, — сказал Влад с уверенностью, — Это я тебе как врач говорю.

Заверения Влада меня немного успокаивали.

— Ты-то как попал во все это? — невольно спросила я у него.

— Кто знает, как мы все туда попадаем, — пожал он плечами.

— Ты же врач, Влад...

— Да, врач, причем, очень хороший хирург. Моя клиника построена на деньги Антона, оборудование закуплено на деньги Антона. Все на деньги Антона. Это была моя мечта — собственная клиника. Я был хорошим врачом, но зарплата, в общем, сама знаешь...

Я утвердительно кивнула.

— Антон помог мне на первых порах, он даже не оформил клинику на себя, хотя там каждый гвоздь куплен на его деньги, он просто стал дольщиком, даже не партнером. Я должен ему и дело не только в деньгах. Я помогал его ребятам, вытаскивая из них пули. Теперь настал черед Антона. Он не просто очередной браток, он друг...

Я понимала Влада, он переживал, не имея право на ошибку. Вскоре мы подъехали к какому-то загородному дому, войдя туда, я поняла, что это не просто дом, а та самая скрытая ото всех часть клиники, где Влад спасал жизни далеко не законопослушных граждан.

Зайдя к нему в палату, я пришла в ужас от его мертвенно-бледного лица. Куча трубочек, подсоединенных к нему и к аппаратам, которые я видела только в фильмах. Я беспомощно огляделась на Влада. Он обнадеживающе мне улыбнулся и слегка подтолкнул к кровати, на которой лежал Антон. Я подошла неровной походкой и взяла мужа за руку. Минут пять я молчала и тихонько всхлипывала. Потом меня прорвало: я говорила и говорила, не умолкая, говорила то, что возможно никогда не сказала бы ему раньше. Мне было все равно, слышит меня Влад или еще кто-нибудь. Для меня было важно, чтобы услышал он, чтобы услышал, как он нужен мне и Кириллу.

Влад зашил рану и перелил ему донорскую кровь, вроде бы, все прошло удачно, но Антон не приходил в себя. Я сидела ночами у его кровати и говорила, отрываясь на непродолжительный сон, за что Влад очень сильно меня ругал.

На пятый день, Влад почти силой оттащил меня от него.

— Ты сойдешь с ума, если не будешь спать или помрешь с голоду, если не будешь есть! Все, мы с тобой идем в кафе.

Кафе он называл буфетную больницы. Я настолько измучилась за эти дни, что легко согласилась. Мы сидели за столиком, я молча заглатывала пищу, даже не чувствуя, что я ем.

— Ты не представляешь, как я устала общаться с чужими людьми, которые уверяют меня, что с Кириллом все хорошо, — нарушила я молчание.

— Антон не отдал бы сына плохим людям, тем более это его родственники, — ответил Влад.

— Я хочу его забрать.

— Еще рано, еще ничего не кончилось, — сказал Влад и прикусил язык.

— Ты все знаешь и молчишь! — зашипела я на него.

— Антон запретил тебе это рассказывать, — попытался оправдаться он.

— Мне плевать, что он запретил! Я имею право знать, почему я и мой сын подвергаемся опасности!

— Наверное, ты права, — Влад опустил глаза, — В городе передел власти, прежнего хозяина скоропостижно отправили на тот свет и ...да, здравствует новый король!

— И кто же должен стать этим новым королем? Антон?

— Нет, — засмеялся Влад, — Сизов.

— Сизов...где-то я уже про него слышала...

«— Почему ты не сказала, что ты девочка Стрелка?

— Кого?

— Стрелкова Яна Валерьевича, прошел Чечню, наемником, в данный момент входит в бригаду Сизова, его правая рука» ...

Ну да.

— И за кого мы бодем? — иронично спросила я.

Влад снова рассмеялся.

— За Сизова, конечно.

— Сизов, Сизов... я ничего про него не знаю! Расскажи мне о нем.

— Антон точно меня убьет, — вздохнул Влад.

— Не убьет, кто потом так мастерски из него пули будет вытаскивать.

— Ты не отстанешь, да? — проговорил он, — Я расскажу тебе кое-что, но только для того, чтобы ты понимала, почему Антон сейчас себя так ведет и не наделала ошибок, которые могут стоить жизни и тебе, и ему. Сизов Владимир Анатольевич, 65 лет, вор. На тюрьме получил кличку Кремень, но на воле она, почему-то, не прижилась. Из 65 лет 30 провел на зоне. В данный момент владеет крупным ресторанным бизнесом. Его правая рука Ян, по кличке Стрелок, парень серьезный, себе на уме. В данный момент мы работаем на них. Общие дела, знаешь ли.

Да-а-а...Закрутилось то...Не думала я, что когда-нибудь встречу еще Яна. А в принципе, зачем мне с ним встречаться? Пожалуй, Антон прав, что увез Кирилла подальше отсюда...

— Больше ничего не скажешь? — спросила я Влада.

— Нет, я и так сказал больше чем нужно.

Как не уговаривал меня Влад отдохнуть в комнате для гостей, я все-таки снова пошла в палату к Антону. Половину аппаратов убрали, что говорило о том, что он идет на поправку. Я как всегда села возле него и рассказала ему, как прошел мой день и как дела у нашего сына.

— Мм... Занимательный рассказ, — от голоса мужа я вздрогнула и еле сдержала себя, чтобы не броситься ему на шею. Антон медленно открыл глаза и каким-то холодным взглядом, совершенно чужим, посмотрел на меня. А в следующую минуту его слова прозвучали для меня как гром среди ясного неба:

— Девушка, а вы кто?

Я начала хватать ртом воздух, на мое спасенье в палату зашел Влад.

— Как себя чувствуешь? — спокойно спросил он, в то время пока я пыталась прийти в себя.

— Да вроде бы не плохо, док.

— А что с Ленкой не знаешь? Она как будто дар речи потеряла, — смеясь, спросил Влад.

— Понятия не имею... Я вообще ее в первый раз вижу.

В палате настала гробовая тишина.

Влад обследовал его и через непродолжительное время изрек:

— У него временная потеря памяти, такое бывает при сильном стрессе.

— Ну, ты знаешь, это известие явно облегчает дело, — съязвила я.

— Зачем ты так, мне самому не доставляет это никакого удовольствия, — обиделся он.

— Прости...

— Минуточку! — загорланил мой муж, — Кто вы такие, черт бы вас побрал?

— Неужели ты действительно ничего не помнишь? — я с тоской посмотрела на Антона. Все как всегда, мне везет как утопленнику.

— Антон, это твоя жена Лена, я твой друг и врач Влад, а еще у тебя есть сын Кирилл, ему пять лет.

— Угу, — проворчал Антон, — А еще собака, кошка и злобная теща в придачу с дачей!

— Черт, да почему ты не можешь просто поверить! — взорвалась я.

— По крайней мере, недоверие к людям у него осталось, — сделал вывод Влад и покосился на меня, так как я злобно на него рыкнула.

Терпению моему должен был быть предел, и он настал. Сначала смерть любимого парня, когда мне еле стукнуло восемнадцать, потом Ян с его сногсшибательной похожестью, теперь Антон, который сначала заставил меня выйти за него замуж, а теперь, когда я безоговорочно в него влюбилась он взял и как специально потерял память! Что, мать его, я сделала не так? Почему с самого начала в моей жизни все наперекосяк? Больно стало так, что не вдохнуть. А потом запустилась обратная реакция — эмоции ярости буквально затопили меня по самую макушку.

— Я ненавижу тебя, — сквозь зубы произнесла я, указывая на Антона, — И тебя, — мой взгляд переместился на Влада, — И вообще всех! Вы меня достали! Идите вы все к черту! Я заберу сегодня Кирилла и уеду из этого проклятого города!

Я пулей вылетела из палаты. Пока я чертыхаясь бежала по коридору на меня оглядывались все — от редких посетителей, до обслуживающего персонала. Только очутившись на улице, я поняла, что до города мне добраться просто не на чем. Я была настолько зла, что не сразу заметила, что Влад бежит за мной. Когда заметила, было уже поздно, он догнал меня и схватил за руку.

Я пыталась вырвать руку, но к моему удивлению, мне это не удалось.

— Да, постой же ты, наконец! — рявкнул он, чем поверг меня в шок. Он никогда до этого не кричал на меня.

— Отпусти, — грозно произнесла я, но должного эффекта на него это не произвело. Еще бы, слушать трехэтажный мат подстреленных бандитов и вытаскивать тем временем из них пули, это занятие не для слабонервных.

— Ты нужна, Антону. Нужна как никогда! Но опять сбегает! Ты не устала бегать от проблем? Ты как страус прячешь свою голову в песок. Твоему мужу нужна помощь, а ты ведешь себя как законченная эгоистка!!! — все это он проорал на одном дыхании, пытаясь повернуть меня к себе лицом.

Я в отчаянии плюхнулась на бордюр, понимая, наконец, осознавая, что он прав.

— Я устала, Влад, — простонала я, — Я так устала от всего, а теперь еще Антон смотрит на меня как на врага.

— Лен, — он заглянул мне в глаза, присев на корточки возле меня, — Сейчас не время для паники, ему поможет только ты. Память он потерял не навсегда, это временно, и насколько быстро он все вспомнит, зависит от тебя. Проблема усложняется, тем, что вам нельзя сейчас домой, а там бы выздоровление пошло бы быстрее, но ты не должна его бросать. Потерпи, пожалуйста, потерпи.

Я кивнула. Медленно выдохнула, призывая саму себя же к спокойствию.

— Влад, ты настоящий друг, возможно, единственный.

Мы вернулись в клинику, всю дорогу обратно к палате он поддерживал меня за руку, то ли боялся, что я упаду, толи того, что сбегу. Но в палату я зашла одна. Антон лежал и настойчиво разглядывал потолок. Я не нашлась, что сказать, я не знала, как мне теперь вести себя, меня никто не проконсультировал как вести себя с больными амнезией.

— Зачем пришла? — он равнодушно посмотрел на меня, а я еще раз вздохнула, напоминая себе о том, что нельзя сейчас на него злиться, он болен.

— Я хочу помочь тебе все вспомнить, Влад сказал, что тебе нужна знакомая обстановка, но мы не можем сейчас вернуться домой.

— Почему?

И я рассказала ему все то, что знала сама. Антон смотрел на меня не просто подозрительно, а даже враждебно.

— Если я такой... гм... крутой бандит, — он усмехнулся, — То, по логике, ты не должна быть в курсе дел. Но ты знаешь. Я не верю тебе. Я не знаю, что за игру ты тут затеяла со своим другом, детка, но она мне НЕ ПРАВИТЬСЯ!

— Я и не была в курсе до прошлой недели! Пока не встрясла хотя бы какую-то информацию у Влада! — заорала я на него.

— Ага, — опять усмехнулся он, — А Влад — значит доктор и по совместительству друг.

Я понимала, как это выглядит со стороны, но мне, во что бы то ни стало, нужно было вернуть прежнего Антона. Ведь насколько я понимала, от этого зависела безопасность нашей семьи.

— Пожалуйста, поверь мне, наш сын очень скучает по тебе, он постоянно про тебя спрашивает... — я замолчала не зная, что еще сказать.

— А ты? — на меня смотрели насмешливые глаза.

— И я по тебе скучаю. Очень.

— Ладно, — пожал плечами Антон, — Я устал, мне нужно немного отдохнуть.

Не произнося ни слова, я вышла из палаты. Рядом с палатой стоял Влад.

— Как все прошло?

— Никак, — я тяжело вздохнула, — Он не просто ничего не помнит, он и ничего не

чувствует. Как это возможно, ведь чувства невозможно забыть! Он с таким равнодушием и призрением со мной общается! Если только он... ничего ко мне и не испытывал никогда, — в горле встал ком, а в голове воцарился хаос.

— Скажи мне, когда это все закончится?

— Потерпи еще месяц, недолго осталось.

— Моя семья страдает...

— Синица, не будь дураком! Если плюнешь сейчас на все, твоя семья пострадает еще больше.

— А если не поможет. ... Если они все равно решат... Черт, я даже думать об этом не могу, не то, что говорить.

— Успокойся, Антон, я слежу за твоей женой и сыном, с ними все будет в порядке.

— Я устал лгать им. Ленка смотрит на меня умоляющими глазами, в них такая тоска и боль, а я смеюсь над ней. Если бы я мог объяснить ей, что это игра.

Я устала. Я безмерно устала от беспроглядности нашего будущего. Было ощущение что я нахожусь в страшной сказке, где я заперта в башне и нет никакого рыцаря, что спасёт меня от злого дракона. Потому что дракон был далеко не один. И я, слабая, никчёмная принцесса никому не интересна, потому что испокон веков женщина является разменной монетой или военным трофеем одного из драконов. И даже мой замок не защищал меня, потому что был построен из песка. А голодные драконы всё кружили и кружили надо мной, скаля свои пасти, они ждали, когда мой замок рухнет окончательно.

Антон выписали три дня назад, мы много разговаривали, я рассказала все хорошие моменты нашей с ним жизни, благополучно опустив плохие. Но ответом мне была либо равнодушная тишина, либо насмешка. Я даже включила вход «тяжелую артиллерию» — одела красивое белье, включила музыку, зажгла свечи... Он рассмеялся, заявив, что не прочь переспать, даже если это входит в мои коварные планы. Влад успокаивает меня и говорит, что все скоро нормализуется. Когда это «скоро» будет?

— Почему ты не рассказала о плохих моментах в нашей с тобой жизни? — раздался голос Антона.

Я замерла и посмотрела на него с надеждой в глазах

— Ты что-то вспомнил?

— Нет. Наверное, логично если у нас были не только хорошие моменты? — я уже начала привыкать к его насмешливому тону.

— Да, не только.

— Рассказывай.

— Какой смысл? Ты все равно не веришь тому, что я говорю, — я небрежно повела плечами.

Антон ухмыльнулся и ничего больше не сказал.

С тех пор как Антона выписали, мы спали в разных комнатах. Все это время сон посещал меня только на пару часов. Тысячу мыслей в голове и ни одного решения проблемы. Вот так и в эту ночь сон не шел ко мне. Завибрировав, мой телефон осветил комнату и сообщил о приходе смс-сообщения. Я посмотрела на часы: первый час ночи. Кляня на чем свет стоит отправителя сообщения, я нехотя взяла телефон и начала читать. Номер телефона был незнакомым.

«Ты в опасности. Приезжай на дачу Сизова, прямо сейчас. Поверь, это в твоих интересах. Ян»

Меня охватила дрожь, не от известия об опасности, об этом я догадывалась, а от того, что придется увидеть Яна, словам которого я не верила, и тем более Сизова. Надеется, что Ян будет один, было бы глупостью. Они что-то знают. Они знают, что я знаю. И сейчас, когда Антон в принципе беспомощный ребенок против них, у них появился шанс расправиться с ним с помощью меня и, возможно, сына. Но об этом я даже думать не могла.

Наспех одевшись, я потихоньку прокралась к двери и бесшумно вышла из уютной квартиры, любезно предоставленной Владом на время.

Я хотела вызвать такси, хотя понятия не имела где эта дача точно находится, так в общих чертах. Тут мне просигналил светом фар черный ниссан. Сразу сообразив кто это, я неуверенной походкой побрела к машине. Через десять минут я была на даче Сизова, ужасно злая, что из-за тонировки стекол, я не смогла разглядеть, куда мы едем, хотя вряд ли мне это удалось бы и без нее — ночь беспроглядная. Почему я решилась ехать? Возможно, потому, что еще надеялась, что еще смогу оказать влияние на Яна. В любом случае другого выбора у меня не было. Я не видела Яна уже более пяти лет. И сейчас я с трудом могла вспомнить то безумное чувство, что я испытывала к нему. Как оказалось, жизнь не прекращается со смертью некогда любимого мужчины и даже продолжается после ухода его двойника, даже при условии, что и к нему ты что-то чувствовала. Но вот что никак не хотело проходить, даже несмотря на годы, так это чувство вины перед Яном. Но ему я об этом не скажу ни за какие коврижки.

Шикарный особняк, куча охраны и Ян стоящий по среди двора- вот такая картина предстала у меня перед глазами. Он указал моим охранникам на беседку и сам двинулся в ее сторону.

— Самому не судьба была приехать, нужно было своих сторожевых псов посылать? — сразу же съязвила я, как только в беседке мы остались одни.

Он смотрел на меня без тени улыбки, и даже злости не было. Одно сожаление. О чем?

— Как ты могла выйти замуж за эту тварь? — с отвращением бросил мне он.

Мне стало вдруг жаль его, себя, Антона, всех нас. Мне захотелось все объяснить ему, чтобы он понял... Но разве смог бы он простить?

— Опять молчишь, — заключил он, — Ты всегда молчишь. Молчишь тогда, когда тебе больно, молчишь тогда, когда нужно говорить.

— Что ты хочешь от меня услышать, — устало проговорила я, — Что мне жаль, что у нас ничего не получилось, что мне жаль, что я не сказала все сразу, всю правду? Да мне жаль, но это ничего уже не меняет.

— Да, ничего не меняет, — словно эхо повторил за мной Ян и тут же его взгляд стал равнодушным.

— Доброй ночи, Леночка, — услышала я красивый мужской голос позади меня. К нам в беседку направлялся невысокий плотно сложенный мужчина в годах. По властной походке и на уровне интуиции я поняла, что это и есть Сизов.

— Здравствуйте, Владимир Анатольевич, — пролепетала я и неуверенно подала ему руку для пожатия.

— Мне очень жаль, что я не познакомился с вами раньше, дела не ждут, понимаете ли, — произнес он также дружелюбным тоном.

А мне то как жаль, прямо аж всплакну сейчас!

— Спасибо, что нашли время пообщаться со мной, Владимир Анатольевич, — я улыбнулась ему самой доброй улыбкой, на которую была способна. Сизов ответил мне не

менее «искренне».

— Не стоит благодарности, ведь у нас сейчас с вами можно сказать одно дело. Я так понимаю, что вы уже в курсе некоторых дел, и это кое-кого очень сильно расстроило...

— Давайте напрямик, Владимир Анатольевич, я не маленькая девочка, не расплачусь, и удара сердца вы от меня тоже не дождетесь, — я была сама удивлена тоном высказанного мной, видимо, это от страха. На лице Сизова скользнуло изумленное выражение, но он тут же взял себя в руки.

— Антон нарушил одно из негласных правил, — поморщился он, — Не болтать...

— Он ничего мне не рассказывал, Владимир Анатольевич, — перебила я его.

— Это уже не имеет значения — кто вам рассказал, теперь это факт и многим он не по душе, я думаю мне не нужно продолжать для того, чтобы вы поняли, чем это может вам грозить.

Я замерла. Зуб даю, что это только косвенная причина. Я не знала ничего такого за что мне грозила смерть. Тысячи жен бандитов знали столько же и спокойно спали в своих постелях. Заварила эта каша совсем по другому поводу. И вот этот повод было бы не плохо узнать.

— У меня есть выход?

— Да, раз за это взялся я, — самодовольства у него было хоть отбавляй, — Антон сотрудничает со мной в одном деле, если пострадаете вы, то я предполагаю, сотрудничество закончится на этом, а Антон нужен мне на данный момент.

Теперь у меня внутри все похолодело.

— Владимир Анатольевич, я думаю, вы уже в курсе, что мой муж в данный момент, вряд ли сможет вам помочь.

— Поверьте, дорогая, его инстинкты не сотрет никакая амнезия, — хищная улыбка заиграла на его губах.

Инстинкты кого? Убийцы? Он что собирается использовать Антона даже в таком состоянии?

Резкие слова уже готовы были сорваться с моих губ, но Ян неожиданно прервал меня:

— Владимир Анатольевич наша гостья уже устала, все-таки ночь...

Сизов улыбнулся.

— Вас сейчас отвезут обратно, а я могу вам обещать только одно вашу защиту взамен на ваше молчание, попытайтесь хотя бы сделать вид, что вы ничего не знаете. Ах, да, совсем забыл, вы же имеете влияние на своего мужа? Не так ли, Елена Витальевна? Постарайтесь убедить его, что работать со мной ему выгодно.

Я кивнула, не в силах что-либо произнести, мою злость как ветром сдуло, мной завладел страх. Сизов вскользь высказал самую главную просьбу. Собственно, из-за чего и решил со мной встретиться. Ахиллесовой пятой моего мужа в этой кровавой игре была я. Им было все равно, что я знаю, я теперь точно уверена в том, что они знали, что на самом деле мне ничего не известно. Но вот использовать меня в своих целях они собирались с самого начала. И, как я теперь понимаю, еще до амнезии Антона. Мне только что четко дали понять, что они знают, что я могу повлиять на решения Антона, не прямо, так косвенно. Пока они не угрожали мне или ему, но это только вопрос времени.

— Спокойной ночи, — удовлетворенно сказал он и неспешной походкой вернулся в свой дом. Охрана потянулась за ним, и через минуту во дворе остался только Ян, да пару охранников за воротами.

Глазами полными страха я посмотрела на Яна. Он стоял в двух шагах от меня, в глазах полыхал огонь. Кого он ненавидит? Меня? Сизова? То, что Ян не испытывает к нему симпатии это точно, достаточно понаблюдать как он меняется в разговорах с ним. Это могут увидеть, и тогда ему грозит опасность, не меньшая чем мне. А может это просто мое больное воображение...

— Иди к машине, я отвезу тебя, — процедил он.

Я молча развернулась и пошла. Уже сидя в машине, я смотрела, как Ян суетится, выдавая охране у ворот команды. Почему-то сейчас я уже не видела сходства между ним и Лешкой, человеческая память очень коротка, по крайней мере у меня. Ян же с завидным постоянством напоминал мне об обратном — он никогда не простит мне увлечение им из-за схожести с другим.

Через несколько минут Ян сел в машину, и мы поехали по ночной дороге. Мне вспомнился тот первый раз, когда он подвозил меня до дома. Тогда он был другим не таким уставшим и злым, не таким печальным.

— Ты изменилась, — сказал он тихо, вторя моим мыслям.

— Ты тоже.

— Нет, я такой, как и тогда, ты никогда не пыталась узнать меня! — бросил мне он.

Бессонные ночи, постоянный страх и огромное чувство вины перед ним дали о себе знать — я разревелась.

— Прости меня, я знаю, что я была эгоисткой и думала только о себе, но я и так наказана за это, можешь поверить мне на слово.

Ян остановил машину и посмотрел на меня с огромной печалью в глазах.

— Почему ты вышла за него замуж? Лен, я не понимаю. Когда я узнал о твоей связи с ним, я просто сделал для себя вывод, что ты шлюха. Кто еще будет бегать от одного к другому? Но когда он женился на тебе я понял, что глубоко ошибаюсь, Синица никогда бы не женился на тебе будь ты таковой. Но и это я могу понять. Я не могу понять почему ТЫ вышла за него?

— Это было давно, и уже не имеет никакого значения, — отмахнулась я.

— Нет, — жестко сказал он, — Для меня имеет. Я хочу знать, почему ты предпочла мне другого.

Я опарашено на него уставилась.

— Ты в своем уме Ян? К чему ворошить прошлое, это ничего не изменит... Столько лет прошло...

— Ты не любишь его... — перебил он меня и осекся, наткнувшись на мой взгляд, — По крайней мере не любила тогда. И хотя ты кричала на всех перекрестках об обратном, я не верил тебе.

— Отстань от меня, Ян, и поехали уже.

— Пока не скажешь, с места не сдвинусь, — заявил он.

— Ну что за ребячество! — охнула я ни секунды не сомневаясь, что он именно так и сделает.

— Рассказывай, — с нажимом произнес он.

— Нет, Ян, — я посмотрела на часы, — Боже, Антон, наверное, с ума сойдет, если увидит, что меня нет.

— Как ты о нем заботишься, — с ненавистью произнес он, — Об этом жалком ублюдке, а ведь когда-то твой голос дрожал от желания в моих объятьях, и ты не думала о нем... — Ян

медленно придвинулся ко мне, а я вся съежилась.

— Ян, не надо.

Но он как будто не слышал меня.

— Может, повторим опыт? — сбившимся голосом спросил он скорее у себя, чем у меня. Я оказалась вжатой в переднее сидение, а Ян продолжал надвигаться. Меня охватила ярость, ярость на всех мужчин за то, что они бессовестно пользуются своим физическим превосходством.

— Почему вы все пытаетесь принудить силой?! — бросила я ему в лицо, не замечая, что уже кричу. Мое тело билось в конвульсиях от страха, напряжения и бессилия, внутри же меня просто сковало холодом. Перед глазами уже всплыла только одна картина: темный подвал, трое зверей...

Сколько лет прошло, а я еще помню, даже не так, реакция на уровне автомата. Ян побелел и вцепился в кресло где я сидела, с такой силой, что я сама себе стала казаться маленькой и беззащитной еще больше, чем была раньше.

— Он взял тебя силой?! — взревел он, побледнел и со всей дури саданул руками по рулю.

— Он шантажом притащил меня под венец! — бросила я ему в панике.

Ян замолчал, откинулся на свое сидение и завел мотор.

— Куда мы едем? — спросила я, пытаюсь прийти в себя, но это мне с трудом давалось.

— К нему.

— Ян!

Он снова тормознул машину на этот раз так резко, что я чуть не врезалась в приборную панель автомобиля.

— Что?

Я не стала смотреть на него.

— Это ничего не меняет, не изображай из себя героя освобождающего принцессу от злого дракона, уже поздно. Я люблю его. Теперь на самом деле.

Он больше ничего не сказал, довез меня до дома, где мы теперь жили, и на бешеной скорости умчался обратно.

Я потихоньку открыла дверь в квартиру и вошла. И чуть не подпрыгнула, когда увидела перед собой Антона. Бешеного Антона. Как оказалось, мои мучения еще не закончились.

— Пять часов утра. А ты где-то шлялась... Но меня больше интересует вопрос с кем ты была? — его голос был спокоен, даже через чур.

— А тебя не интересует почему? — с иронией спросила я.

— Да мне все равно! — крикнул он, теперь его взгляд был ледяным, — Я просто не знал, что женился на шлюхе! Этого вы мне с Владом не сообщили. Если я ничего не помню, детка, это не значит, что мной можно крутить, как хочешь.

— Откуда у тебя столько желчи и недоверия? — устало спросила я.

— Может ты и с Владом спишь? — бросил он мне напоследок и ушел в спальню.

Я прошла на кухню и дала волю слезам. Я не видела выхода из наших проблем, и то, что сегодня сказал Сизов, было проблемой, огромной, как Марианская впадина.

«...его инстинкты не сотрет никакая амнезия» ...

Я так долго убегала от этого, от осознания того, что Антон — убийца. И да, я вполне понимала Яна, как я могла любить его? Но любила. От этого становилось еще больнее. Мои плечи сотрясались от рыданий, я сидела на полу, обняв свои колени и опустив голову.

— Ты когда-нибудь убивал? — , спросила я, почувствовав на своих плечах его руки. Он замер, но ответа я так и не услышала. Чертова амнезия, хотя он и без нее мне бы ничего не ответил.

— Сизов хочет тебя видеть, и если ты мне сейчас скажешь, что ты не знаешь кто это, то иди к черту или к своему чертову дружку Владу и у него спрашивай. А я уеду на несколько дней, мне нужно увидеть сына. Мне нужна хоть какая-то передышка.

Несколько минут молчания. А потом его убитый голос:

— Как хочешь. Позвони Владу, пусть приедет.

Неделя счастья с сыном, как же я по нему соскучилась! Кирилл стал лучше говорить, с увлечением рассказывал мне как они с тетей Аней и дядей Игорем ездили в лес собирать грибы. Я не могла наговориться с сыном, я в тысячный раз поблагодарила Аню и Игоря за заботу о моем малыше, и наконец-то удостоверилась, что он здесь действительно в порядке. Аня приходилась двоюродной сестрой моему мужу, они выросли вместе. Она давала моему сыну столько тепла и ласки, и в ее взгляде я видела ту обреченность, которая когда-то была у меня- бесплодие. Но я обрадовала их, рассказав про себя, и про клинику. А еще я выписала им чек на сумму лечения и незаметно положила вместе с запиской в карман халата Ани, так бы она не взяла. Я верю, что у них тоже, когда-нибудь появиться малыш. И, надеюсь, они разберутся куда идти с этим чеком. Для бывшего Союза это своего рода «ноу-хау».

Сидя на веранде их прекрасного дома, я наконец-то обрела покой, который в последнее время мне только снился. С тяжестью в сердце думала о возвращении домой. За всю неделю я ни разу не позвонила Антону, хотя набирала его номер раз тысячу, но тут же сбрасывала, так и не нажав на соединение. Один раз звонил Влад, чтобы рассказать, что все также, и он ничего не вспомнил.

В этот вечер мой телефон снова запиликал, звонил Влад.

— Приезжай срочно, ты нужна здесь, — его голос был встревожен.

— Что случилось?

— Не телефонный разговор, скажем так у Антона ухудшения болезни.

Всю обратную дорогу, я размышляла. Я конечно не спец, но что значит ухудшения в амнезии? Куда хуже?

Когда я приехала, меня встретил Влад.

— Садись в машину, поедem к Сизову.

— Это еще зачем? — я даже не пыталась скрыть свою неприязнь.

— Потому что твой муж там и у него, по-моему, уже ум за разум зашел! — зло сказал Влад.

— Да, что случилось-то? — начала волноваться я.

— Сейчас поймешь.

При дневном свете особняк Сизова выглядел еще лучше, по воздуху витал призывный запах шашлыков, слышался смех, играла музыка.

Возле моего мужа стояла худосочная блондиночка и подпевала песне, льющейся из динамиков, а мой муж нагло ее обнимал, и даже глазом не моргнул, когда меня увидел.

«Твоя вишневая девятка, опять сигналит за окном,

Твоя вишневая девятка, ты полюби ее потом»... — гнусавила блондиночка.

— Здравствуйте, Лена, — ко мне как гостеприимный хозяин подошел Сизов. — Мне очень жаль, что вы все узнали так, — он жестом указал на сладкую парочку: моего мужа и блондинку, — Я искренне разочарован, что Антон даже не попытался перед этим с вами

поговорить, — он укоризненно посмотрел на Антона, — Поэтому я попросил Влада позвонить вам, чтобы хоть как-то прояснить ситуацию.

Я слышала голос Сизова, но мои глаза пристально смотрели на мужа. Я пыталась понять — это злая шутка? Какой-то новый ход Сизова, которому подчинился Антон? В чем смысл? Зачем?

— Антон, скажи мне...

— Тебе Вовка уже все рассказал, — холодный, насмешливый и чужой голос, этот голос не мог принадлежать моему мужу.

— Скажи мне сам, что я не нужна тебе и я уйду, — мой голос был спокойным снаружи, а внутри он был просто ледяным, замороженным. Что это за жестокий розыгрыш? Или же мне, наконец-то, решили сказать правду? Может то, что он не любил меня никогда, а только играл со мной, как с куклой, и есть та истина?

— Извини, — он небрежно повел плечами, как будто отгоняя вредную муху.

«Извини» ... за семь лет жизни. Он только это мог сказать? Извини?

— А что мне сказать сыну, Антон?

Ни один мускул не дрогнул на его лице, все уставились на нас.

— Вы оба мне не нужны.

— Ну ты и подонок, — процедила я.

Больше я не хотела ничего слушать и не видеть этих лиц. Сизов выглядел скучающим, но на самом деле он был доволен, это читалось в его глазах, да он и не пытался это скрыть. Влад понуро бродил рядом с Антоном, жалкая собака! Меня здесь больше ничего не задерживало. Сквозь пелену слез, которые так и не закапали, но изрядно мешали мне видеть, я пыталась пробраться к выходу. Чья-то рука схватила меня за кофту и потянула на себя, я обернулась и увидела Яна.

— Останься, — он сказал это нарочито громко, чтобы все слышали.

— Я больше не играю в эти игры, — ответила я ему.

— Останься, прошу тебя, — что-то в его голосе заставило меня посмотреть на него повнимательней, и я увидела страх, безотчетный страх. Ян боялся за меня, боялся, что теперь, когда я не нужна Антону, Сизов уберет меня, как и многих других, чтобы не мешалась под ногами. Я каким-то шестым чувством осознала, чего именно боится Ян.

Мне нужно было жить, ради сына. И я осталась. Осталась, проклиная Антона и всю эту свару, которая заставила меня жить по их правилам. Ян не отходил от меня, держал за руку, или обнимал за плечи. Я молчала. Антон изредка смотрел в мою сторону, хотя слово смотрел, наверное, не подходящее, он либо обдавал меня ледяным взглядом, либо вовсе проявлял безразличие.

— Ты посмотри на этих голубков! Ян, не теряй зря времени! — дикий хохот дружков Сизова. Я даже не знаю, насколько нужно быть тупым и пошлым, чтобы думать, что я после того, как меня бросил муж, кинусь в чьи-то объятия! Но их недалекости стоило радоваться, потому что негласный план Яна удался- люди Сизова поверили, что у нас взаимное притяжение, и через некоторое время они донесут эту новость кому надо. Не нужно быть гением, чтобы догадаться, что за Владимиром Анатольевичем стоят более серьезные люди. Сизов будет молчать. О, я уверена в этом. Ян нужен ему не меньше Антона. Только зачем? А я всего лишь тот самый трофей, переходящий приз от одного к другому. Теперь, когда Антон полностью на стороне Сизова, старому вору я была не нужна. Но Ян был также егс человеком, его правой рукой и только благодаря ему мне оставили жизнь. Жизнь игрушки

ничего не значит, когда хозяин наиграется с ней, её можно уничтожить только для того чтобы не мешалась под ногами и не сболтнула чего-нибудь лишнего.

— Ну ты девка, даешь, — укоризненно смеясь проговорил мне Сизов, когда Ян наконец-то отошел от меня, — Соображаешь. Только учти, Ян мне как сын, обидишь... Парень давно бредит по тебе. Вот вы все такие, сучки, — что-то еще бурча под нос, он удалился, а Ян безмятежно улыбаясь увлек меня в глубь сада, где мы, наконец-то, смогли поговорить.

— Я боюсь за тебя. Боже, ты даже не представляешь, как я за тебя боюсь, — маска веселья слетела с его лица, как осенью листья.

— Теперь все в порядке, правда, твой Владимир Анатольевич, пригрозил мне немедленной расправой в случае, если я тебя обижу.

Ян даже не рассмеялся, как сделал бы это раньше. Он смотрел на меня влюбленными глазами.

— Можешь, не притворяться, люди Сизова нас не видят, — сказала я ему.

— А кто сказал, что я притворяюсь?

— О, Боже, Ян только не начинай, ты же вроде ненавидишь меня?

Он мягко провел рукой по моим волосам.

— Да, ненавижу и люблю, — согласился он.

— Прекрати ты наконец...

Он изменился в лице, и ярко улыбнувшись, почти не шевеля губами, сказал:

— За нами наблюдают.

Я даже не успела ахнуть, как губы Яна вонзились в мои, для большей убедительности я ответила. Минут через пять я оттолкнула его, справедливо предполагая, что уже давно никто ни смотрит.

— И кто ж так долго смотрел, явно надеясь на продолжение?

Ян смотрел на меня серьезно и как-то с жалостью.

— Твой м... Антон.

Я обмерла, мне захотелось сказать Яну, что он скотина, но я сдержалась. Он все сделал правильно. Антону на меня плевать. Он и пальцем не пошевелит, если меня даже на его глазах убивать будут. Он всегда был монстром, а теперь, когда потерял память, его животный инстинкт усилился вдвойне. Антона больше не было, его заменило чудовище.

Я шумно втянула в себя воздух, и сама впиалась долгим поцелуем в губы Яна. Он оторопел от неожиданности. Я решила, что я сделаю это, назло ему, себе, пусть эти тупые братки думают, что я всего лишь безмозглая сука и не больше. Но Ян не был глупым, к моему сожалению, он отодвинул меня от себя.

— Я бы конечно мог, воспользоваться твоим предложением, но ты потом убежишь от меня как от человека, с которым ты снова совершила ошибку и тебе стыдно смотреть ему в глаза.

— Ян...

— Так?

— Ян!

— Так или нет?

— Да, — я обреченно вздохнула.

— Значит, нет, — он улыбался мне как маленькому ребенку, сморозившему глупость.

— Я не хочу так, — добавил он.

— С каких пор ты такой сентиментальный?

— У меня было уйма времени, чтобы осмыслить, как я к тебе отношусь на самом деле. А сегодняшний день не оставил вариантов и времени на раздумья.

Мы вернулись в разгульную компанию. Веселье было в самом разгаре, кто-то травил пошлые байки, кто-то уселся играть в карты с девочками на раздевание, а кто-то начал выяснять отношения. Полный бедлам! Антон сидел на кушетке возле стола и наглаживал спину той самой девицы. Глядя на их воркование, я умирала от ревности. Но Ян не давал мне сорваться и показать, что я на самом деле чувствую, он предупредительно держал меня за руку, и каждый раз, когда я готова была вцепиться в волосы блондинки, он сжимал мою руку так сильно, что от боли я приходила в себя. А потом он обнимал меня, и гладил эту же руку, будто извиняясь за причиненную боль.

— Где ты будешь сегодня ночевать? — спросил меня он заботливым голосом.

— Я не знаю, на квартиру я возвращаться не хочу, домой мне нельзя. Буду жить на улице! — весело заключила я.

Ян хмыкнул.

— Да, самое безопасное место, ничего не скажешь. Поехали ко мне.

Я ожидала этого предложения и молчала.

— Ничего не будет, — опередил он поток моих мыслей.

— Я не боюсь тебя, если ты об этом, — успокоила я Яна, — Просто странно все это, странно и противно. Я никогда не хотела такой жизни для себя, я считала таких как ты, Сизова и... Антона, — имя мужа мне далось с трудом, отзываясь болью в сердце, — Людьми с другой планеты, не понятными мне. А теперь меня окружают бандиты, я замужем за бандитом, мой семейный доктор тоже в принципе бандит. Дальше то, что? Как быть и выжить в вашем мире? Что я могу? Я вынуждена просить тебя, кстати, тоже бандита, о прибежище! Я не могу вернуться в свой дом. Я не могу быть с сыном, иначе подвергну и его опасности...

— Ты же знаешь, что не в тягость мне. Ты можешь оставаться у меня столько, сколько тебе понадобится, — серьезно произнес он, — Тем более нам как-то надо поддерживать легенду о том, что мы вместе.

Я согласилась с ним, прекрасно понимая, что все, что я делаю начисто лишено разумности. Но выхода не было.

Я искала и не могла найти. Я обошла весь этот огромный дом, вдоль и поперек, я отчетливо слышала его смех, но петляла как в лабиринте. Я позвала его.

— Антон!?

Но ответом мне была тишина. Почему он построил такой большой дом! Зачем он нам! Я спустилась вниз по лестнице, и с ужасом обнаружила, что я в подвале. Я ненавидела подвалы!

— Антон, за что ты так со мной! Я боюсь, пожалуйста, открой эту чертову дверь! Я не выживу, я просто не вынесу это еще раз! Лучше убей меня сразу!

Звук открываемой двери, шаги. Я обернулась. Их было трое. Смех, мерзкий, ужасный....

Я вскочила в холодном поту, задыхаясь, мое лицо было мокрым от слез. В самые тяжелые и темные для меня времена мне снится один и тот же кошмар. Я когда-нибудь избавлюсь от него? Из того дня я ничего толком не помнила, отдельные картинки мелькали в моей памяти и исчезали так же внезапно, как и появлялись. Я помнила только страх, леденящий, животный ужас, когда во сне они приближались ко мне. А дальше темнота и я

просыпалась.

Я почувствовала на себе чей-то взгляд, мои глаза постепенно привыкали в темноте, и я разглядела Яна, сидевшего в кресле. Он не спал, смотрел на меня пристально, не отрывая глаз.

— И давно ты тут? — мой голос прозвучал хрипло.

— Достаточно давно, чтобы понять какое чудовище твой муж, — стальной голос Яна заставил меня вздрогнуть.

— Я не понимаю...

— Ты разговариваешь во сне, — пояснил он, — Тебе никто этого раньше не говорил?

— Нет.

— Что он сделал с тобой? — Ян наклонился ко мне, отрезая путь к побегу.

— Это просто сон...

— Ты меня не проведешь, — он начал метаться из угла в угол, — Почему ты такая упрямая! Я просил тебя не связываться с ним. Я говорил тебе, что он за человек, если конечно его можно так назвать!

— Хватит читать мне нотации! — заорала я на него, — Все что было плохого у меня с Антоном, это в прошлом, он ничего со мной не сделал. Наша с ним жизнь тебя не касается.

— Как ты можешь его любить!

— Ради него я вернулась с того света! Ради него и сына!

— Ленка...

— Мне очень жаль! Я не могу ответить тебе взаимностью, я до сих пор люблю это чудовище, я делаю себе больно, но ничего не могу с собой поделать, уж ты-то должен меня понять!

— Но ведь когда-то у тебя были чувства ко мне! Не отбирай у меня хотя бы надежду, — его взгляд уставшего, отчаявшегося человека заставил меня замолчать.

Спустя несколько лет, я продолжала причинять боль Яну, а вот Антон легко избавился от этой болезни. Может и Ян найдет себе тупую блондиночку и будет счастлив?

Я тяжело вздохнула.

— Я хочу спать. Уходи.

С утра меня разбудила настойчивая трель телефона. Интересно, где этот чертов телефон, я в чужом доме и понятия не имею где он находится.

На мое счастье его взял Ян.

— Привет, Вик! — прозвучал его веселый голос, — Да нет, все в порядке, да она еще спит...Нет, я не буду ее будить и мне плевать, что ты хочешь ей сказать...Вика, перестань, — продолжил Ян, более пониженным тоном, — Я не маленький мальчик, чтобы не понимать этого. Вик, мы просто друзья, как раньше...а ты их больше слушай...Вика, только для них мы действительно любовники, не проболтайся. Все, пока.

Мне до жути не хотелось вставать, и что-то делать, но на сегодня я запланировала поехать к сыну на пару деньков. Ян ходил по квартире в хорошем расположении духа и что-то себе там насвистывал. Опять раздался звонок телефона, и я рухнула обратно на подушку. Семь утра. Кому не спиться в такую рань?

Ян, чуть ли не пританцовывая, подошел к телефону.

— У аппарата, — ответил он звонившему, дожевывая бутерброд. На том конце говорили долго, и по мере этого, лицо Яна менялось, он снова превратился в того Яна, которого я видела в доме Сизова- серьезного и угрюмого. Не нужно и гадать, кто звонит. Все-таки я не

понимаю Яна. Зачем работать на человека, которого ты либо недолюбливаешь, либо боишься? Хотя в том мире увольняют по-другому.

Я закрыла глаза, притворяясь спящей. Ян подошел ко мне и нежно погладил по голове.

— Вставай, соня. Нас Сизов ждет.

Я мигом открыла глаза и встревожено посмотрела на Яна.

— Все в порядке, все поверили в наши отношения, только я так полагаю Сизов хочет, чтобы мы отметили это дело.

— Сизов хочет, — передразнила я, — А он вчера еще не «наотмечался»?

— Он решил почитать мне нравоучения, с пристрастием, — гоготнул Ян.

— По поводу?

— На тему «Любовь — это хорошо, а про работу забывать не нужно».

— Сволочь твой Сизов, поспать не дает!

Через час при полном параде мы были у «босса». Я безучастно сидела и рассматривала ландшафт, пока Ян и Владимир Анатольевич решали свои дела.

Но после того, как Ян запрыгнул в машину и умчался, а я осталась один на один с Сизовым мне стало не по себе. А он как на зло не хотел забывать о моем существовании.

— Лен, поговорить надо, — вкрадчивым голосом начал он.

— Я слушаю, Владимир Анатольевич.

— Вот... — , казалось он не знает с чего начать, он вытащил какие-то бумаги из кейса и передал их мне.

— Что это?

— Бумаги о разводе, ты должна их подписать, и еще Антон оставил сыну квартиру, в которой вы жили.

Я молчала и держала эти проклятые бумаги в руках. Сизов участливо протянул мне ручку, и я в каком-то сне подписала их.

«Это ненадолго, я обещаю»...

Когда-то, не так давно Антон пообещал мне, что кошмар закончиться. Но он только начинался.

Глава 4. Ян

Ложь убивает любовь, а откровенность убивает ее еще быстрее.

Абель Эрман

Как неумолимо бежит время, и как мало изменилось за эти несколько лет. Я думал, что ненавижу ее, я хотел ее ненавидеть, призирать, и мне почти удалось убедить себя в этом. Пока Сизов не упомянул о том, что ее могут убрать. Вся надуманная ненависть рассыпалась в прах, я испытал ужас от осознания того, что могу потерять ее. Да, она не была моей, но я мог хотя бы видеть ее изредка и издалека. Каким же я был дураком, убеждая себя, что я наблюдаю за ней только потому, что ненавижу и желаю ей смерти. Смерть стояла рядом с ней, но теперь я не был ее союзником.

Сизов видел много, возможно слишком много из того, что я не хотел показывать. Он предложил мне единственный возможный вариант — ее спасение взамен на молчание и полный контроль с моей стороны. Если бы он знал, что тем самым он дарил мне и рай, и ад. Находиться рядом с ней и не иметь возможности дотронуться...

Она приехала к Сизову с виду воинственная, на самом деле перепуганная до смерти. Она приехала ради него. ... Ни одного человека я не ненавидел так сильно как его. Антон... Синица. Я мог бы многое рассказать ей о нем, но я молчал. Это причинило бы ей боль, но может лучше так?

Когда она бросила мне в лицо, что любит его, я испытал острую боль, будто пуля прошла сквозь меня. Я даже не мог вспомнить, было ли мне когда-нибудь так больно?

Но я был согласен испытывать эту боль вечно, лишь бы она не испытала то, что испытала через неделю после этого. Антон с ледяным взглядом, обнимающий очередную... Мне было плевать на него, на его чувства, но я дорого бы отдал, чтобы оградить ее ото всего этого.

Это убило ее. Она пыталась справиться с этим, но я видел... Я буквально кожей ощутил, все, что она чувствовала. И, да, Боже, прости, я был рад, что она больше не нужна ему, что это чудовище наконец-то выпустило ее из своих когтей. Я ликовал не больше минуты, пока не увидел глаза Сизова, в которых прочел смертельный приговор ей. Теперь он мог спокойно убрать и ее и ее отца. Может быть, я не прав, что маловероятно, поэтому не перестраховаться я не мог.

Решение пришло мгновенно.

— Останься, — я сказал ей это так, чтобы она поняла, что это не просто моя прихоть.

— Я больше не играю в эти игры, — ее безжизненный голос в ответ.

— Останься, прошу тебя...

И она осталась, возможно, потому что поняла, что я хотел ей сказать.

Да, она поняла, а я разрывался от боли и отчаянья, глядя на нее. Она мучила себя, ловя каждый взгляд Антона, смотрела, не отрываясь, на то, как он обнимал и целовал другую. Моя бедная мужественная девочка. Я не смог бы наблюдать, будь я на ее месте. Но она все выносила. Для чего? Что она хотела понять, увидеть? Я заслонял ее от ее же горя как мог, я сдерживал ее ярость, я пытался приглушить ее боль. Я надеялся, что хоть как-то смогу помочь ей.

Господи, почему ты так жесток к ней? Ведь даже я смог понять и простить ей ее

поступок. Я больше не держал на нее зла, я не понимал даже почему ее ложь тогда в прошлом довела меня тогда до безумия, до ненависти, возможно уже тогда я безумно ревновал ее ко всему, даже к призраку. Понял слишком поздно. Тогда я четко дал ей понять, кто она и как я ее ненавижу. Она не стала искать доказательств моих слов, и я потерял ее.

Теперь уж не знаю за какие такие заслуги, мне, возможно, давался еще один шанс. Я не хочу больше ее терять. Мне даже стало вдруг все равно, видит ли она во мне другого. Да, даже если так, то, что я сделаю на этот раз? Все стерто, все забыто: он, я... для нее есть только Антон. Этот мрачный монстр, наводящий ужас даже на выдавших все парней. Я много слышал историй о нем, и все они были разнообразны, но одинаковы в одном — жестокость, не знающая границ. Я знал о нем такое, что навсегда бы отвратило ее от него. Но молчал. Я даже не мог представить, как она была с ним, да и не пытался. Один раз я совершил такую ошибку — представил ее в его объятьях — я разгромил все, что мне попало под руку, чуть не покалечил Вику, за что себя никогда не прощу.

Все поверили в наш фарс. Лена как могла улыбалась мне и призывно тянулась. Все поверили. Все, кроме Сизова. Но он не тронет ее теперь точно. Я не позволю, даже если за это мне придется расплатиться не только своей жизнью... Господи, что я делаю? Но иначе я просто не могу.

Я увлек ее вглубь сада, а эта девчонка попыталась соблазнить меня. Назло ему. Дурочка, маленькая, глупенькая, но до сих пор любимая...

Я столько раз представлял, как привожу ее в свой дом, и вот она здесь. Спит, как ангел. Мой персональный ангел. Она начала разговаривать во сне, выкрикивала его имя, умоляла отпустить ее или лучше убить. ... После этих слов она проснулась, а я на мгновение потерял дар речи. Что это? Она опять врет мне, что любит его? Или врет себе? Что он с ней сделал? Она так и не призналась мне. Да и честно, я не уверен, что выдержу правду.

Я задумался и не заметил, как эта чертова пробка рассосалась, и путь был свободен. Легко вдохнув вечернюю прохладу, я мчался на всех порах к ней. Послать к черту этого Сизова и увести ее куда-нибудь, а не заставлять ее общаться с ним. Но мне нужно было уехать. Прошел целый день, как я ее оставил. Завернув на знакомую дорогу, я приготовился к встрече с ней. Наконец-то, нет Антона, нет ничего, и даже если она не любит меня, то никто не может мне запретить надеяться на это.

Встречать меня вышел Сизов.

— Где она? — я волновался за нее, оставляя ее здесь в этом логове.

— В доме, — я направился туда, но голос Сизова заставил меня остановиться, буквально замереть соляным столбом.

— Антон оставил ей бумаги для развода, она уже их подписала.

Я бегом поднялся по лестнице. Гнусная мразь! Не мог подождать пока она придет в себя, решил добить ее окончательно.

Она сидела в гостиной на диване, совсем по-детски, поджав под себя ноги, и смотрела в одну точку.

— Милая, мне очень жаль... — сказал я ей как можно более мягким голосом, пытаюсь усмирить собственную ярость.

— Правда жаль? — сквозь отчаянье вырывалась ярость.

— Правда, только его я теперь не пожалею.

Она вздрогнула и посмотрела на меня своими чистыми как у ребенка глазами. Я всегда пасовал перед этим взглядом, только она умела так смотреть.

— Не надо. Не трогай его, пожалуйста.

Я сел с ней рядом и обнял, она, будто ждала этого, прижавшись ко мне всем телом, Лена откинула голову назад и, печально улыбнувшись, сказала:

— Спасибо, что ты рядом, рядом не смотря на все плохое, что я тебе сделала.

Я смотрел на нее, не отрываясь, с надеждой, с любовью, которую уже не мог скрывать. Да и зачем?

Сделала... Я поступил хуже, буквально швырнув ее в объятия другого. Она думала, что она монстр и чудовище и виновата во всех смертных грехах, она винила себя, я это видел. На самом деле она не знала, что она самый добрый и отзывчивый человек в мире. Плохого я повидал много... Особенно там...

Я вспоминал Чечню уже не так часто, как раньше, но воспоминания до сих пор были яркими и причиняли ноющую боль. Я не знал, чем можно ее заглушить — алкоголь не помогал, я быстро отказался от этой идеи, наркоту я в принципе не уважал, слишком много таких как я превратились, благодаря ей, в нелюдей, зверей...

... На дорогах Ингушетии мы встречали много российских патрулей, как только мы пересекли границу Чечни, капитан-майор Сивушев сразу предупредил, что здесь наших очень мало. Вооруженных людей полно, но это исключительно чеченцы.

Полный хаос в эшелоне власти. По-другому это назвать было просто невозможно. В Мескер — Юрт местные власти еле подавили бунт среди мирных жителей, грозивший перейти в восстание... Мирных? Ха! Они требовали наказание для двух наших солдат, которые, по их словам, расстреляли чеченскую семью из 5 человек, проводя местную зачистку...

В эту ночь она спала тихо, не разговаривая. Я не спал, я не мог спать, хотя и пытался. Меня тянуло к ней, и дело даже не физическом притяжении, я желал ее видеть, слышать, ощущать каждой клеточкой своего тела. Она словно околдовала меня. И если раньше до того, как ей начала грозить опасность я не обращал внимание на постоянно ноющее сердце, с годами научившись отключаться от этой боли, то теперь, когда не было смысла больше притворяться, мои чувства к ней разгорелись с новой силой.

В эту ночь, как и в предыдущую, я смотрел на нее, смотрел, боясь даже на один миг оставить, потратить время на ненужный сон. Как я мог ее оставить тогда? Сейчас я не понимал этого, я осуждал сам себя, но уже не переиграешь. Чувство, которое возникло у меня к ней с первого взгляда, со временем стало только сильнее.

Она проснулась рано, около семи часов, я закрыл глаза и притворился спящим. Не хочу, чтобы она знала, что я не спал. Лена крадучись пробралась на кухню. Я уже хотел встать и пойти к ней, как услышал, как она кому-то звонит.

— Алло, Влад... — сказала она приглушенным голосом, — Да это я. Ты можешь мне объяснить, что происходит?... Я не понимаю. ... За что он так со мной? Передай ему, я подписала бумаги о разводе.

В следующую минуту я услышал, как она тихонько всхлипывала. Мне стало больно. Я лишний раз убедился, что я не нужен ей и уже дикая мысль влезла мне в голову. ... Выгнать, прогнать, чтобы не видеть ее любви к нему, чтобы не было так больно... Ну а потом я увидел перед собой картину, как наяву: ехидная улыбка Сизова, пистолет в его руке, и Лена смертельно бледная со стеклянными глазами... От этой мысли мне стало еще хуже. Вот таким она меня и увидела — с перекошенным лицом и лютой ненавистью в глазах. Она вздрогнула и отступила назад.

— Ян...Я что-то не так...Боже, ты слышал мой разговор? — последние слова она простонала и начала покусывать нижнюю губу.

— Да, слышал, — мой голос не был моим. Боже, я же наверняка пугаю ее своим видом! Но я не смог ей ничего сказать, пытаюсь справиться с нахлынувшими видениями.

Она стояла и смотрела на меня испуганными глазами. Я наконец-то смог справиться со своими эмоциями и, глубоко вздохнув, попытался улыбнуться ей. Видно вышло у меня это скверно, потому что она испугалась еще больше.

— Ян, не смотри на меня так, ...пожалуйста, — пробормотала она.

— Я вовсе не на тебя злюсь.

— Сизов? — проявила она сообразительность.

На этот раз я даже не пытался, справится с эмоциями, и недобро улыбнулся.

— Ян, почему ты на него работаешь? — решительно спросила она, но тут же смутилась, — То есть я хотела сказать...Ты ведь, мягко говоря, недолюбливаешь его. ... Зачем?

Что я мог ответить ей? Сказать правду я просто не имел права.

— Не все так просто, Лена.

— Извини, я совсем забыла, что у вас просто так не уходят, — с горечью произнесла она.

Я обнял ее, я даже не мог дать гарантии кто сейчас в этом больше нуждался я или она.

— Не бойся, слышишь? Ничего не бойся рядом со мной. С тобой ничего не случится.

— А с Кириллом? — спросила она, чуть ли не плача.

— И с ним тоже.

— Ты наверно не хочешь защищать его ребенка, — это было утверждение.

— Это твой ребенок. Не имеет значение кто его отец.

— Так уж не имеет? — усмехнувшись, спросила она.

Я покачал головой и еще сильнее прижал ее к себе. Разве это важно, если любишь женщину?

— Я хочу забрать Кира.

— Нет, ты подвергнешь его опасности, только редкие телефонные разговоры и то не долго.

Она тихо заплакала у меня на плече.

Прошла неделя, все окончательно уверовали в наши отношения, даже слышались такие разговоры, будто мы были любовниками еще со дня ее свадьбы с Антоном. Пришла бумага, подтверждающая, что теперь она свободна. Я должен был радоваться, но не был рад, смотря, как она плачет над этой бумажкой. Мы много разговаривали, хотя она не хотела, я просто не давал ей уйти в себя и мучиться одной. Сизов больше ее не беспокоил, это меня радовало. Но я знал, что, если сейчас я отпущу ее, на нее просто накинутся, как голодные собаки на кость и уничтожат, как ненужный носитель информации. То, что теперь она не нужна Синице отнюдь не спасало ей жизнь. Я бы даже сказал наоборот — освобождало путь к дальнейшим действиям.

Сизов дарил мне и рай, и ад, сам того не понимая. Я находился рядом с ней. Находился рядом с ней и мучился как в аду. Но я ни за что не променяю этот ад на бездушное спокойствие без нее.

Утром меня разбудил телефонный звонок, к которому Ленка подскочила как сумасшедшая.

— Да! — крикнула она в трубку, по всей видимости, ее тоже вытащили из так называемого спасительного сна.

В следующие моменты я слышал только тишину, меня насторожило это, я поднялся и прошел на кухню, где был телефон.

Она стояла бледная, а с глазами у нее творилось такое, что я испугался.

— С кем ты разговариваешь? — закричал я на нее. — Это он? — я тряс ее, а она молчала и судорожно сжимала трубку, в которую даже не вслушивалась уже. Я отнял у нее трубку и рявкнул:

— Синеца! Ублюдок, если ты еще раз позвонишь сюда, я тебе башку враз откручу!

— Это не Антон, где Лена? — ответил мне незнакомый голос.

— Кто ты такой и что ты ей сказал? — глухо прорычал я.

— Я Влад, — произнес голос на том конце трубки.

— Не Антон, так его прихвостень... не звони сюда...

— Послушай! Это важно. Возможно, важно не для тебя, но для нее.

— Давай встретимся, — сказал я, после секундного раздумья и вздохнул.

— Нет, не могу, не безопасно. Если Сизов узнает мне не сносить головы. Я ей уже все по телефону объяснил.

— Ага, я вижу, — зло бросил я ему, глядя на Ленку, — Нет никакой гарантии, что его не прослушивают. Давай, шавка ты дворовая, мне теперь рассказывай.

И он рассказал. Меня это не удивило, но я представлял, каково ей это было услышать. Все как я и предполагал. Сизов дал Синеце задание, прямо скажем не из простых — убрать главного конкурента. Только проблема была в том, что конкурентом был отец Ленки. Только о деятельности своего отца она ничего не знала, до этого момента.

Я сказал спасибо за информацию Владу, и, положив трубку, посмотрел на нее.

— Девочка моя... — прошептал я, мне хотелось ее обнять, но я сдержался.

— Ты знал, чем занимается мой отец?

— Да.

— Почему...

— Ты бы поверила мне? — прервал я ее. — Ты поверила, если я бы тебе сказал, что твой отец не крупный бизнесмен, а бандит? Начинал он еще при Советском Союзе, да и называлось это тогда совсем по-другому.

— Нет... Ян он же знает моего отца... Неужели... Он знал все с самого начала...

Она боялась ответа, а я не хотел говорить ей его.

— Я должна остановить его, — сказала она через минуту, которая показалась мне вечностью. И тут она посмотрела на меня так, что будь у нее в руках пистолет, я бы всерьез опасался за свою жизнь.

— Ты знал кто мой отец, Сизов твой хозяин заказал его. Вы оба и ты, и Сизов знали, чья я дочь. ... И Антон тоже... Вы все знали с самого начала... Два претендента на новую корону, один из них Сизов, а другой мой отец. Теперь я понимаю желание Антона держать меня при себе, и вся любовь ко мне — ложь, ваш хозяин решил, что не плохо бы привязать меня к Антону, а что может быть лучше, чем брак? Впоследствии я должна была сделать из папочки не конкурента, а партнера. Но Антону видно все осточертело, и снова ваш благодушный хозяин освободил его от меня, а я спокойно перекочевала к тебе... Сизов решил воспользоваться ситуацией, не доводить все до крайностей и уложить меня к тебе в постель, чтобы не терять возможности заполучить врага в свой стан, но просчитался, времени в обрез

и силы не те, да? И вот на сцену выходит мой муж так называемый, который должен выполнить вторую часть плана, если первая прогорела — убрать моего отца. Не плохо продумано! Поздравляю! Только после того как уберут моего отца, моя жизнь будет не дороже туалетной бумаги.

Я не мог поверить своим ушам. Она думала, что я использую ее, когда я может быть единственный человек, готовый отдать за нее свою жизнь.

— Ты городишь чушь! — резко сказал я ей.

— Да? А по мне так все правда!

— Ты причисляешь меня к этим ублюдкам? — я больше не мог сдерживаться, я ненавидел Сизова, эту свинью, с его хитроумными планами свести весь мир в могилу, она все равно догадывалась об этом, так какой смысл скрывать.

Лена внимательно посмотрела на меня, ей хотелось поверить мне.

— Если это не так, то ты поможешь мне, — вынесла она свой вердикт.

— Помогу, — я тяжело вздохнул. Ну, ладно я, но она-то куда влезает? Папочкины гены...

Она взяла трубку телефона и набрала номер.

— Папа, мне нужно поговорить с тобой. ... О твоём бизнесе, папуля! — заорала она, — Я у Яна, только тебе он скорее известен как Стрелок! — и кинула трубку.

— И что ты делаешь?

— Спасая своего отца, если ты не заметил! Он уже едет, ... так что время у нас есть пока.

Я покачал головой, неизвестно, сколько у нас времени... Никто не знает, когда Антон будет выполнять свой заказ... Может быть сейчас...

— Позвони ему, — как будто прочитав мои мысли, попросила она, — Назначь встречу... Меня он не будет слушать.

Я набрал номер Сеницы, и минуты три слушал гудки. Я ничего ей не сказал, она сама поняла.

Весь вечер она ходила из угла в угол, я сам себя чувствовал не лучше, но сейчас нужно было дождаться ее отца.

— Только полегче с ним, — попросил я ее.

— Да, толькоогрею пару раз сковородкой за продолжительное вранье семье и все, — съязвила она.

Иногда я восхищался ее мужеством, как, например, сейчас. Другая бы на ее месте растерялась бы, Ленка не ждала у моря погоды, а брала ситуацию в свои руки.

В двенадцать ночи явился Казанцев Виталий, в миру известный как Святой (кличкой такой он обзавелся за душевную доброту к бездомным деткам, перечисляя кучу денег в детские дома), а попросту Ленкин отец.

Смотрел на нее хмуро, и добродушия не выказывал, а когда меня увидел, то и вовсе позеленел от злости, предполагая, что именно я рассказал его дочери правду. Были у нас когда-то с ним общие дела, поэтому со мной знаком он был.

— Ну? — грозно спросил он у нее. Хотя, по моему мнению, грозной должна была быть она. Ленка за словом в карман не полезла, и, воспылав праведным гневом, сказался характер родителя, высказала ему все, что она о нем думает. Виталия растерялся и уставился на меня.

— Не я ей рассказал, Виталий Данилович, — сказал я, вздохнув, посмотрел на Лену и понял, что посвящать его в дела она не собирается, из вредности конечно. Казанцев кивнул:

— Понятно, доброхоты без тебя нашлись, бошки им что ль открутить...

— Как ты мог! — бросила ему Лена — Мама тоже не в курсе?

— Мать знает. Замуж за меня выходила, знала за кого идет.

Лена побледнела.

— Так вы в сговоре? Какого черта вы от меня скрывали? — потом махнула рукой и добавила — Хотя я сама не лучше, за столько лет могла бы заподозрить, поинтересоваться...

— Не причем ты тут, — бросился он ее успокаивать, — Мне Иринка когда сказала, что тобой беременна, я сразу решил, что ничего ты знать не будешь. Будешь жить и в масле кататься. Мы тогда еще решили, что ничего тебе не скажем. И другим я запретил тебе даже намекать, иначе головы быстро полетят... Не хотел я посвящать тебя во всю эту грязь, раз сам по глупости в ней измазался по уши.

— Папа, — простонала Лена, — Да ты от меня жизнь скрывал, приукрашивал. Я в розовых очках ходила, пока с Антоном не встретила. А потом как по накатанной пошло и поехало. ... Знал ты про Тошку?

— Знал, — ответил он ей тихо. — Хотел сначала воспротивиться вашей свадьбе, а потом вспомнил себя с матерью. ... И не стал.

Ленка заметно погрузнела, а я начал злиться, потому что вспоминала она сейчас не прекрасную свадьбу, как думал ее отец, да и сам я, до недавнего времени думал также. Он заставил ее — теперь в этом сомнений нет.

Как после всего этого она могла влюбиться в своего мужа?

— Папа, — начала Ленка, но замолчала, а потом со стоном ко мне обратилась — Ян, расскажи ему. ... Не могу я...

Я рассказал, что Сизов удумал и кого киллером поставил.

— Лен, что-то я ничего не понимаю. Он же. ... Как это? — растерялся Казанцев. — А ты-то, что с ней? — обратился он уже ко мне.

— Развелась она с ним недавно, сами ничего толком не понимаем, — ответил я ему, так как Ленка продолжала молчать. — Люблю я ее, — ответил я ему уже на второй вопрос, а Лена посмотрела на меня зло и удивленно.

— Угу, — кивнул в какой-то веселости ее отец, — Еще один. Ладно, — махнул он рукой, — Спасибо за информацию. Разберусь, — и к выходу направился.

А Лена кинулась за ним, и на руке его повисла.

— Папа, не трогай Антона, он ничего не помнит, а Сизов решил воспользоваться, чтоб мне свинью подложить, тебе, то есть. Не помнит он ничего, не знает. После ранения память начисто отшибло, сына родного не узнает. Ты лучше себя защити как-нибудь и Сизовым займись. Я сама с ним разберусь.

— Кириллка где? — грозно спросил ее отец.

— У его родственников. У двоюродной сестры.

— Адрес дай, скажу, чтоб забрали и понадежнее спрятали. Не вой, — сказал он ей, видя, что слезы из глаз так и брызнули, — Отправлю вместе с матерью, чтоб тебе спокойней было. С Антоном ты разберись, — сказал он уже мне, отцепил Ленку от руки и ушел.

Ленка носом шмыгнула и на меня уставилась.

— Собирайся, поедем Антона искать.

От имени ее благоверного меня слегка передернуло в очередной раз, но отпускать ее одну я вовсе не желал, поэтому через полчаса мы уже ехали в направлении ресторана, где Антон был завсегдатаем в последнее время. Я сказал ей посидеть в машине, делать этого

она, естественно, не желала. Посмотрел на нее я так, что осталась она сидеть на месте. Честно говоря, не ожидал я от нее такого послушания, и заподозрил, что с Синицей видеться она боится. Боится, что Синица подтвердит ее догадки.

Спокойным шагом я зашел в ресторан. Там сидела вся его компания, но Антона среди них не было. Я поздоровался с парнями и начал выпрашивать. Через непродолжительное время я узнал, что Антон дня три назад как пропал, друзьям не звонил и не объявлялся. А Маугли как-то противненько мне намекнул:

— Схоронился Синица где-то. Переживает он из-за своей бабы. Или уже твоей?

В ответ я ухмыльнулся и распрощался. Вернувшись в машину, я нехотя пересказал все Ленке.

— И что теперь делать? — всплеснула она руками, и взгляд такой безнадежный стал, что мне захотелось прижать ее и отгородить от всех мыслимых и не мыслимых бед.

— Тебе домой ехать, спать, а я поищу.

— Я с тобой поеду, — чему-то испугалась она.

— За ублюдка своего боишься? Думаешь, укокошу его, когда найду?

Глаза ее стали печальными и слезами заволокли, но я ничего с собой поделать не мог, такая меня злость взяла.

— Зачем ты так, Ян? — тихо спросила она меня, а я вздохнул и повез ее домой.

Привез я ее, когда на улице светало. А сам вернулся в машину и начал думать, где Синица спрятаться мог. Как назло, ничего путевого на ум не приходило. К ребятам обращаться не было смысла, Сизову донесут быстро, и в лучшем случае он все переиграет. Встал ему Казанцев поперек горла уже давно.

Нужно бы встретиться с Владом, но как это сделать так, чтоб Сизов не пронюхал — ума не приложу. Но рискнуть стоит. Влад точно владеет информацией, да и был шанс, что на Влада Сизов особого внимания не обратил и слежки не приставил. Была у лучшего друга Синицы такая полезная особенность — быть незаметным и не представлять с виду опасности.

Было ранее утро, подходящее время для посещения клиники, где работал Леший. Даже если и приставлена слежка, то в такое время бдительность падает, человек расслабляется и становится невнимательным. Знал я это из собственного опыта. Ехал я окольными путями, с выключенными фарами. К клинике подъехал со стороны глухой стены, заглушил двигатель и, как можно незаметнее, прокрался к входу. Охраны здесь отродясь не было, а зря. Лежали здесь, лечились и умирали такие люди, что страшно имена произносить — сплошь криминальные авторитеты, портреты коих висели на стендах «Их разыскивает милиция». Но больница эта имела статус нейтральной стороны и крышевалась очень высокопоставленными чиновниками, понятное дело, нечистыми на руку и связанными с криминальным миром. Потому ни милицейских рейдов, ни разборок по понятиям здесь не было и быть не могло.

Влада я нашел в собственном кабинете, мирно посапывающего после очередного ночного дежурства. Тихо подойдя к нему, я накрыл ладонью его рот, чтобы не заорал от неожиданности, другой рукой приложил палец к губам, для пущей убедительности. Как и следовало ожидать, проснулся он резко, дернулся, разглядел меня и кивком головы дал понять, что шума не будет.

— Где Синица? — почти что шёпотом спросил я.

— Я не ждал тебя так рано, но ты молодец, сообразил, — ответил мне Леший.

Я тяжело вздохнул, уже ничему не удивляясь.

— Исходя из твоего ответа — Синица хочет, чтобы я его нашел?

Влад кивнул, схватил бумагу с ручкой и быстро набросал мне схему, где искать Антона. Я взял бумажку и молча удалился. Также незаметно вышел из клиники, сел в машину и уехал.

Место, которое указал мне Влад, было мне знакомо — глухой, заброшенный лесной массив, со старым полуразрушенным домиком лесника. Домик как домик, только находился он в такой глуши, что не знающий человек с картой искать будет, не найдет. Местность болотистая, живые люди в пятьдесят километров отсюда. Деревенские, что как раз за пятьдесят километров жили, считали это место проклятым. Люди там пропадали чаще, чем в бермудском треугольнике. Как раз место для бандитов и беглых уголовников. Находилось это место в сто километров от родного города Ленки. Вот туда я и направился.

Приехал уже поздним утром, машину неподалеку оставил. Дальше к дому вела узкая тропинка, так что ехать на машине невозможно. Суеверным я не был, но поежился. Место действительно жуть. Пока ехал солнце светило вовсю. А как в лес заехал, так хоть фонарик включай. Подкрался я к дому, уже изрядно обветшалому, тихо и начал вслушиваться. Антон был там, и пьяным голосом с кем-то разговаривал, так как другого голоса я не слышал, то предположил, что разговаривает он по телефону. Интересно, место проклятое, да в глуши, а чудо-техника работает.

— Не ори, — услышал я злобный рык Синицы, — Сказал, выполню заказ, значит выполню! — минутная тишина и:

— Заходи, раз пришел, — крикнул Синица, и я поднялся в дом, не удивляясь приглашению.

— Здорово, — сказал ему я, но руки не протянул.

— Зачем искал? — спросил меня он спокойно, но меня не проведешь — видеть он меня хотел меньше всего, а вернее видеть мертвым.

— Ты мне ребусы не загадывай. Влада ты попросил позвонить? Так что выкладывай, зачем я тебе понадобился.

Он кивнул, соглашаясь.

— Значит, про заказ слышал.

— Слышал, да не я один. Ленка тоже знает.

— Как она?

— Жива. Ты ж вроде память потерял? — я усмехнулся. Оно теперь понятно, что это все фарс чистой воды.

— Что делать будем? — проигнорировав мой вопрос, спросил он. — Казанцева шлепнуть в угоду Сизову я не хочу, не простит она мне этого никогда.

— Она и так тебя не простит, — буркнул я, — Мало, что ль ты ей плохого сделал...

— Не тебе решать, — бросил он мне, — Ошибся я, когда решил твоего хозяина поддержать в переделе власти. Зверь он и отморозок, раз в мою семью раскол решил внести. Долго он со мной дружбу водил, да в глаза заглядывал, черт старый. Я-то дурак, поначалу решил, что связи ему мои нужны, люди, которых у него нет. А когда я понял в чем дело, что Ленка ему нужна, как прямая наследница Казанцева, как доступ к нему, то поздно было, к стенке он меня припер...Повязан был с головы до ног...я начал бояться за них, за нее и Кира. Сизов на все пойдет, чтоб свое получить, вот и пришлось перед всеми спектакль играть...Хоть и понимаю теперь, что без толку — из-за меня ее не тронут, зато из-за отца

могут...

— А мне, значит, доверяешь? — ухмыльнулся я.

Антон посмотрел на меня зло и сказал:

— Это, смотря в чем. То, что ты вреда ей не причинишь и от неприятностей оградишь, в это я верю, а в остальном тебе веры никакой.

— Одного, Синица, понять не могу, — начал я, — Ты был женат на дочери крупного конкурента Сизова, почему поддержал не ту сторону?

Видно было, что этот вопрос ему поперек горла встал.

— Заартачился я, гордость взяла. Казанцев как-то раз мне сказал, что женился я на его дочке из-за большой любви к власти, которую он мне может дать, а потом так противно намекнул, что даст, лишь бы его дочь была счастлива. А я ведь действительно познакомился с ней случайно и первое время, когда услышал ее фамилию, был уверен, что они просто однофамильцы.

— И решил ты ему доказать, что не власть тебе нужна, а она, и переметнулся на другую сторону, — закончил я за него. — Глупо.

Антон тяжело вздохнул, достал откуда-то взявшуюся бутылку водки, и налил себе.

— Ничего теперь не исправишь. И ведь угораздил меня черт влюбиться в эту пигалицу, так что и дня прожить без нее не могу... А что в ней такого... рост средний, нос пипкой, ноги, правда, красивые...

Я молча слушал излияния Антона. Слушал и понимал, что игру, которую он затеял с самого начала, его же и погубила, или погубит, в ближайшем времени.

— А Кирилл как? — спросил он меня.

— В норме, Казанцев его забрать хочет от твоих.

Антон посмотрел на меня внимательно, кивнул, в знак согласия, а я удивился, ну неужели изменился? Спокойным стал, не таким бешеным, как раньше.

— Что делать думаешь? — спросил я его, хотя и не рассчитывал на прямой ответ. Не знал его ни я, ни Синица.

— Заказ выполнять, — ответил он, и зло на меня посмотрел. — Или у тебя есть другие дельные предложения?

— То, что ТЕБЯ киллером он поставил, это понятно, из подлости, любитель эффектов. Но не уж-то не знал, что ты проговоришься?

— А вот он меня и проверяет, — зло и устало сказал Антон, — Что мне дороже баба или собственная жизнь... В игры он так играет, ушлепок.

Меня передернуло от отвращения, потому что я понял, что Антон прав. Для Сизова все игрушки, развлечения... Больше развлечений любит он только деньги. Но сейчас, на риск пошел... Если люди повыше его узнают, что он без их ведома Казанцева заказал, то слетит он со своего насиженного места, это как минимум. И все ради чего? Ради чего этот глупый передел власти? Просто скучно стало или маразм уже у старого вора?

— Тогда у тебя только один выход. Убить Сизова, — спокойно сказал ему я.

Он вроде бы удивился, посмотрел на меня долгим взглядом и спросил:

— Ты же вроде его правая рука?

— Ага. Или левая нога, — я улыбался, мне даже стало смешно. — Может, я его место хочу занять? А может, я, как и ты мужиков на бабу променял...

Я развернулся и пошел к выходу, а напоследок сказал ему:

— Решай, Синица, убережешь Сизова, многие уважаемые люди тебе спасибо скажут, а уж

Казанцев тем более. Уберешь Казанцева, в городе муть начнется, для всех. Сизов не подходящая кандидатура для того, чтобы город держать.

— Ей ничего не говори... не нашел ты меня.

Дома я появился только вечером. Ленка хмуро бродила по дому и со мной не разговаривала. Почти. Только задала один вопрос.

— Нашел?

— Нет.

На этом наше общение закончилось. Сейчас нужно было ждать. В какую сторону весы фортуны склонятся никому не известно. Синица загнан в угол, а у Казанцева власть. А с другой стороны, зверя, загнанного в угол, стоит бояться, да и пуля — дура не выбирает она ни сильных, ни слабых.

Единственное в пользу Антона говорило только то, что Сизов играл не по правилам. Решил прыгнуть выше своей головы, и настоящий хозяин этой игры ему эту самую голову то и оторвет. Если узнает.

Ох, как мне не хочется помогать Синице, но... Я набрал номер телефона. За несколько лет работы на Сизова, я узнал кто на самом деле является хозяином положения и откуда деньги текут в казну Сизова, лишь немногие знали, что Сизов всего лишь на всего ставленник.

— Слушаю, — произнесли на том конце трубки.

— Это Стрелок. У меня важная информация.

— Говори.

— Сизов решил по-своему передел устроить. Киллера нанял, чтобы Казанцева убрать.

— У тебя какой интерес?

— Его дочь, будет моей женой в скором времени.

— Ясно, проверим. Отбой.

Если все пойдет ровно, то Сизову придется не сладко. Если нет, то несладко придется мне. О том, что Казанцев является партнером того, кому я сейчас звонил, не знал даже Сизов. И знать не должен. Кто бы знал, как осточертели мне эти игры.

— Ты устал, — услышал я голос Ленки. — Есть хочешь?

Я улыбнулся ей и прошел на кухню. За столом мы практически не разговаривали, перекинулись парой не значащих фраз. Я ел, смотрел на нее и думал. Что она сделает, если узнает, что половина из того, что я ей говорю — ложь? А вторая половина — недосказанная правда?

Я все-таки любил ее. Глупо, но не безнадежно. ... Сейчас, когда Антона нет рядом с ней, она вроде бы оттаяла и больше не грустит. Хотя тут кое — что похуже — ее отец. А я понимал, что загнал сам себя в угол: она сидит напротив меня такая красивая. И я как никогда прежде хочу ее.

Черт, нужно подумать о другом, о чем угодно — лишь бы отвлечься! Я начал думать о Синице, о Казанцеве, но это не помогло. Встал, взял ключи и ушел. Эту ночь я твердо решил провести в машине. Глупо, просто глупо надеяться на то, что она ответит мне. Любила ли она его или просто выдумала это? Все хватит! Не думать. Спать.

— Ян! Ян, что это такое?

— Где? — спросонья спросил я и поморщился, конечно, при моем роде занятий мне не привыкать спать в машине, но все же неудобно. Я открыл один глаз. Ленка стояла возле меня и чуть ли не пританцовывала от негодования.

— Нет, вы посмотрите на него! Ты чего в машине спишь?

Я открыл второй глаз и ухмыльнулся.

— Еще и скалиться! А ну марш домой! Волнуйся тут из-за него... — бормотала она себе под нос.

— Что ж ты так разволновалась то, голуба моя? — слащавым голосом спросил я у нее. — Али нравлюсь?

— Пошел к черту! Спи, где хочешь! — рывкнула она и убежала в дом.

Меня это развеселило, и дало надежду. Я закрыл машину и поднялся следом за ней. Если среди ночи она пришла ко мне, волнуясь, что я сплю в машине, то может не все потеряно?

Ленка уже легла и накрылась одеялом. Я, недолго думая, отшвырнул это одеяло в дальний угол.

— Разбудила, на свою голову! — простонала она. — Вот и заботься о человеке потом.

— А ну давай рассказывай! — скомандовал я.

— Чего тебе еще?

— Все, от начала до конца, особенно меня интересует пункт как ты «любишь» своего мужа...

— Бывшего, — прошептала она и в глазах появилась такая мука, что я окрестил себя последним идиотом и недоумком. На несколько минут в комнате повисло молчание. И тут же пришла злость.

— Почему ты такая добрая? — чуть ли не зарычал я на нее. — Может ты и переспишь со мной по доброте душевной?!

— Может, и пересплю! — заорала она мне в ответ. — А то смотреть на тебя тошно, ходишь и облизываешься, точно кот.

Смотрела она на меня с вызовом, но стоило мне сделать шаг в ее сторону, как она испуганно отшатнулась. Нельзя так открыто приглашать, когда я весь вечер мучаюсь с желанием.

— Нет!

— Думай, что говоришь, — прошипел я, — А то в один прекрасный момент, я приму это всерьез.

Я снова ушел. Как же меня это достало! Ее скрытность, ее зависимость от Сеницы, иначе я это не назову, ее нежелание видеть элементарные вещи, в конце концов!

— Ян, прости... — она стояла позади меня. Я со стоном обернулся.

Мы стояли и смотрели друг на друга, а потом я подошел и обнял ее.

Почему мы не вместе? Почему несколько лет назад мы упустили свой шанс?

Почему-то я был уверен, она не любила его. Только как сделать так, чтобы она это поняла? Или поверила в это.

Утро застало меня врасплох. Телефон, опять этот чертов телефон! И Ленка, опять стремглав бросилась к нему. На этот раз я поднялся одним рывком, и, оказавшись на кухне, включил громкую связь.

— Стрелок, — раздался голос Антона, — Позови ее, я знаю, она рядом с тобой.

Ленка ахнула, а я поставил его в известность:

— Говори у нас громкая связь.

— У нас... — проскрипел его голос. — Ты всегда хотела быть с ним, да? Так вот маленькая, доверчивая дурочка, я не потерял память, и ему об этом известно...ему многое,

что известно, ведь он знал, про твоего отца.

Мразь! — подумал я и даже брезгливо поморщился...

— Ты тоже знал, — голос был бесстрастен, но в отличие от Антона я видел, как она сильно побледнела.

— Да. Но я не знал еще кое-какой информации...

— Говори, — приказала она.

— А ты у него спроси, — весело предложил Синица.

Ленка подозрительно на меня посмотрела, а потом сказала:

— Спрошу... Только что значит твое поведение мне не понятно, да я в принципе уже и не хочу понимать... Но сын по тебе скучает.

Я буквально слышал, как на том конце Антон заскрежетал зубами.

— Когда все это кончиться я приеду за вами...

— Не трудись, — ответила ему Ленка и положила трубку. С минуту она молчала. А потом залепила мне пощечину.

Я, надо сказать, опешил от такой наглости, а она бросила мне в лицо обвинение:

— Ты тут сказки мне поешь о честности, о том, что я такая рассекая, вру на каждом шагу, а ты мальчик паинька.

— Ты ему веришь? — нашелся я.

— Что происходит?! — заорала она на меня.

Приехали... Я начал злиться, и это не ускользнуло от ее взгляда.

— Нервничаешь? — спросила она меня и вопросительно бровь приподняла.

— Детка, тебе не кажется, что не стоит лезть в мои дела? Крутая что ли? Приключений на задницу захотелось? Не наигралась еще? То-то я смотрю, замуж за бандита выскочила, а он от большой любви, не иначе, дружкам тебя кинуть решил, то ли для своего развлечения, то ли для твоего... — меня понесло, далеко и так, что остановиться я уже не мог — Откуда знаю? Говоришь много во сне. ... Так вот, если ты хочешь поиграть, играй дорогая, только определись: кто из нас двоих тебе нужен! Не красиво двумя мужиками крутить. Надеюсь, знаешь, как мы таких называем?

Если цвет ее лица до этого был бледным, то теперь он стал серого оттенка.

— Урод! — вскинулась она, — Вы все кучка уродов! Для моего развлечения?!? Тебе бы такое развлечение, сукин сын! — и тут ее затрясло, она обхватила себя руками, глаза как пеленой заволокли..., и я понял, что переборщил. До конца в то, что ей сказал я, конечно, не верил, но сомнения были. Ее реакция мне подтвердила то, что я ошибся, даже больше.

Она попыталась взять себя в руки и решительно начала меня отпихивать от выхода из кухни. Я стоял и даже не собирался ей помогать в этом.

— Пора заканчивать эту комедию, — произнес я, схватил ее за руки, прижал к себе и поцеловал.

Она сопротивлялась отчаянно. Так отчаянно, что я только уверился в том, что она равнодушна ко мне. Равнодушная женщина так не сопротивляется. Она не забыла меня.

Когда я отпустил ее, на моих губах блуждала улыбка. Лена немного раскраснелась и глубоко дышала.

Эта девчонка не разговаривает со мной уже два дня. А между тем помочь ей некому, кроме меня. Она, конечно, может пойти к отцу, но в данный момент с ним не безопаснее, чем в море полном акулами на резиновой лодке. После того поцелуя она закрылась в себе. Возможно, я дал ей пищу для размышлений, а возможно и нет. Молчит и смотрит на меня

затравленно, как будто я ее враг. Девочка моя, наверное, я твой единственный друг.

Антон больше не звонил. Зато звонил Казанцев. Хорошо, что она не слышала нашего разговора, иначе бы узнала, что первая попытка убить его уже была. В Казанцева стреляли и, благодаря какому-то чуду, в этот момент его кто-то окликнул, в результате попали только в плечо.

Говорят на эту тему много. И она все равно узнает, Казанцев известный бизнесмен. Оставалось надеяться, что в другом городе местные каналы будут транслировать репортаж, не выходя за областной масштаб.

Зря надеялся. Ленка вышла из ванны так же молча, прошла в свою спальню и включила телевизор. Я должен быть с ней, когда она об этом узнает. Первые несколько минут она монотонно щелкала каналы, я стоял позади нее. Сериал, российские вести, мультики...и областной канал:

— Вчера в 23:30, возле ресторана «Ундина» было совершенно покушение на крупного бизнесмена Казанцева Виталия Данииловича...

Она вскрикнула, побледнела и зажала рот рукой. Я моментально оказался возле нее и обнял.

— Неужели он посмел... — прошептала она.

— ... В данный момент, здоровью Казанцева Виталия Данииловича ничего не угрожает, он находится в больнице... — продолжали вещать с экрана.

— Видишь, все обошлось, — начал успокаивать я ее, — Твой отец даже не в больнице как они там говорят, он уже дома.

— Куда он попал? Киллер...

— В руку, пуля прошла на вылет, с ним все нормально. Он даже в больнице остаться не пожелал.

— Как это на него похоже... — она смотрела на меня, не мигая.

Я чертыхнулся про себя и стиснул зубы. Она была так близко, ее дыхание касалось моего лица, ее неповторимый запах сводил с ума и мешал все мысли в кучу. Вместо того, чтобы дальше успокаивать ее, я безумно ее хотел. Хотел сорвать с нее все эти тряпки и взять ее, прямо здесь и сейчас. В один миг перестал связно думать — когда она здесь, почти в моих объятьях, разгоряченная после душа. И потерянная, расстроенная, а я мудака, вместо того, чтобы отпустить и дать ей прийти в себя, я поднес руку к ее лицу и медленно очертил овал. Мне было уже наплевать, что не об этом она сейчас думает. Ни одну женщину я не желал так, как ее. Ни к одной я не относился так нежно как к ней. Ни одну я не любил, так сильно. Она вздохнула и закрыла глаза. Другого разрешения мне было не нужно. Я понимал, что бесовестно пользуюсь ее состоянием, но остановится уже не мог и не хотел.

Приблизившись к ней, я поцеловал сначала ее глаза, коснулся ее губ... От губ перешел к щеке, я чувствовал, как она дрожит, то ли от страха, то ли от желания... Я целовал ее все настойчивее, мои руки уже блуждали по ее телу. Она отвечала мне, это получалось у нее настолько чувственно, что дух захватывало.

— Мы должны остановиться... Это неправильно, — прошептала она, освобождаясь от моих поцелуев.

— Мы ничего никому не должны — внезапно осипшим голосом проговорил я, — Я люблю тебя, я скучал по тебе, я не могу забыть тебя, ту ночь...

Глухо застонав, она сама накрыла мой рот поцелуем. Я с усилием оторвал свои руки от нее, чтобы избавиться от уже ненужной одежды. В глубине души, на ее задворках, я

понимал, что она отвечает мне только потому, что хочет уйти от душевной боли. Но мне было все равно. Я просто по — эгоистически хотел получить ее, пусть даже так.

Она дрожала, безуспешно пытаясь раздеться. Я не мог больше сдерживаться, сняв с нее только ажурные трусики, я усадил ее к себе на колени и через минуту вошел в нее... Ее глаза расширились, она вцепилась в мои плечи как в последнее спасение. Я не слышал ничего вокруг, я видел только ее лицо, искривленное страстью, я чувствовал ее, ничего не было вокруг, кроме страсти к ней, сжигающей меня изнутри. Сколько раз я представлял, как беру ее снова, как тогда много лет назад. Но реальность превзошла все мои фантазии.

Взрыв, мощный, долгий сотряс меня, как — будто вдалеке я услышал, как она закричала.

Она плакала... молча, слезы просто текли...

— Я сделал тебе больно?

— Нет, мне хорошо... — она просто улыбнулась, а я рассмеялся.

Она такая милая, раскрасневшаяся и невинно-порочная. Она стеснялась и в то же время звала меня своим телом... Ни с какой другой женщиной я не чувствовал себя таким счастливым, таким полноценным. Почему именно с ней я испытал настолько мощные эмоции? Почему именно она?

Лена начала отодвигаться от меня, но я прижал ее к себе еще сильнее.

— Не уходи...

— У нас много дел, Ян...

— Мм... я тоже так думаю, — со смехом сказал я ей, направляя руки к ее груди, — Я думаю нам многое нужно наверстать...

Она все же отстранилась от меня:

— Ян, я должна узнать, где он, он стрелял в моего отца...

Я глубоко вздохнул и выпустил ее из своих объятий. Даже сейчас она думает о нем. Но как бы — то не было, она права, бездействие сейчас только усугубит ситуацию.

Через двадцать минут, после того как мы по очереди приняли душ (вместе она не захотела, жаль), мы оба сидели на кухне и пили кофе.

— Расскажи мне все, что ты знаешь, — попросила она.

— Когда ты научишься доверять мне? Я хоть раз причинил тебе боль? Если не веришь мне, то хотя бы поверь своему отцу.

— Я уже слышала, как он контролирует ситуацию, — недовольно произнесла она — Второй раз ему вряд ли так повезет.

— Хорошо, если я скажу тебе, что о замысле Сизова знают очень серьезные люди и им это не нравится, ты успокоишься?

Ленка встала, и начала нервно ходить по кухне.

— Я успокоюсь после того, как ты мне все расскажешь.

Господи, ну откуда такая маниакальная упорность залезть глубже во все это дерьмо!

Зазвонил телефон, и я поспешил взять трубку.

— Это Казанцев. Антон назначил мне встречу, я согласился, но хочу, чтобы ты присутствовал, посмотрел, что к чему, мне звонили, сказали, что ты в курсе дел.

— Хорошо.

— В 23:00, клуб «Азалия».

— Я буду.

Все время пока я разговаривал, Ленка настороженно присматривалась ко мне, сиясь

угадать, с кем я разговариваю и о чем. И естественно, как только я положил трубку, вопросы посыпались на меня как из рога изобилия. Я не собирался отвечать, и, отделавшись кратким «это касается только меня», ушел к себе в комнату. Время до одиннадцати было предостаточно, чтобы подготовиться и подумать. Для чего нужно было присутствовать на встрече, я понял. Если Сеница сделает попытку убрать Казанцева, я должен буду убрать его. Только поставленная задача мне не очень нравилась. Встречу назначил Антон, значит ли это, что он сделал выбор в сторону Сизова? В Казанцева стреляли и не у кого не возникает сомнений кто. Если это попытка исправить неудачу, то она очень глупая. Не проще ли повторить попытку, сидя, где-нибудь, на крыше и не подвергая себя опасности? Если только Сеница не хочет убить одним выстрелом сразу двух зайцев.

От мысли, пришедшей мне в голову, я недобро засмеялся, и на этом успокоился. Что ж теперь картина более ясна, и мне перед встречей не мешало бы вздремнуть, чем я и занялся.

В девять вечера я проснулся, поклонился по дому, наблюдая за обиженной на мое молчание Ленкой, выпил крепкий кофе, и пол одиннадцатого прыгнул в машину. Вечер выдался прохладным и безлюдным. Это радовало, но мучило меня предчувствие чего-то плохого. Предчувствию своему я привык доверять, оно не раз спасало мне жизнь там, в Чечне.

...Обстрел не прекращался несколько часов. После этого наше подразделение, форсировав небольшую речушку, вышло на западную окраину Аргуна. На ночь заблокировали северо-западную часть Аргуна, включая населенный пункт Мескер-Юрт. С утра штурмовые группы отрядов вошли в город.

Сопrotивления практически не было. Боевики, попав под мощный артиллерийский залп, покинули город. Однако не все боевики вышли из Аргуна. Некоторые, уйдя из-под огня артиллерии, наносившей основной удар по целям на окраинах города, отошли к центру. Вот там и встретили смерть больше половины ребят моего взвода...

Я встряхнулся, пытаюсь отогнать от себя ужасы войны... Да, предчувствие много раз спасало мне жизнь, и на этот раз я должен выжить, ради нее, ради нашего будущего, если оно есть...

В Азалию я вошел ровно в одиннадцать, меня проводили в VIP кабинет, где уже был Казанцев. Он молча кивнул мне и указал на стул. Не успел я присесть, как явился Сеница. Затравленный взгляд, многодневная небритость и синяки под глазами говорили о многом. Лично мне они говорили о том, что Сизов изрядно его погонял за эти дни.

— Ну, здравствуй, зятек, — ехидно изрек Казанцев, закуривая сигарету.

Антон вздрогнул, но посмотрел внимательно и глаза не отвел.

— И тебе здравствуй.

— Зачем звал? — холодно глядя на Антона, спросил Казанцев.

— А этот здесь зачем? — указал Сеница на меня, а я ухмыльнулся.

— Пошли, выйдем во внутренний двор, зачем людям мебель портить.

Похоже на вопросы, которые они друг другу задавали отвечать ни один, ни другой не собирался. Мы молча поднялись и вышли во внутренний двор клуба. Стены и забор прятали все от посторонних глаз. Мы встали друг против друга, я поближе к Казанцеву, как от стены отделился силуэт и направился к нам.

— Не хорошо, Ян, ты поступаешь, — глаза Сизова блестели, и голос был тихим, — Ради девки, нашу дружбу предал.

Первым пистолет вскинул Казанцев и направил его на Антона, Антон не остался в

долгу, и через секунду холодное дуло пистолета смотрело на Казанцева. Я в свою очередь взял на мушку Сизова. Все как в плохом кино и конец будет таким же дерьмовым.

— Хороший вечерок получается, — недобро хохотнул Казанцев.

И тут черт принес ее. Как же я не заметил, что она следит за мной?

Сзади хлопнула дверь и Ленка с диким визгом устремилась к нам.

Я рванул к ней, напрочь забыв о том, что Сизов держит меня на мушке. ... Прогремел первый выстрел, потом второй...

Антон стоял бледный и пошатывался, рана в боку кровоточила сильно, даже в темноте было видно. А под его ногами валялось тело Сизова. Сизов был убит пулей в лоб. И взирал на это все неодобрительно, но удивленно Казанцев. Все стало на свои места — Антон сделал правильный выбор, убив конкурента тестя.

Ленка притихла и тоже молча смотрела на все происходящее. На какой-то момент повисла тишина. Первым очнулся Казанцев:

— Убирайтесь отсюда, мои ребята здесь приберут.

Я потащил Ленку к выходу, но она вырвалась и медленно, в каком-то полутрансе подошла к Антону.

— Как ты? — тихо и испуганно спросила она.

Он повернулся к ней, как-то странно и ошалело посмотрел на нее и ничего не ответил. Ленка всхлипнула, обняла его и разревелась.

— Прости меня...

В груди ухнуло сердце и опустилось вниз. ... Она тоже сделала свой выбор и теперь точно сама. Я молча развернулся и вышел из внутреннего двора клуба. Как во сне я сел в машину, и на бешеной скорости уехал. Все бессмысленно. Идиот, размечтался, поверил. Кому? Женщине, которая правду говорит только в порядке исключения?

Только где-то на окраине города я пришел в себя. Из темноты выплыла фигура.

— Эй, парень, хочешь развлечься? — проститутка призывно качнула бедрами, а я посмотрел на нее и вздрогнул — мистика или бред воспаленного мозга, но ночная бабочка напоминала мне ее...

— Как зовут? — услышал я будто не свой голос.

— А какое имя тебе нравится?

— Лена.

— Значит, Лена, — сказала она и прыгнула ко мне в машину.

Я недобро улыбнулся и рванул машину с места. Я знал, что я буду делать этой ночью и на ком вымещу свою боль и злость.

Глава 5. Без права выбора

«Свобода, оказывается, лишь в том, чтобы выбрать тупик по вкусу...»

Оскар Бозций

Каждый день, час, минуту мы делаем свой выбор. Какое платье купить, куда поехать на отдых, что приготовить на ужин, как поступить в определенной ситуации, к которой жизнь тебя не готовила. Каждый раз мы думаем, что выбираем и это и есть наша свобода.

Но что, если свободы выбора не существует? И мы вынуждены выбирать из того ассортимента, что предлагает нам жизнь? И этот мнимый выбор на самом деле только лучшее из зол. Платье все равно не то, что ты видела в своем воображении. Отдых только там, что предлагают туроператоры. Ужин только из тех продуктов, что есть в наличии. И только один единственно возможный вариант выбора как поступить, если твой любимый человек истекает кровью. Даже если он тебя предал.

Я стояла и вглядывалась в лицо Антона, оно было какое-то потерянное и чужое. Сзади меня прокашлял мой отец, и только тогда я сообразила, что нет Яна

— Где Ян? — спросила я отца, не отходя от Антона.

— Ты бы разобралась со своими мужиками, — недовольно ответил мне отец. — Ушел, вернее сказать унесся, только пятки сверкали. Валите-ка вы отсюда.

До меня начало доходить, что мы все еще на том злополучном дворе, и возле ног Антона лежит труп. Я побледнела и схватилась за Антона. Антон покачнулся и едва не упал на меня, но удержался. На руках я почувствовала что-то липкое и не без ужаса заметила, что это кровь.

— Тошка, тебе в больницу надо, — прошептала я. Антон взглянул на меня мутно и головой покачал.

— К Владу, не в городскую же я тебя посылаю, — проявила я терпение.

Антон ухмыльнулся как-то не по-доброму, а отец мне пояснил:

— Вот что, уедете к бабке Тамаре в деревню, нельзя вам сейчас ни к Владу, ни к кому бы то ни было. Дам машину и сейчас же уезжайте. Сам вести сможешь? — обратился он уже к Антону, а тот кивнул.

— Пап, ты с ума сошел! Какой ему водить?

— Ты же не умеешь. Не бойся, перетянем рану бинтами и жгутом, там, в машине аптечка у меня где-то обезболивающее было, пойдя, поищи.

Я рванулась к его машине, стараясь пройти окольными путями, и так чтобы никто не увидел.

Через пять минут я уже была на месте и пыталась вспомнить, как же перевязывать огнестрельную рану, если учесть, что раньше этим я не занималась, то вспоминать было нечего.

— Давай сюда, — вздохнул отец, видя мои страдания, и подошел к Антону.

Через две минуты отец удовлетворенно смотрел на свою работу.

— Заживет как на собаке, пуля на вылет прошла.

Антон скрежетал зубами и оттенка был не лучше, чем у покойников.

— Господи, да как же он поедет-то... — запричитала я и замолчала впервые за это время, услышав голос Антона:

— Садись в машину, — спокойный такой голос, я бы сказала мертвый. Я чертыхнулась про себя за повторное сравнение, никак вид ранее живого Сизова на меня такое впечатление произвел. И пошла к машине.

Вот теперь мне стоит подумать. Что случилось, и что я такого натворила.

Подумать мне было над чем. С Антоном мы разведены и точка. За все это время пока он бегал и стрелял в плохих дяденек, у меня выработался стойкий рефлекс — не хочу такой жизни. Оттого и Ян виделся не с лучшей стороны. Я совсем и окончательно запуталась. Жалела ли я о том, что случилось между мной и Яном? Испытывала ли чувство вины перед Антоном? Нет. То ли чувства за время жизни с Антоном атрофировались, то ли я стала развращенной дрянью. Но врать себе не имело смысла. Когда-то давно, еще на заре юношеских мечтаний, я хотела, чтобы у меня был единственный мужчина на всю жизнь. И, как обычно случается, детские мечты насмерть разбились о скалы реальной жизни. Приходилось признаться себе в том, что к Яну я равнодушна.

И вдруг меня как током ударило: Ян подумал, что я вернулась к Антону! От этой мысли мне сделалось дурно, вернее, от осознания того, как должно быть хреново сейчас Яну. Я ведь просила прощение у Антона за то, что заставила его выбирать, за то, что у него теперь будут проблемы, а не за.... О, Господи! Мне срочно нужен был телефон! Я уже сидела в машине и лазила по бардачку, когда на водительское сиденье осторожно опустился Антон.

— Чего ищешь?

— Телефон, мне нужен телефон... — срывающимся голосом пробормотала я.

— Нет его, а если полюбовничку своему звонить собралась, то напрасно трудишься, — ухмыльнулся он, — Вряд ли он ответит, после того, как ты ко мне кинулась.

— Да какое ты имеешь право...

— Я имею все права! — заорал он.

— Мы разведены, не забыл? — не без ехидства заметила я.

— А мне все равно. Ты моя. И делить я тебя ни с кем не собираюсь, — побледнел он сильно, так сильно, что я сочла нужным заткнуться и не спорить с ним. Вот поставлю его на ноги, тогда мы поговорим, по душам. На чистоту.

— Говори куда ехать, — тихим голосом произнес он.

Бабка Тамара жила далеко, в другой области, и путь к ней был не близок, оттого я всерьез переживала — доедем мы до нее или нет. Ее я помнила еще с детства, была она сестрой отца, но так как старше его на 15 лет была, то и звала я ее бабкой. Лет до десяти я часто ездила к ней, и вообще деревенская жизнь производила на меня благотворное действие. А помимо всего прочего была она приветлива и знала она чудотворное действие трав, за что на деревне ее знахаркой прозвали. Ох, доехать бы только...

Я тоскливо посмотрела на Антона: он рулил, вцепившись в руль так, что костяшки пальцев побелели.

— Может еще обезболивающего? — спросила я.

— Не надо пока, — сквозь зубы протянул он, и со свистом втянул в себя воздух.

Я опять замолчала. Страшно мне было до жути. За себя, за сына, которого я не видела уже, бог знает сколько, за Антона и за Яна. За Яна я переживала особенно. За те дни, что он был рядом со мной, он стал мне близок, настолько близок, что я даже не удивилась, почувствовав к нему влечение. Но одно дело делить с ним постель, и совсем другое жить. Он такой же, как и Антон. Вернее, его род занятий. Я не хочу больше подвергать опасности сына, себя. И даже если мой отец оказался таким как они, то и от него я вполне могу

отказаться. Уехать далеко и начать все заново, с чистого листа. Должен же быть где-то другой мир, без разборок, стрелок и блатного жаргона.

Я тяжело вздохнула и покосилась на Антона. Оставался другой вопрос: а кто меня отпустит? Отец отпустит, потому что сам все понимает, Ян... Ян теперь думает, что я последняя сволочь... и если я хочу начать новую жизнь, нужно ли мне его разуверять в этом? Антон — самая главная проблема. Он убил Сизова и нажил себе врагов из-за меня и сына. Стойко быть сволочью и уверять Антона, что я не его люблю, а Яна? К чему это приведет? Да и я не могла бы дать сейчас точный ответ как я к ним обоим сейчас отношусь. Вот вляпалась-то!

Я в очередной раз тяжело вздохнула, а Антон притормозил машину у обочины. Повернулся ко мне и противно так пропел:

— По любовнику своему вздыхаешь? А я вот по тебе соскучился, — и на меня глядит злющими глазами. Понятно конечно, что достала я мужика вздохами, но издеваться то зачем?

— А я нет, — буркнула я и отвернулась.

Антон хмыкнул и тронулся с места, а я решила, что пронесло и со вздохами поостереглась. Нечего его раздражать. А то, чего доброго, пришибет где-нибудь по дороге.

За окном светало, а Антон все рулил, вперив свой взгляд прямо на дорогу. Если бы у меня была огнестрельная рана, я бы так не держалась...

— Не первый раз, — сказал Антон, по всей видимости, увидев мой заинтересованный взгляд. — Да, не дрожи ты так, жить буду.

Я так ничего и не ответила, а он продолжил:

— Почему у нас так все получилось? Ты как чужая мне сидишь...

— Ты сам знаешь ответ, — отрезала я, — Ты бегаешь где-то, стреляешь, прогоняешь меня и сына, а потом спрашиваешь «почему»?

— Лена, — терпеливо начал объяснять он, — Это было сделано только ради вашего блага...

— Я даже слушать ничего не хочу! Избавь меня от своей бандитской романтики!

Он замолчал, я только собралась облегченно вздохнуть, как тут же передумала. Да-а... И как дальше будет протекать наше совместное пребывание у бабки Тамары? Понятно, что мы едем не на курорт, и можем пробыть там энное количество времени. Спасибо, папочка, удружил.

— Господи, как же я соскучилась по Кириллу! — вслух произнесла я, а Антон виновато на меня посмотрел. Так тебе и надо, помучайся, придурок.

К бабке Тамаре мы приехали через два дня. Попутно Антон все-таки останавливался на недолгий отдых в несколько часов, а я перевязывала ему рану, стараясь особо не вглядываться, иначе бы грохнулась в обморок. Дом у нее был добротный и выделялся на всю деревню, стараниями моего отца. Деревянный сруб ценился даже сейчас. Хоть и предлагал мой отец провести в дом воду, но бабка Тамара от благ цивилизации отказалась.

Она приветливо нас встретила, даже не удивилась, и прямым разглядыв в Антоне тяжелобольного, сопровождала его в специально отведенную комнату. Видать не первый раз она раненных принимает. Я не стала вдаваться в подробности.

— Вам в одной комнате стелить? — весело спросила она.

— Нет! — испуганно крикнула я, а Антон хмыкнул.

— Да ты милоч, не расстраивайся на ее слова, тебе все равно пока ничего нельзя, —

зачем-то добавила она, на что Антон весело гукнул и скрылся в своей комнате.

— Весело ему... — проворчала я, пройдя на кухню.

На кухне у бабушки Тамары было уютно и спокойно и напоминало мне детство. Ничего не изменилось. Такой же добротный стол, табуретки вместо стульев, старый сталинских времен шкаф, и благоухание разнообразных трав, вывешенных по всей кухне на веревочках.

Мы сидели, пили чай с травами, и меня разморило. Я вяло вслушивалась в рассказ бабушки Тамары о картошке, которая никак не зацветет, о красавице моркови и прочих овощах в огороде. В результате, я чуть ли не уснула за столом. Бабушка Тамара постелила мне в комнате, где я спала в детстве, благо комнат у нее было пять штук. Не дом, а хоромы. Старая пружинистая кровать с железными ножками, которая нещадно скрипела, и огромный пуховой матрас с белоснежным бельем. Ложишься и как в облаке. Вот в такой красоте я и уснула.

— А ну, вставай! — злой голос Антона разбудил меня неожиданно и резко.

Я уставилась на него ничего не понимающим взглядом. — Пошли в сад, поговорить надо.

Я вынырнула из-под одеяла, нацепила халат и неохотно поплелась за ним, шел он бодро и выглядел нервным. В глубине бабушкиного сада, где росла преимущественно сирень, он остановился и посмотрел на меня растерянным взглядом.

— Почему ты ничего мне не сказала? — голос у него был обреченный, что совсем не вязалось с его воинственным взглядом. Я же мучилась в догадках: чего ему от меня надо и что такого я забыла ему рассказать?

— Не догадываешься, о чем я?

— Нет, — преспокойно сказала я и даже зевнула, — Да меня теперь это мало заботит...

Его взгляд стал совсем потерянным, и он почему-то совсем тихо сказал:

— Я все забуду, и приму... Ты нужна мне...

— Боже, да, о чем ты? — я ничего не понимала, но вот это его «ты нужна мне» начало вселять в меня ужас, — Я не нужна тебе теперь. Зачем? Мой отец и так сделает для тебя все, ты спас ему жизнь...

Антон заскрежетал зубами:

— Вся жизнь испорчена из-за того, что твой отец...

— Молчи! — злобно рыкнула на него я, — Ты не лучше!

Он будто сжался изнутри, и только слепой бы не увидел, что он испытывает чувство вины. Мне на какой-то момент стало жаль его, но ничего нельзя изменить — я не хочу больше бегать, скрываться и по полгода не видеть сына.

— Ты хочешь, чтобы я попросил прощения? — он смотрел на меня пристально, а я фыркнула и отвернулась от него.

Он развернул меня к себе и тут сделал то, что я от него ну никак не ожидала! Он встал передо мной на колени и взял мои руки в свои, от удивления я не могла и слова вымолвить, я была поражена.

— Прости меня, пожалуйста... За боль, которую я тебе причинил, за то, что все так получилось, я знаю, что это из-за меня, прости, если сможешь. Вернись ко мне, любимая.

Слово «любимая» сильно резануло мне слух, я столько раз слышала его от него, и с только раз он мне обещал, что все будет хорошо, но ничем хорошим не заканчивалось...

Я вырвала свои руки и зашагала прочь, но на полпути остановилась.

— Я не держу на тебя зла, Антон.

Он уже поднялся с колен и стоял, облокотившись на сирень, которая гляди того и рухнет под его весом.

— На каком ты сроке?

— Чего???

Как по мановению волшебной палочки Антон вытащил из кармана своих брюк тест на беременность, который раньше спокойно лежал в моей сумочке.

Надо сказать, что в моей сумке был вечный кавардак, чего там только не было.

— Я знаю все, я не виню тебя, это только моя вина и это будет мой ребенок, если ты захочешь...

Я истерически рассмеялась. Боже, этот тест лежал в моей сумочке уже несколько месяцев, я даже забыла про него, а он подумал...

Антон в мгновение ока очутился около меня и яростно схватил меня за руки.

— Я смешон? Я предлагаю тебе восстановить нашу семью и принять его ребенка, а ты смеешься надо мной?

— Да, я смеюсь, — вызывающе ответила ему я, — Потому что, если бы ты удосужился посмотреть в коробку, то увидел бы, что тест не использован и спокойно лежит на месте, не пришлось бы так переживать. Наверняка он вышел из срока годности, и я просто про него забыла. Ты так плохо меня знаешь, Антон? У меня же в сумке вечный хаос!

Видно было, что он смешался и не знал, что ответить.

— Я раньше никогда не лазил по твоей сумке — растерянно произнес он, начиная хоть что-то понимать.

— А сейчас решил начать, — саркастически изрекла я, развернулась и пошла в дом.

Боже, дай мне терпения, выдержать все это: его умирающий взгляд, его чувство вины, даже его улыбку... Мне нужно порвать, бросить, чтобы мой сын не жил в том мире, где жил он, мой отец и Ян. Я так хотела, чтобы мой сын не рос в этом ужасе...

Антон чуть не сбил меня с ног, прижал к себе... Поцелуй, чувственный, и такой нежный...

— Зачем ты обманываешь себя, ты все еще любишь меня, — сказал он с хрипотцой в голосе, и глаза его такие теплые. Звали, манили, утягивали в омут... Мысленно дала себе подзатыльник.

Тяжело вздохнула, вот об этом я и говорила, ну разве он даст мне спокойно жить?

— Это ты себя обманываешь, Антон. Мы не можем быть вместе, не подвергая опасности нашего сына. И пойми ты, наконец, с тех пор как я увидела тебя там, на даче Сизова, такого чужого и холодного, что-то сломалось во мне. Я не доверяю тебе, я вообще больше никому не доверяю. Я не хочу больше бегать и скрываться, прятать сына, не видеть его. Я хочу той жизни, которую ты мне вряд ли дашь.

Он ничего не сказал, лишь отпустил меня, и я убежала в дом, в спасительное спокойствие голоса бабки Тамары с ее рассказами о неизменном огороде.

Протекали дни за днями, Антона я избегала, а он шел на поправку. Я уже начала надеяться, что мне удалось убедить его в необходимости расставания навсегда, но как оказалось, Антон не собирался оставлять меня в покое. Уж не знаю, каким таким способом ему удалось перетянуть бабушку Тамару на свою сторону, но в этот вечер она наспех засобиралась к соседке. Я, было, собралась спастись бегством к той же соседке за каким-нибудь благовидным предлогом. Но бабушка Тамара пресекла напрочь все мои старания:

— Мы хотим поболтать с ней о своем, что тебе молодой с нами старухами делать, — и

удалилась. Я покосилась на Антона, ожидая увидеть его довольное лицо, но вместо этого увидела, как он напряжен.

— Я честно пытался оставить тебя в покое, отпустить хотя бы сначала в мыслях, — сказал он, — Но у меня ничего не получается. Я даже представить себе не могу — тебя в чужих объятьях. Я знаю, что равнодушен тебе, и ты даже любишь меня, но не так, как Яна.

Я оторопела от его слов и открыла рот.

— Если я тебе сейчас скажу, что предоставлю тебе право выбора, то солгу. Я никогда не предоставлю тебе этого. Слышишь? Никогда.

Я даже сказать ничего не могла, настолько меня это поразило и вывело из себя.

— Я не буду тебя с ним делить. И ты останешься со мной.

— Да, ну? — зло бросила я.

— Если конечно, хочешь видеть своего любовника живым и здоровым.

— Ты чудовище, — прошипела я. Быть с Яном я не собиралась, но и зла ему не желала вовсе.

— Ты мне об этом уже говорила, — усмехнулся он, и я поняла, что он не лжет.

— Ян не младенец. Он боевой офицер. Не боишься, что место покойника на этот раз можешь занять ты?

— Это, наверное, твоя мечта...

— Нет, — испугалась я, — Я никогда не желала тебе смерти.

Его взгляд на мгновение потеплел, но тут же снова стал холодным.

— Станный разговор... Мы были с тобой вместе семь лет. И я знаю точно, что пять из них ты была счастлива со мной. Что случилось теперь?

— Теперь мне приходится жить у чужих людей и не видеть собственного ребенка.

— Ты знала за кого выходишь замуж.

— Ты многое забыл, Антон, — мой взгляд стал резким.

— Все никак не можешь мне простить, что заставил выйти за меня?

Но не это я видела в своих кошмарах, и ему невдомек понять, что это такое. Кошмары про троих ублюдков были моими постоянными спутниками. Мое сознание не помнило ничего из произошедшего тогда. Но подсознание выдавало мне одни и те же картинки, и я просыпалась в холодном поту, дрожащая и испуганная. Каждый раз в кошмаре они приближались ко мне, с усмешками, с пошлыми шуточками, хватали за руки. И я просыпалась. Казалось бы, ничего страшного. Но страх был такой силы, что скручивало внутренности.

Антон сильно побледнел.

— Ты ЭТО вспоминаешь?

Я закрыла лицо руками. Судорожно вздохнула и убрала руки от лица, посмотрела на него почти что больными глазами.

— Я не могу забыть, не могу...

Он вздрогнул и побледнел еще больше.

— Почему, почему ты никогда мне не говорила? Не обвинила меня ни в чем, хотя это только моя вина?

Было десять часов вечера, а бабка Тамара еще не пришла. Но мне уже было все равно. Этот разговор снова разбередил старые раны, и я тщетно пыталась отогнать явление прошлого... Меня била дрожь, и я снова и снова возвращалась туда, в подвал...

— Я не знал, насколько это тяжело для тебя, — я ощутила легкое поглаживание по

голове. Что это он меня жалеет? — Я даже не хочу и думать о том, чтобы было с тобой не отзови я свой приказ.

— После такого я предпочла бы умереть, — безжизненным голосом ответила я.

— Ты очень чувствительная, я не встречал таких, как ты, — проговорил он задумчиво, — Ян был прав...

Я подняла на него глаза. Сегодня он говорил мне такие вещи, которые я и не ожидала от него услышать.

— Ты разговаривал с Яном?

— Нет, — по его лицу пробежала грустная улыбка, когда он увидел мою реакцию, — Как-то он обронил эту фразу, тогда на даче Сизова, я просто услышал.

Тоска и затаенная боль... Вот что я прочитала в его глазах, когда он смотрел на меня, не мигая. Боже, ну сделай так, чтобы он не смотрел так на меня! Пусть он оставит меня в покое, ведь он прав... я все еще люблю его, и прав, что люблю его чуть меньше, чем Яна. Единственный выход, это уехать от них обоих подальше.

Он все еще продолжал меня гладить по голове, так ласково, что у меня слезы на глаза наворачивались.

— Тошь, пожалуйста, уйди, оставь меня одну...

— Я причинил тебе боль, я и буду зализывать твои раны.

Это было просто невероятно, он никогда так со мной не разговаривал, откровенно и...

— Да, я изменился, — ответил он мне с улыбкой на мой изумленный взгляд, — Если бы ты знала, через какие круги ада мне пришлось пройти, чтобы тогда показать свое равнодушие к тебе, к сыну...

— У тебя это получилось, я поверила.

— В это поверили все. Даже такой умник как Сизов. Мне денно и ночью приходилось притворяться, но я не спускал с тебя глаз...

— Ты хоть понимаешь, что это было бесполезно! Мой отец...

— Твой отец отвечал сам за себя! — резко сказал мне он, — Когда все это началось, мне недвусмысленно дали понять, что если я встану не на ту сторону, то пострадаете вы: ты и сын.

— Так Влад ошибался? И Ян тоже? — сегодня точно ночь сюрпризов.

Антон усмехнулся:

— Я никогда не хотел, чтобы Сизов был, скажем так в правящих кругах. Слишком круто для такой мрази, как он. Я только потом, когда разыграл весь этот спектакль, сообразил, что на самом деле им нужен был не я, а ты. Сизов решил разыграть карту и с помощью тебя заставить Казанцева встать на его сторону. Но твой отец уперся, несмотря на угрозу. Тогда он пустил вход еще один козырь — заставил бояться меня за твою жизнь.

— И тогда ты принял решение...

— Да, одно единственно верное решение, — стальной блеск в его глазах загорелся вновь, как в ту ночь, когда он убил Сизова. Я невольно отшатнулась, хотя понимала, что это из-за меня, он готов порвать на кусочки каждого... Любого, кто причинит боль...

— Не бойся меня, — тихо проговорил он. Я тихо застонала. Из-за меня убили человека.

— У меня не было выхода, он бы не погнушался ничем, чтобы добиться своего.

— Я думала, что ты женился на мне из-за моего отца.

Антон дернулся как от удара, развернулся и пошел прочь от меня. Настал мой черед его догонять, мне нужно было ему все объяснить. Я остановила его и развернула к себе лицом.

— Пойми, — начала я и увидела такую беспредельную муку и в тоже время злость в его глазах, что невольно замолчала.

— Я все понимаю, — с яростью сказал мне он, — Даже больше, чем хотел бы. Я даже понимаю, что нам действительно нужно расстаться...

Да, именно этого я и хотела. Но почему мне тогда так нестерпимо больно? Я никогда не умела скрывать своих чувств, и эта боль отразилась на моем лице. Постепенно удивленный взгляд Антона превратился в ликующий.

— Ты не хочешь этого! — радостно воскликнул он и, приподняв меня, закружил. Я смотрела на него испуганно и просто не знала, что мне на все это сказать. Наконец он меня поставил на землю, но также держал меня за талию на расстоянии вытянутой руки и как будто рассматривал.

— Ты не хочешь со мной расставаться, и все еще любишь меня, — заключил он, — Ну, признай это, Лен, хоть раз в жизни!

— Да, — очень тихо сказала я, и опустила глаза. Мне невыносимо было смотреть на него, слезы так и наворачивались. Я не сдамся! Я все равно уйду, ради сына, ради самой себя.

Я не имела право на ошибку, я не имела никакого права остаться с ним или быть с Яном, потому что единственный человек, о котором мне стоило думать и заботиться это мой сын. Кем он вырастет под влиянием такой жизни? Одним из них? Жестоким, самонадеянным, не признающий закон...убийцей...Я вздрогнула. Этого не должно быть, и мне нужно найти способ уйти от Антона, сам он меня не отпустит, он будет преследовать меня до конца моих дней, и возможно, в один из таких дней я сдамся, или он приблизит мой конец. Сама эта мысль приводила меня в состоянии ступора, нечеловеческий страх заползал ко мне в душу, мешая спокойно думать. Антон — животное, в данный момент прирученное к рукам, но кто знает, сколько я смогу удерживать этого хищника?

Он все еще смотрел на меня ликующе, почти счастливо, я снова сказала то, что он так жаждал услышать: я — зависима от своих чувств к нему, и помоги мне Бог, он был хорошим манипулятором. Антон всегда старался добиваться своей цели, не признавал слово "нет", а если что-то не подчинялось ему — брал силой. Я должна что-то придумать, я не должна проиграть, иначе это болото затянет меня глубже. Но если даже предположить, что он отпустит меня, то наверняка он не отдаст мне сына...Нет! Я должна что-нибудь придумать....

— Я знаю, что я буквально вырвал из тебя эти слова, — сдавленно произнес Антон, — Но они мне были так необходимы! У нас еще есть шанс...

— Нет! — я яростно замотала головой, — Никакого шанса у нас нет, и быть не может. Антон потемнел лицом, и взгляд его глаз обдал холодом.

— Ты лишаешь сына отца из-за своей прихоти...

— Это не прихоть, ты сам это должен понимать, я просто не хочу...

— Кирилл любит меня, — перебил меня Антон, — Я его отец, и ты просто сумасшедшая, если думаешь, что я отдам тебе сына. Хочешь уйти, уходи, сын останется со мной, — заключил он зловеще, с удовольствием наблюдая за произведенным эффектом.

— Это не честно! — именно этого я и боялась, поэтому и бросила ему в лицо эту детскую фразу.

— А ты как хотела, — хмыкнул он.

— Я мать, это мой ребенок...

— Так же, как и мой! — закричал он на меня, — Я найду способ сделать так, что ни один суд мира не отдаст тебе ребенка! И твой отец тебе не поможет...

— Ты убьешь его как Сизова? — гаркнула я ему в ответ.

— Никто, слышишь, никто не отнимет у меня сына, — и я поверила ему.

— Ты страшный человек, — прошептала я.

— Ну, надо же меня повысили рангом, теперь я не животное, не чудовище, а просто страшный человек, — с сарказмом в голосе произнес он.

Мне нужно было время подумать, разработать план действий, мне нужно было, чтобы Антон снова начал мне доверять, сегодняшняя тактика оставляла желать лучшего, и ради этого, ради того, чтобы избавиться от смертельной опасности, которая подстерегала меня в будущем, я была готова на все, на абсолютно все....

Два часа мы не разговаривали, но я знала, что нужно сделать шаг к примирению первой. Я подошла к нему, положила руку на его плечо и сказала:

— Прости меня, я устала и несу бред.

Черты его лица смягчились, он улыбнулся мне. В ответ я подарила ему самую сказочную и соблазнительную улыбку, что могла.

— Считай, что уже простил, — выдохнул он, все еще находясь под впечатлением.

Надо сказать, находясь за ним замужем, я не пользовалась искусством, которая знала каждая женщина испокон веков — искусством обольщения. Антон и так был всецело моим, но теперь мне нужно было, чтобы он потерял бдительность, а значит, потерял контроль над собой. Единственное, чем я могла выбить его из привычного самоконтроля это соблазнить его изо дня в день, но не подпускать слишком близко... Возможно, это подло, но мою цель оправдывало. Он не заберет у меня сына. Я усыплю его бдительность, создам счастливую картинку семейной жизни, чтобы в один прекрасный момент, я смогла уйти, пропасть с его радаров вместе с сыном навсегда. А для этого мне нужно время.

Шли дни, Антон совсем поправился, но на голову стал еще более больным. И причиной тому была я. Я лезла из кожи вон, я всегда следила за собой, но теперь к этому присоединились мои манеры. Как будто случайно коснулась его рукой, нежно, ласково и дразняще, улыбка, обещающая рай, походка... Походка — это мой конек. Я всегда ходила так, что мужчины оборачивались мне вслед, после смерти Лешки я потеряла способность так двигаться. Что ж самое время все вспомнить. И надо сказать мне это удалось. Антон смотрел на меня все более жадно, иногда мне казалось, что он сейчас просто кинется на меня, и тогда я почти не разговаривала с ним, и тон разговора был с прохладцей. Это несколько остужало его. Мне было страшно. Играть с хищником в «кошки-мышки», когда ты сама и есть та самая мышь, не самая лучшая идея. Но только так можно усыпить его бдительность.

В один из таких вечеров, мы остались одни. Бабка Тамара ушла к соседям на внеочередную игру в карты. Я знала, что он не заставит меня ждать.

— Для чего ты это вытворяешь? — спросил он меня хрипло, когда я в очередной раз соблазнительно потянулась, сидя на кресле — Ты доводишь меня, а потом отталкиваешь... Я ведь не железный, могу и накинуться...

Я сделала удивленный взгляд.

— Прости, но я, кажется, не понимаю, о чем ты...

— Все ты прекрасно понимаешь, — вкрадчиво заметил он, встал и медленно ко мне начал приближаться. Действительно животное, я заморожено на него смотрела — грация хищника.

— Скажи мне, неделю назад ты хотела меня оставить, забрать сына, почему ты передумала? — он был уже около меня и последние слова буквально выдохнул мне в лицо.

— Я в своем уме, Антон и прекрасно осознаю, что твои угрозы не пустой звук.

— А мне кажется дело не только в этом, — покачал он головой и тихо рассмеялся, — Я и не предполагал раньше, что ты настолько это любишь... Ты ведь хочешь меня, ты всю неделю трешься возле меня как кошка...

О, да, его самонадеянность на этот раз помогла мне. Пусть он думает, что я просто скучаю по нему, а потом я потеряю голову от страсти, якобы. А потом...

Глаза его помутнели, и в них я увидела желание. Такого желания, неопределимого, почти животного, я не видела в его глазах никогда, за все наши годы он смотрел на меня так впервые. Меня испугало это — не перегнула ли я палку? Но отступить было поздно.

Его голос, похожий действительно на этот раз на рычание дикого животного заставил меня содрогнуться. До чего ж я мужика довела?

— Позволь мне...прикоснуться к тебе, не бойся...

Мимика моего лица опять меня выдала, но я не хотела показывать, что я боюсь его. Я подняла руку, расстегнула три пуговицы на его рубашке и ласкающими движениями начала исследовать его мощную грудь. Антон затаил дыхание. Я просто сорвала оставшиеся пуговицы. Моя рука двинулась ниже, пока не добралась до самого чувствительного места чуть ниже талии, волнующий промежуток на пути к его мужскому достоинству.

Звериный рык раздался снова. Но он отдернул мою руку от себя.

— Ты меня мучаешь, — хрипло прошептал он, — Остановись, пока не стало поздно.

Вопреки его словам, я поднялась и прильнула к нему, крепко прижимая свои бедра.

— Это невозможно, ты не можешь со мной такое вытворять, остановись... — прозвучал его голос как в агонии. Он прижал меня крепче, и я ощутила, насколько сильно он меня хочет. Предательский жар вынырнул неожиданно и накрыл меня с головой, мое дыхание тоже сбилось. Именно этого я и боялась, что мое тело откликнется на него, как привыкло откликаться на протяжении многих лет, но что-то во всем этом было новое...Что-то чего я раньше не ощущала...опасность, исходила от Антона.

— Я не могу больше ждать, — он смотрел мне в глаза... и этот взгляд был не такой, как всегда. Нежного любовника Антона больше не существовало. Был дикий и голодный зверь.

Нужно остановиться, пока я сама себе все не испортила, я не должна на него так реагировать...Так желать его и так бояться.

Я отчаянно силилась придумать, как мне его оттолкнуть, почему-то сейчас, глядя в его почти безумные глаза, мне было страшно. Я закрыла глаза, пытаюсь, успокоится... *и уже не Антона я чувствовала в этот момент. Опасность, что исходила от него волнами, вселяла в меня страх, поглотив меня с головой, изменяя мое сознание: подвал, их трое... Он такой же, как они, он может и, наверняка, захочет причинить мне боль. Не доверять, не спускать с него глаз, не расслабляться...*

— Лена! Боже, успокойся, я не причиню тебе вреда! — его голос я слышала, как во сне, я не видела его, он звучал где-то внутри меня, пока я боролась со своими демонами...

— *Я никогда не прощу тебе!* — Закричала я на него, и в следующий момент снова увидела их, они смеялись... Он не нуждался в моем прощении, он равнодушно смотрел...Нет-нет, равнодушие только показное, на самом деле он такой же, как они — жестокий, злой...

— Пожалуйста, любимая!

Смех, животный смех, они приближались, а их глаза — лучше умереть...На полу

лежит нож, я схватилась за него, как за последнее спасение. Почему я раньше его не заметила? Но их трое, я одна... И Антон стоит и не двигается, не останавливает этот кошмар. Ему нравится смотреть на мой страх. Я лучше умру, чем сдамся...

— Нет! Боже!

Я не подпущу их близко к себе, лучше умереть... Вот он, тот самый момент, они совсем близко... мне ничего не остается, мне страшно, я не хочу...

— Лена, посмотри на меня, — прозвучал властный голос Антона. Пелена спала, и я отчетливо увидела его.

— Хорошо, а теперь отдай мне нож.

В каком-то немом удивлении я увидела в своих руках нож и ужаснулась: ничего не происходило на самом деле, все это галлюцинации. Антон стоял в напряженной позе, но его лицо было холодным и бесстрастным.

Нож выскользнул из моей руки, я стояла, не шелохнувшись, наверное, застыв навеки. Я ненормальная. Я могла его ранить, я могла ранить себя. Меня нельзя подпускать к нормальным людям....

Антон тоже стоял и смотрел на меня, также, как и минуту назад.

— Не волнуйся, я помогу тебе с этим справиться, — сказал он также бесстрастно. — Не плачь, мне тяжело, когда ты плачешь...

Я не чувствовала своих слез... Ну, вот теперь он закроет меня в какой-нибудь клинике, и будет навещать время от времени, и сына я больше не увижу...

Я не знаю, что Антон увидел на моем лице, но он рванулся ко мне, взял за плечи и сказал, глядя в глаза:

— Я люблю тебя. Люблю до безумия. Я не знал... Я правда не представлял, что это до сих пор мучает тебя. Почему ты мне ничего не говорила? Не плачь, прошу тебя... Лена, любимая, что я не так сделал? Почему ты так среагировала? — вопрос он задал тихо и сдавлено.

— Я сама виновата, — тихо прошептала я. — Я испугалась, но я никогда не видела тебя таким... таким диким.

В его глазах, когда он посмотрел на меня, была невообразимая боль. Он выпустил меня из своих объятий, и отвернулся от меня.

— Это началось давно, — услышала я его голос, — Мне тогда было 15 лет. Я познал впервые женщину. Грубо властно, я подчинил ее своей воле. После этого на протяжении многих лет, я спал с женщинами только так. Пока однажды я не...

— Убил? — в ужасе спросила я.

— Нет, но мог бы... После этого я поклялся, что больше никогда не выпущу своего зверя наружу. Потом я встретил тебя. Ты была такая милая, добрая и нежная, я любил тебя... Ты никогда не вела себя, так как сегодня... Я никогда не хотел тебя так, как сегодня.

Он замолчал и повернулся ко мне, пристально глядя в глаза, потом снова заговорил:

— Я не мог раньше контролировать... Теперь я думаю, что смогу...

Это было предложение. Предложение, от которого зависела моя дальнейшая жизнь. Предложение, от которого я не имела права отказаться.

— Обними меня, Антон.

Он с минуту стоял, не шелохнувшись, потом обнял. Я потянулась призывно, но он неожиданно остановил меня:

— Нет, милая, не сейчас. Сначала мы займемся твоими страхами.

— Нет, пожалуйста, я не хочу туда возвращаться, — простонала я.

— Я больше не позволю боли затянуть тебя. Я слишком хорошо знаю, что такое «призраки прошлого».

— Что ты знаешь о боли! — мне было страшно, я не хотела думать об этом, говорить, я не хотела, чтобы он мне помогал.

Его глаза неожиданно сверкнули, что-то промелькнуло в них, но он подавил свои эмоции.

— Не сопротивляйся. Тебе пора покончить с этим кошмаром. Я не уделял этому должного внимания, но и ты от меня скрывала... Пора исправлять свои ошибки.

Он слишком хорошо меня знал. Я подпустила его к себе слишком близко. И не хочу его подпускать еще ближе.

— Нет! Нет! — я не хочу возвращаться в тот ужас.

— Боже! Лена, да что с тобой! — сомнения проскользнули в его взгляде, и он на мгновение задержал дыхание. — Что произошло в том подвале? Что-то, о чем я не знаю...

Ужас на лице Антона читался уже явственнее, а я почувствовала, что тот кокон, в котором я закрылась от воспоминаний и от самой себя, начал рваться.

— Я не успел?!

Я снова в подвале, в ненавистном, холодном и жутком. Да. Ты не успел, а я постаралась забыть, моя память просто отвергла это, и сейчас я отчетливо все вспомнила...И спусковым крючком послужил именно ты, любимый.

Трое надвигались на меня, смеясь. Я дралась как никогда. Цепкие руки подобрались ко мне. Он был страшен и в глазах ничего человеческого.

— Ну, что ты детка, тебе понравится...Еще попросишь...

— Какая ты жаркая...

— Тебе нравится?

...Я вырвалась, не знаю, как...Они смеялись...Ненавижу...Потом голос Антона:

— Убирайтесь, я передумал!

Но уже поздно. Мое тело навек осквернено, я никогда не смогу посмотреть на себя в зеркало и не испытать отвращение к самой себе. Через несколько лет я вспомнила все. И все встало на свои места — и мои частые ночные кошмары, и скованность во время близости, и, иногда, непреодолимое желание убежать от собственного мужа. Моя память похоронила все эти события настолько страшные для моего сознания. Я, почти что, осознанно предпочла забыть зверство Антона. Ведь даже тогда я понимала, что свобода выбора для меня — всего лишь миф. Странная штука человеческая память. Теперь я не смогу забыть их лиц. И страх будет вечным моим спутником.

Глава 6. Антон

«Зови, зови глухую тьму —

И тьма придёт...»

Варлам Шаламов

Ад, в который я попал, создал я сам. Она ничего не ответила, но мне не нужны были ее слова, я прочитал ответ по ее лицу. Я не успел...а она...Она просто забыла. Ее память просто вычеркнула этот момент, но не стёрла. Сейчас она все вспомнила, и как она, наверное, меня ненавидит, и я ненавижу себя сам. Тот зверь, которого я поклялся не выпускать, тогда вырвался наружу. И я поступил с человеком, который был мне так близок хуже, чем с врагом. Да, я опомнился, но какое теперь это имеет значение, если я не успел. Она права, говоря, что я чудовище, но я ни за что не откажусь от нее. И пусть буду трижды чудовищем.

Эта девочка давала мне ощущение жизни, только рядом с ней мне не хотелось быть неоправданно жестоким и, в то же время, за нее я готов был убивать. Отпустить ее от себя означало подписать самому себе смертный приговор. Без нее невозможно дышать. А сейчас, когда она подарила мне сына и дала то, чего у меня никогда не было — семью, я не мог даже думать о том, что их не будет со мной. Не отпущу! Но я не был обычным человеком в нормальном понимании этого слова. Мою нормальность сломали еще в детстве собственные родители. И зверь, живущий во мне, никогда не спал. И теперь скулил, скреб когтями прутья своей клетки и просил целое море крови.

Ад в моей душе нарастал, когда я смотрел на нее. Напряжение, боль, растерянность, отвержение самой себя читалось на ее лице. Когда-то я слышал от Влада, что человек не может переносить боль постоянно и, поэтому некоторые моменты стираются из памяти, но на время. Ее время пришло, и видит Бог, это моя вина. Как я могу после этого просить ее остаться со мной? Но отпустить ее было выше моих сил, уж лучше я останусь навеки для нее чудовищем.

Она посмотрела на меня с таким отвращением, и с такой ненавистью, что у меня заныло сердце, которого я думал уже нет. Пожалуйста, не ненавидь меня, родная. Дай мне шанс все исправить.

Ее губы что-то шептали, но я не услышал ни звука, лишь смотрел в ее расширенные глаза. Она смертельно побледнела, и я еле поборол в себе желание обнять ее и утешить. Она не подпустит меня сейчас и на пушечный выстрел.

— Я убью этих подонков, — тихо проговорил ей я. И, хотя мой голос был тихим, внутри меня уже вовсю бушевал мой зверь, мой личный демон. Ее глаза блеснули и закрылись, пусть сейчас спасительная темнота и поглотила ее. Мне гораздо важнее было, узнать поверила ли она мне. Поверила ли в то, что больше никогда не причиню ей такую боль. Я не знал...

Я взял ее обмякшую на руки и унес в свою комнату. Я клянусь, я не дам ей сегодня спать одной и видеть кошмары! Я не дам ей возненавидеть меня! Пока еще есть то маленькое чувство под названием любовь у нее ко мне, я не дам этому чувству покинуть ее.

Было уже очень поздно, когда вернулась бабка Тамара, а Лена так и не пришла в себя. Я сидел возле нее, держал ее за руку и не спускал глаз с ее лица.

— По-моему сынок, я зря вас оставила, — удручено изрекла она.

— Нет, не зря, — так же глядя на Лену, произнес я, — Сегодня я многое что выяснил, а она многое, что вспомнила...ей плохо, и это я виноват. Она уже час без сознания.

Я растерянно оглянулся на бабушку Тамару. Она подошла к Лене пощупала пульс, проверила дыхание, и через пару минут тщательного осмотра изрекла:

— Очнется, никуда не денется, — потом посмотрела на меня и сказала, — В общем, я вижу, вы не договорили, я ночевать пойду к Степановне.

— Спасибо вам, — пробормотал я, — Вы действительно необыкновенная, все понимаете.

Она кивнула и удалилась. В три часа ночи у Ленки начался жар, она металась по кровати, то и дело, пытаясь стряхнуть с себя одеяло. Я взял полотенце, намочил его, и заботливо протер ей лицо. Она облегченно вздохнула. Не мешкая больше ни секунды, я раздел ее, и на минуту застыл. Она была так красива, так желанна. Даже сейчас, когда ей так плохо, а меня выворачивало от злости и отвращения от самого себя, я все равно хотел ее. Упрямо сжав губы, я начал протирать ее с ног до головы. Ее дыхание было жарким, но уже не таким тяжелым. Через десять минут, после того как я накрыл ее одеялом, я понял, что рано обрадовался симптомам облегчения. Она дрожала как осиновый лист, даже под пуховым одеялом. Я лег рядом с ней и обнял, но ей это мало помогло.

— Проклятье! — процедил я сквозь зубы и, раздевшись донага, скользнул к ней под одеяло. Через несколько минут она перестала дрожать, я же лежал почти без движений, борясь с собственными инстинктами.

Ленка, как назло закинула на меня ногу и обвила рукой мою грудь. Я не был согласен на такую пытку, и уже было собрался покинуть ее, выпить крепкого чаю и принять ледяной душ, но она внезапно прошептала:

— Нет, не уходи...

Я уставился на нее, в полной темноте мне было сложно рассмотреть, пришла ли она в себя, или сказала это в бреду. Но она снова молчала, и было слышно только ее тяжелое дыхание.

И я не удержался, начал поглаживать ее животик, моя рука поднялась выше и наконец-то поймала ее грудь. Это было ошибкой. Сильный разряд желания пронзил меня. Я даже немного оторопел, с ней у нас такого не было даже с начала. А теперь почему? Но я знал ответ — теперь я пропал навсегда, бесповоротно. Тогда встретив ее в баре, где обитали одни шлюхи, я сначала принял ее за одну из них. Она была вполне в моем вкусе — не худая, среднего роста, но больше всего меня поразили ее красивые зеленые глаза. Через неделю нашего с ней знакомства я понял, что не хочу ее отпускать. И как гром среди ясного неба прозвучала ее фамилия — Казанцева. Действуя не столько из влюбленности в нее, сколько из личных соображений я женился на ней. Женился, используя гнусный шантаж. Но видит Бог, как я был зол тогда на нее. За ее ложь, за то, что она так крепко запала мне в душу. Наш медовый месяц я превратил в рай, и она потихоньку начала ко мне привыкать. Те дни в Тулузе, я не забуду никогда. Мы подружились, по-настоящему, мы много разговаривали, и потом я увез ее в Испанию. В Испании мы пробыли только день. С утра на мою почту пришло письмо от сестры Стрелка, где недвусмысленно было сказано, что из себя представляет моя жена. Я не хотел верить. Человек во мне не хотел верить и уговаривал спустить все на тормозах. Но зверь, долгие годы бывший моей второй ипостасью, требовал наказания. Он рвал и метал, и ярость поглотила мой разум окончательно. Вот тогда и

вырвался наружу мой зверь. Я не помню, как мы приехали обратно в Россию, я не помню, как позвонил своим парням. И не помню, как отдал приказ пустить ее в расход. Зато я отлично помню лица тех ублюдков, которым предстоит умереть.

От этой мысли все мое желание пропало разом. Я знал, что в принципе, они не виноваты, я отдал такой приказ сам. Но это ничего не меняло для меня сейчас.

Ленка издала протяжный стон, и я в очередной раз убедился, как сильно я ее люблю. Да, мне не нравились те изменения, которые произошли во мне благодаря этой любви. Я стал мягче, испытал чувство сострадания. Но был и один плюс. Демон, что жил во мне все эти годы, начал утихать. Я почти не чувствовал его, когда она была рядом его практически не было. Но скоро я выпущу его наружу, очень скоро, когда найду этих троих...

Почти светало, когда она открыла глаза. Еще мутный и ничего не понимающий взгляд блуждал по комнате.

— Что со мной?

— Упокойся, родная, у тебя всю ночь был жар. Как ты себя чувствуешь?

— Отвратительно, — мрачно произнесла Ленка, — Горло саднит, как будто его ободрали, и пить хочется.

— Я сейчас принесу, — я уже с готовностью поднялся, но Лена схватила меня за руку.

— Нет, не надо, не уходи, — она не смотрела на меня, — Я все помню...теперь все. Как ни странно, сейчас это прозвучит, но я не хочу тебя винить.

— Зато я себя виню.

— Да, ты виноват. Ты чертовски виноват. И я должна тебя ненавидеть.

— Послушай, это все не имеет смысла, я все равно тебя не отпущу! — я говорил быстро, боясь замолчать, боясь того, что она снова видит во мне монстра, и я был таким, но как я не хотел им быть!

— Мы поговорим об этом потом, сейчас у меня нет сил.

Она закрыла глаза, а я всматривался в ее лицо, такое родное, такое красивое.

Моя рука сама непроизвольно коснулась ее лица, ее ресницы вздрогнули, но глаз она не открыла. Я остановил себя на последнем мгновении. Нет! Я не причиню ей больше боли! Пусть я не могу отпустить ее, но заставлять спать со мной я тоже не буду. Она должна сама ко мне прийти. А придет ли? Придет ли ко мне моя жена, хоть и бывшая? Как в сказке — чем дальше в лес...

Только если в сказке чудовище становится принцем, то у меня это вряд ли получится.

Лена тихонько всхлипнула и застонала, как от боли. Я пощупал ее лоб — температуры не было.

— Тоша, — тихо прошептала она, — Ты же можешь избавить меня от этого чувства. ... Пожалуйста.

Мое сердце упало куда-то вниз. Как я мог ей помочь?

— Тошка, мне нужно...Чтобы ты помог мне забыть, хоть на мгновенье, я просто этого не вынесу...

— Девочка, милая моя... Как я могу ... Что мне сделать?

Она открыла глаза и посмотрела на меня.

— Ты мне нужен, — снова заговорила она. — Прикоснись ко мне, дай мне забыть их руки, я хочу чувствовать твои руки, слышать твой голос, видеть тебя, Тошка, пожалуйста, дай мне забыться.

Когда я понял, о чем она меня молит, то не сразу пришел в себя.

— Ты уверена, милая? — спросил я неуверенно.

— Да.

— Ты останешься со мной?

Она нахмурилась и покачала головой.

— Нет, я хочу, чтобы ты понял. Это ничего не значит...

Холодные слова, расчет в ее просьбе меня не покоробил. Он меня убил, одним махом. Даже сейчас, в помутненном сознании, она хотела от меня уйти. Но я ничего ей не сказал. Еще не время для разговоров, еще не сказано последнее слово.

Я ласкал ее, и мне казалось, что эта мука никогда не кончится. То, что я испытывал сейчас, не было похоже ни на что. Острое, почти болезненное ощущение, необходимость коснуться ее, обнять и больше никогда не выпускать из своих объятий. Теперь я пропал. Циник, которым я был, исчез, уступив место кому-то другому.

Лена постанывала и изгибалась под моими ласками. И когда я был уверен, что просто умру от охватившего меня желания, она сама позвала меня:

— Тошка! Пожалуйста, ...я не могу больше...

Теперь я умирал от чувственного восторга, который охватил меня. Я хотел быть еще глубже в ней, я хотел бешеного ритма, но двигался нарочито медленно... Впервые в жизни я ощутил и понял, что такое единое целое.

Я лежал возле нее и улыбался, она спала, успокоенная и умиротворенная после моих ласк. На этот раз зверь не выбрался наружу. Я не сдерживал себя, как всегда. Зверь покинул меня. Покинул? Нет, всего лишь затаился... Но я понял, что теперь ни за что на свете, он не выйдет наружу, когда я с ней. Потому что я на самом деле любил. По-настоящему, не путая секс с чувствами. Я посмотрел на нее и ощутил прилив нежности. С ней я могу быть самим собой. С ней мне не надо быть крутым, умным и безжалостным. С ней я могу быть тем мальчишкой, которым был, когда — то очень давно. Я больше не злился на нее за Яна, более того, я знал, что она спала с ним, я даже мог предположить, что она испытывает к нему что-то... Я не имел права ее осуждать. Я ее бросил, она свободна от обязательств ко мне. Боже мой, какой же я дурак! Если бы тогда я понял всю эту игру..., То убил бы Сизова гораздо раньше, прежде чем он выкинул меня из ее жизни. Но, как не дика вся эта ситуация, я понял одно: я изменился, она изменилась, и возможно, это поможет нам быть вместе. Возможно, это поможет быть ей вместе со мной. Мог ли я ее отпустить? Хотела она этого на самом деле? Тогда в саду она испытала настоящий шок, когда я только обмолвился о расставании. Господи, спасибо тебе за то, что она не умеет скрывать свои эмоции! Из нее очень сложно вытянуть правду, и это ее главный недостаток. Я надеялся, что когда-нибудь, она сможет мне доверять настолько, насколько это вообще возможно. Настолько, что сможет рассказать о своем Лешке, о своей боли. В ту ночь в больнице, когда она рожала, в бреду повторяла его имя, звала. И на секунду мне показалось, что он действительно присутствовал там, в больничной палате. Как же я тогда испугался! Ее призрак, ее любимое привидение мог забрать ее у меня. Но она вернулась, вернулась ко мне и сыну.

Сын! Я так скучал по Киру! Мне так хотелось его увидеть. Я не мог спокойно смотреть на Ленку, видя, как она страдает без него. Когда-нибудь это кончится. Казанцев слов на ветер не бросает. Но и я тоже не лыком шит.

Но сначала я найду этих тварей и выпущу своего зверя на охоту, в последний раз.

Эта мысль меня отрезвила и привела в себя. За окном было уже светло. А я так и не спал. Сегодня ночью...

— Влад, найди мне тех ублюдков, которые были в подвале тогда, когда мы вернулись из Испании...

— Ты имеешь ввиду...

— Да. Привези их в тот же подвал, возьми ребят и достань мне их из — под земли!

— Тоха, не рискуй, тебе нельзя появляться в городе!

— Я рискую двинуться умом, если я этого не сделаю!

— Тоха, объясни толком, что происходит!?

— Сегодня ночью, Влад. Я жду.

Лена проспала до вечера, чем заставила меня понервничать. Когда она открыла глаза, я был рядом с ней.

— Как ты, родная?

Она слабо улыбнулась:

— Лучше, благодаря тебе.

Меня пронзила такая нежность к ней, и тут же пришло отвращение к самому себе. Благодаря мне...благодаря мне ее...Твою мать! Мне нельзя думать об этом, я перестаю себя контролировать.

— Я что-то не то сказала? — все-таки моя маска была не совсем бесстрастной.

— Все в порядке, милая. Мне нужно отлучиться по делам.

Она недоверчиво на меня посмотрела. Да, она имела право мне не доверять.

— Не бойся, я буду очень осторожен, — произнес я с нежностью, а потом с натянутым смехом добавил — Я же хочу вернуться к тебе и никогда тебя не отпускать.

Вроде бы она успокоилась, зевнула и глаза ее снова начали слипаться.

— Я почему-то сплю все время... — сонно прошептала она.

Меня это тоже настораживало, и как только я почувствовал ее спокойное дыхание, ушел искать бабушку Тамару. Нашел я ее в огороде, чумазую, но довольную.

— Знаю, знаю, с чем идешь, — весело проговорила она, иногда я начинал ее побаиваться, хотя и не верил во всю эту чушь с экстрасенсорными способностями.

— Травками я ее поила все эти дни, успокаивающими. А то больно она нервная стала. Вот эффект такой травка и дала, ничего завтра как огурчик будет.

— Мне уехать надо, баб Тамар, ненадолго, дня на три. Долго она проспит?

— Ты езжай, милок, — кивнула она мне, — Если что я посижу за ней.

Сутки я был в дороге, злость подгоняла меня. Подъехав к своему загородному дому, я не сразу решился войти. Но ад во мне бушевал уже во всю, и зверь просился наружу. У входа в дом меня встретил Влад.

— Я не стал отсылать людей, на всякий случай. Как добрался? Без приключений?

Я коротко кивнул. И собрался спуститься в подвал, но Влад меня остановил.

— Я вспомнил ту историю. И хочу сказать тебе, ты сейчас не прав. Это был твой приказ. Парни просто его исполняли. То, что ты не успел включить обратку не их вина. Антон, одумайся, ни причем же они...

Я прекрасно понимал, о чем говорит Влад. Я четко осознавал, что нарушаю все мыслимые законы криминального мира, но я смотрел на Влада и не видел, перед глазами уже стояла картина как эти трое насилуют мою жену...

В подвале было прохладно и пахло сыростью. Возле стены, на коленях стояли те трое с разбитыми лицами, а вокруг них, не шелохнувшись, с пушками стояли мои архаровцы. Я подошел к одному из моих ребят вытащил пистолет и выстрелил в голову первому. Навел

курок на второго.

— Сука ты, Синица. Мы всего лишь выполняли твой приказ... — договорить он не успел. Я навел курок на третьего и собирался отправить его к дружкам, как вдруг он сказал:

— Синица, ты чего творишь?! Ты хоть понимаешь, что после этого тебе не жить?

— Понимаю, — бесстрастно ответил я.

— Ты слишком поздно пришел тогда, Синица. Мы ничего не могли изменить. Мы выполняли твой приказ.

— Это ничего не меняет. Я убью тебя так же, как и твоих дружков, независимо от того прав я или нет. Ты тронул мою жену. Да я отдавал приказ, и я же его отменил, а ты со своими дружками промолчал, не сказал, что уже нечего отменять.

В ответ, когда парень понял, что ему все равно не жить, я увидел хищный оскал.

— Ты знаешь, а приятно было трахать твою жену, она такая же потаскуха, как и все остальные.

Я не помню, что было дальше. Потеря памяти, помутнение, а вернее зверь вышел на охоту. Наверное, не нужно лгать самому себе. Я был таким всегда — жестоким через чур, хладнокровным. Именно это дало мне шанс выжить и подняться, сколотить свою собственную бригаду.

Когда я очнулся, мои руки были в крови, и, бросив мутный взгляд на окружавших меня моих парней, я прочитал явный ужас на их лицах. Я убил его голыми руками, без пистолета, без ножа, вырвав ему кадык. Что ж, ничего другого я не ожидал, я монстр. Чудовище. А она тот лучик света, ради которого стоит жить, ради которого я способен убить без сожаления.

Дорога обратно заняла еще полтора дня. Я думал, что их смерть принесет мне облегчение, но я ошибался. Я ненавидел себя за это. Я ненавидел того зверя внутри меня. Я не хотел таким быть. Но я снова обманываю самого себя. Ведь это я убивал, своими руками. Сизов, потом эти трое. И если убийство Сизова я мог оправдать в своих глазах, как необходимость, чтобы защитить свою семью, то убийство тех троих не имело оправданий. Я понимал, я не был глуп или слеп, чтобы не видеть того, что прежде чем квитаться с ними, мне нужно было расквитаться с самим собой.

Был уже поздний вечер, когда я подъехал к дому бабки Тамары. Я тщательно следил за тем, чтобы не привести за собой слежку, хотя и не питал иллюзий — меня накажут за то зверство, что я учинил в подвале. Но сейчас мне нужно думать о ее безопасности. Она должна остаться в живых при любых обстоятельствах. Зайдя в дом, я увидел встревоженное лицо бабки Тамары.

— Ну, наконец-то! А то я уж не знаю, что и думать!

Я сразу понял, что ее переживания не имеют никакого отношения ко мне. Лена...

— Она так и не вставала, с тех пор как ты уехал! Просыпается, полежит минут десять и снова спит. Это не мои травы, Антон! — такой взволнованной я видел ее впервые. — Я не знаю, что с ней происходит, а я видела многих больных. Она не больна, тут что-то другое... — она бессильно опустила руки.

Не видя больше ничего вокруг, я ворвался в комнату Лены. Она лежала на кровати и смотрела в одну точку, и только когда я тихо позвал ее, она обратила на меня внимание.

— Ты плохо выглядишь, — сказала она бесцветным голосом.

Как еще я мог выглядеть, когда вся моя жизнь беспроглядная тьма, и одно единственное солнышко, которое есть в моей жизни, собирается уйти от меня! Мне казалось, что я мог привыкнуть к боли в своей жизни, но на деле это оказалось не так.

Ты можешь смириться с болью, если есть хотя бы какая-нибудь надежда на лучшее. Когда надежда умирает, ты умираешь вместе с ней. Моя надежда уже билась в предсмертной агонии.

— Я просто вымотался, — ответил я ей. — А ты как?

Она побледнела, очень сильно и что-то проскользнуло в ее глазах...Страх? Мне стало еще больнее, хотя куда больше? Она боится меня?

— Я в норме, — пробормотала она и отвела свой взгляд от меня.

— Лен, что происходит? Ты сама пригласила меня к себе в постель, а теперь боишься меня? Гонишь? — захлебнулся собственным воздухом, судорожно вздохнул. Где мое хваленое хладнокровие, когда оно так необходимо?

— В общем, так, — ее голос стал жестким, — Уезжай! Я не хочу тебя видеть, я не хочу тебя слышать.

— Сдурела что ли? — я ошалело смотрел на нее.

— Не хочешь уезжать? Тогда уеду я! — и она решительно поднялась с кровати, покачнувшись и, в следующий момент я еле успел ее поймать.

— Слишком много сплю...Черт! — на глазах ее были слезы, но она, упрямо поджав губы, не проронила ни одной слезинки. — Да, отпусти ты меня!

Я дал ей вырваться, и она обессилено рухнула на диван. Я даже не мог злиться на нее, что-то произошло за то время, пока меня не было. Я оставил ее одну зализывать свои раны, а обещал быть рядом. Что она надумала в одиночестве?

— Хочешь упиваться своей болью? — устало произнес я, — Прекрасно, продолжай в том же духе. Только позволь дать тебе совет: когда станет невыносимо больно, поделись своей болью со мной.

Я ушел из дома, и где-то около часа бесцельно бродил по незнакомым мне улицам. Я не думал ни о чем, я ждал. Я дал ей время подумать, успокоиться и подготовиться. Подготовиться к тому что я не оставлю ее в покое, я не дам ей закрыться, не отпущу ее. Никогда.

— Иди к ней, она тебя ждет, — услышал я голос бабки Тамары, как только приблизился к дому, — Если что, я у Степановны.

Я кивнул, в душе поражаясь, насколько деревенская женщина тактична. Зайдя в ее комнату, я увидел, что Лена оделась, красиво уложила волосы и стояла уверенно, в ожидании меня. Только бледность с ее лица не сходила. Я молчал, предоставив слово ей.

— Спасибо тебе, Антон, что дал мне время. И да, ты прав, чертовски прав. Лежа здесь я не решу своих проблем. Я хочу, чтобы ты уехал...

— Опять!

— Нет, не опять, — продолжила она. — На этот раз мое решение продиктовано не отчаяньем. Я вполне серьезно предлагаю тебе уехать.

Я, молча покачал головой, и даже улыбнулся, насколько она сейчас выглядела беззащитно и по-детски, и не понимала, что такую ее хочется защищать, а не отпускать.

— Я не люблю тебя. И не имеет смысла дальше быть вместе, — сказала она уверенно.

— Черта с два, ты меня не любишь! Неужели ты всерьез думаешь, что я поверю тебе, после того, как ты себя повела? Мои люди изнасиловали тебя по моему приказу, а ты после этого жила со мной, родила от меня сына, и ровно четыре дня назад нуждалась во мне как ни в ком другом!

Ее губы задрожали.

— Я хочу, чтобы ты уехал.

— Скажи, что презираешь меня, ненавидишь, скажи так, чтобы я поверил, и возможно тогда я отпущу тебя, — мне до смерти надоел этот спектакль, который она играла передо мной.

— Ты хочешь это услышать? Да, ты чудовище, и я ненавижу тебя. Ты перевернул мою жизнь с ног на голову. Без тебя мне будет... О, черт! — внезапно она побледнела еще больше, на лбу выступили капельки пота, и Ленка ринулась на улицу. Ее вырвало. Почти обессиленная она снова зашла в дом, умылась и буквально упала в кресло. Только тогда она посмотрела на меня.

И я все понял. Шоковое состояние длилось не долго, потом наступила злость на виновника, случившегося с ней — Яна.

— Это то, из-за чего ты меня гнала, как бешеную собаку? — грубо спросил я ее.

Она коротко кивнула, не решаясь посмотреть мне в глаза.

— Ты беременна, — я произнес это для себя, как факт. Ужасающий факт, который перевернет всю нашу жизнь.

— Уезжай. Слышишь? Брось меня и езжай.

Я молча покачал головой.

Она не сказала мне больше ничего. Закрылась в себе и только твердила о том, что мне нужно уехать. Уехать и бросить ее? Нет, я не мог себе этого позволить, я не мыслил жизни, где не будет ее. Она нужна мне. И я нужен ей, для того, чтобы защитить. На миг я пытался представить, что будет, если я сейчас возьму и отвезу ее к Яну. Они будут вместе жить долго и счастливо? Сомневаюсь. Он не знал ее так, как знал я. Он мало понимал ее чувства, ее потребности, ее желания. А я понимал и мог ей это дать. Ленка всю свою жизнь искала, да и сейчас ищет своего мужчину. Она пытается казаться независимой, но на самом деле это не так. Независимость ей не нужна. Ей нужно человеческое тепло, понимание, чтобы ее воспринимали такой, какая она есть. Человеческое тепло... Парадокс, но именно такое чудовище как я мог ей его дать. Что даст ей Ян? Поймет ее и не осудит? Это даже звучит нереально. Ян жесткий человек, который видит в ней сильную и независимую личность, но в тоже время может задушить своей заботой. Я может быть и не лучше, право выбора я всегда оставляю за собой. Но я всегда старался понять ее чувства, проникнуть глубоко в душу, ведь именно так я познавал и себя. Именно так я обнаружил своего зверя, именно так я принял решение бороться с ним. И именно поэтому ее недостатки казались мне невинными шалостями. Я мог простить ей все, ну или почти все. Именно она, заставила чувствовать самого себя, именно она смогла мне дать то, что не давали другие женщины — искренность того, что между нами происходит. И пусть, по ее мнению, это не любовь, для меня это именно то самое светлое чувство. И бросить ее теперь, когда она в таком положении, явно растерянна и на нервах? Нет. Ян даже не удосужился поговорить с ней, выяснить, что же на самом деле произошло тогда, во дворе клуба. Он просто скрылся и убежал при малейшем проявлении ее слабости. Возможно, он просто дал ей право выбора. Но я не настолько глуп, чтобы совершать ту же ошибку. И уж тем более я никогда не позволю, чтобы Ян узнал, что у него есть сын или дочь.

Я был так далеко в своих мыслях, что даже не заметил, как ко мне подошла Лена.

— О чем ты думаешь?

— О нас с тобой, — ответил я честно, — О том, что как бы ты меня не гнала, я все равно не уеду. Тогда в саду, я предложил тебе снова быть со мной, быть семьей. Мое

предложение в силе. Поверь, я сделаю все для тебя и детей. Я изменился, благодаря тебе, возможно не до конца, но я стараюсь, черт возьми!

— Ты хочешь, чтобы я оставила ребенка? — спросила она удивленно, — Но зачем тебе это?

— Потому что я люблю тебя, и потому что я знаю, что ты не пойдешь на аборт.

Ленка усмехнулась и каким-то почти металлическим голосом произнесла:

— А вот и нет. Ты ошибаешься, мне не нужен этот ребенок, — и ушла.

Не могу сказать, что я не испытал облегчения, я его испытал. Если не будет ребенка Яна, значит, не будет напоминания о нем. Чтобы у Ленки были еще дети, чтобы она забыла этот ужас, я уж постараюсь.

Ей стало лучше. По утрам уже не мутило, но спала она все же долго. А еще у нее появилась страсть — шоколад. Настроение ее оставляло желать лучшего. Я не знаю почему, но мне начало казаться, что она возненавидела этого ребенка. Она плохо питалась, разговаривала с неохотой, и почти все время спала.

— Почему ты так его ненавидишь? — спросил я ее, она вздрогнула и посмотрела на меня.

— А за что мне его любить? — с издевкой в голосе ответила она вопросом на вопрос.

— Лена! — я был удивлен, если не сказать больше. — Ведь это ребенок! Пусть и ребенок человека, которого я убить готов, но все же ребенок, и он не должен отвечать за ошибки своих родителей...

— Вот именно! Ребенок не должен отвечать за ошибки мои, его... Ян получил то, что хотел и свалил! — она злобно сверкнула глазами, — Ему совершенно все равно...

— Мне казалось, раньше ты так не считала.

— А теперь считаю! Он искал меня? Он пытался поговорить со мной? Узнать, что на самом деле происходит?

— Нет, — я покачал головой, в глубине души, я тоже осуждал Яна за это.

— Значит ему все равно. Ребенок не должен расплачиваться за ошибки своих родителей. Я не дам ему той любви, которую хотела бы дать. Ты тоже не дашь, — она вскинула на меня свой взгляд полный решимости и отчаянья. Она всегда была сложным, странным человеком для меня, но именно такая она мне была нужна. Предельно честная сама с собой? Нет, она только начала этому учиться. Это больно, и я буду рядом, когда она это поймет.

— Значит, аборт... — неуверенно произнес я.

Бабка Тамара как чувствовала, что между нами происходит неладное, и поэтому мы ее не слышали и не видели. Мы не ссорились с Леной, мы вообще почти не разговаривали. Она все более замыкалась в себе. А я все больше нервничал и начал срывать на нее. За что сам себя потом винил.

Все изменилось через четыре дня. В воздухе витала опасность, я чувствовал ее, я слышал, как она приближается, и я знал, по какой причине все это происходит, причиной тому был я. Пришло время расплачиваться. Как ни странно, именно в этот момент я успокоился. Я знал, чего мне стоит опасаться и к чему готовиться. На это время я снова стал тем самым циничным ублюдком, каким был когда-то. Лена смотрела на меня и ухмылялась, я знал, о чем она думает.

— Горбатого могила исправит, — многозначительно изрекла она, когда я кричал по телефону, разговаривая с Владом и терроризировал всех моих парней. Возможно, она права,

та часть меня, которая управляла ситуацией, была алчной и злой. В том мире нельзя по — другому, иначе тебя сожрут, подавят, растопчут.

— Что ты ко мне прицепилась! — закричал я ей, положив трубку телефона.

— Я не понимаю таких людей как ты. Почему нужно было ввязываться во все это? Зачем? Зачем избирать такой путь в жизни — насилие, недоверие и вечное чувство опасности... Деньги? Слава? Что?

— А что ты мне предлагаешь? Горбатится за копейки? А потом, когда я стану дряхлым стариком, меня просто вышвырнут на улицу, не забыв при этом всунуть в зубы подачку, на которую не то, что прожить нельзя, на нее даже просуществовать невозможно. Очнись ты, в конце концов! В стране бардак! Безработица, а если и есть работа, то за копейки. Власти все подкуплены, каждый гребет в свой карман. Куда ни сунься, везде нужны деньги... Слава? На черта она мне? Я просто хочу жить, понимаешь, как человек, а не как животное! Я хочу, чтобы мой ребенок рос не в этой стране, а для этого нужны деньги...

— Каким способом тебе эти деньги достались!

— Ты все равно не поймешь, чтобы я тебе сейчас не сказал, — с горечью ответил я.

Да, она не поймет, как сложно жить и понимать, что когда-то несколько лет назад я совершил ошибку, очарованный свободой выбора под названием Перестройка. Не поймет, что даже если я очень сильно захочу уйти, меня все равно не отпустят. Это гигантская паутина, и мы как мухидохнем в ней. Мои родители были не лучше и не хуже других, но постоянная нищета сделала из отца вора, за что он и сел на долгие годы. Вышел он оттуда больным и дряхлым стариком, а мать за это время спилась. Я был предоставлен самому себе. Ел у соседей, которые по доброте своей меня пригрели, дома практически не жил, вечная попойка и мать, которая меня даже не замечала. Моим домом на долгие годы стала улица. Там я научился драться, защищать свои интересы. Там цель всегда оправдывала средства. Как ей это все объяснить? Девочке, которая почти всю жизнь жила под крылом родителей, училась в привилегированном классе, где учились детки чиновников обкома. Девочке в розовых очках, которая только сейчас начала взрослеть.

Она махнула на меня рукой и скрылась в своей комнате. Иногда мне хотелось все рассказать, про свое детство, и даже объяснить, почему я такой. А иногда я чувствовал себя ущербным перед ней. Леди и бродяга... Но если до перестроечных времен так оно и было, то сейчас мы поменялись ролями, и видит Бог, я не дам ей уйти от меня, я не дам ей свободу выбора, потому что когда-то ее дали мне.

Они пришли ночью в три часа. Ввалились в просторный дом в количестве пяти человек. Кто их послал, я уже знал — Бересов Сергей Константинович занимал высокую должность в правительственных кругах области, про него говорили, как об очень честном политике. Хотя политика и честность это две вещи не совместимые. Так и оказалось на деле, только узкий круг знал, что Бересов на самом деле из себя представляет. Именно он держал в своих руках весь криминальный бизнес на вверенной ему территории. Но надо отдать ему должное, сложные ситуации разруливать он умел, и соответственно за слова свои отвечал. За что и получил банальную, но справедливую кличку Батя.

В данной ситуации информация о нем мне никак не помогала, и где-то даже вредила. Судя по всему, Батя не захотел разобраться сам, справедливо основываясь на слухах о моем поведении в прошлом, а его ребятки даже слушать ничего не станут. Но попробовать все-таки стоило.

Было сразу видно, что трое из них разумом не обладали, отдохнула на них природа.

Остальные двое, были противниками посерьезней. Высокий смуглый и скуластый парень, с жестким колючим взглядом, был Митяем, правой рукой Бати. Второй был маленького роста с выразительным лицом и умными глазами, с дурацкой кличкой Кастет. Митяй стоял вразвалочку и глядел на происходящее с ленцой.

— Ну, здорово, Синица.

Я протянул ему руку, которую он так же лениво пожал.

— Люди говорят, что ты зверствуешь. Людей кокошишь почему зря. Сизов — твоя работа?

— Моя. Батя в курсе из-за чего сыр-бор, сам добро дал.

— Добро — то он дал, только не тебе, а Стрелку.

— Стрелок не успел, а я помог, — Митяй усмехнулся на эти слова.

— Ты за Стрелка не говори, он сам за себя ответит. Ну, по поводу Сизова мы на тебя не в обидках. А вот за пацанов придется ответить.

— Отвечу, — тут уж я вошел в раж. Митяй оценивающе оглядывал мой воинствующий вид.

— Ответишь, ответишь, — глаза его злобно сверкнули, и весь он напрягся, как перед прыжком, — Что ж ты из-за чужой бабы повелся?

— Она мне не чужая, Митяй. Жена.

— Бывшая, а нынешняя девочка Стрелка. Так я повторяю свой вопрос? Лоханулся ты, Синица.

— Я не его девочка! — из комнаты с гордо поднятой головой буквально выплыла Лена. У трех амеб отпали челюсти, а Митяй аж языком цокнул от негодования.

— Я с бабами не базарю. Синица убери ее по — добру по — здорову, пока я это не сделал.

Я вздохнул и посмотрел на нее, а Ленка сказала:

— И не подумаю. Если уж и судить его за убийство Сизова, то по — честному.

— Ты откуда такая? — рассмеялся Митяй, — По — честному? Я, девочка, по понятиям базарю и не с тобой. Но ты меня развеселила, так что давай, топай отсюда, пока цела.

Ленка вспыхнула и только собиралась сказать ему пару ласковых, а я приготовился ее защищать от реакции его людей, как Митяй неожиданно произнес:

— Этот черт по жизни замочил троих пацанов, которые тебя поимели по его же наказу. Это честно по-твоему?

Вот теперь я ждал приговора, но только не от Батиних пацанов, а от нее.

Она замерла и побледнела. И взгляд стал непроницаемым.

— Зачем? — прошептала она очень тихо, Митяй посмотрел на нее и на меня взгляд перевел.

— Фильтруй базар, бродяга! За черта по жизни и ответить можно, — я смотрел на Митяя пристально, готовый в любую секунду броситься на него.

— А я отвечу, если надо. Ты зверствуешь, Синица, и сам об этом знаешь. За черта погорячился, не огорчайся.

Я кивнул. Ленку надо спасать, а то чего доброго Митяй ей всерьез заинтересуется.

— Уйди, Лена! — грозно сказал я ей, но она мотнула головой, — Вон пошла! — рывкнул на нее так, чтобы она испугалась. Ленка опять вспыхнула, посмотрела на меня не по — доброму и ушла, а я даже чуть не вздохнул от облегчения. Митяй одобрительно улыбнулся, и вроде как расслабился, хотя и до этого особого напряжения я в нем не наблюдал.

— Ну? Что делать то будем?

— Митяй, не ломай целочку передо мной. Батя тебя не просто так послал, я не дурак. Если убить приказал, то, что ж отойдем в лесочек, только ты не надейся, что я лапки сложу, удивлю я тебя, Митяй, очень удивлю. А если с дельным предложением ты ко мне сюда пришел, тогда выкладывай.

— Ладно, Синица, — недовольно проворчал он, — Умных пугать, только портить. Если бы Батя тебе приговор подписал, то вряд ли ты тут стоял со звериным оскалом, и я бы с тобой тут разговоры не разговаривал. Предложения есть, только для тебя они больше приказ, чем предложения. Выполнишь пару заказов и считай, что квиты. Да и вдове одного пацана помочь надо финансово, мальчишка у нее растет.

— Обеднела страна на киллеров... — я ухмыльнулся, — Я заказ выполню, а вы потом моей вдове будете помогать финансово?

Митяй улыбнулся мерзкой улыбкой и на парней своих глянул.

— Отчего ж не помочь, поможем. Только ошибся ты, киллеры нам не нужны, свои есть и не чета тебе — профи. Заказы другого характера.

— Темнишь, Митяй. Что такому человеку как Батя от меня пешки могло понадобиться?

— Твой талант. У тебя даже агентство своё сыскное... По части найти людей, нужную информацию откопать ты всегда слыл профессионалом.

— Так профессионалов по России пруд пруди, — не угомонился я.

— Своя рубашка ближе к телу. Ты молчать будешь, если надо, и деньги тебе тоже не нужны, — гадливо закончил Митяй.

Если подумать, то наказ Бати, не так уж плох, все могло быть хуже и вот это меня и настораживало. Ясно, что слезка, которую мне придется вести не простая, и чужим глазам видеть все это не положено... Но я так же знал, что пятьдесят процентов из ста — меня уберут после исполнения, а также ...

Выхода нет, против Бересова в открытую идти нельзя, но и подписаться под это дело самоубийство.

— Я согласен.

— Конечно, согласен, — улыбнулся Митяй, — Куда ж ты денешься, — и, свистнув своих, удалился вальяжной походкой. Через пару минут во дворе никого не было. Теперь стоило подумать, как вылезать из всего говна, в которое я залез. А залез я туда по самое горло, в этом сомнений не возникало. Казанцев... Помочь он мне ничем не сможет, против Бересова не пойдет ни он, ни кто бы то не был. Моим размышлениям помешал жуткий грохот со стороны Ленкиной комнаты, я рванул туда. Ленка в бешеном темпе собиралась и явно не на прогулку.

— Лен, ты что дел...

— Отвали от меня! — заорала она, — Сволочь! — она ринулась мимо меня к двери, но я ее схватил, с намереньем лучше умереть, чем отпустить. Она чуть ли не взвыла.

— Даже не прикасайся ко мне! Как я могла тебе доверять! Ты монстр, убийца...

— Тише! Я знаю, кто я такой! И ты знаешь! Или ты думала, что я это просто так оставлю? Я же сказал тебе, что убью их, ты знаешь, я слов на ветер не бросаю. ... Или ты, может быть, забыла, что они с тобой сделали? Пожалей их еще!

— Я не забыла, я ничего не забыла, Антон или как тебя там... Синица? Так вот, Синица ты мне никто! Отпусти и дай мне пройти!

Никто... Я стоял как каменное изваяние. А чего я еще ожидал?

— Ты со мной так решила разговаривать? — я усмехнулся, — Не трудись. Ты такая чистенькая и беленькая и, поди, училась на одни пятерки! — я сорвался на крик, — Откуда тебе, девчонке из обеспеченной семьи знать всю грязь, что я прошел? Ведь ты никогда не защищала сама себя, у тебя был отец! Ты не росла на улице, ты не побиралась по соседям и по помойкам в поисках пищи! Ты не сбегала из дома, потому что тебя до смерти достала пьяная мать!

Лена затихла и посмотрела на меня.

— Антон, я не знала... Ты ведь никогда мне этого не рассказывал...

— Зачем тебе это? — с горечью бросил я ей — Теперь все иначе, у меня есть почти все, а то чего нет, я могу купить.

— Только меня ты не купишь.

— Знаю. Невозможно купить любовь. Я пробовал. Свои первые заработанные деньги крупные деньги, я решил потратить на мать. Я пришел к ней и предложил ей лечь в самую лучшую клинику, там бы ей помогли. Она рассмеялась мне в лицо! И сказала, что если я хочу ей помочь, то лучше дать ей деньги. И я дал. Я отдал все, что заработал. Не оставил ни доллара себе. Больше я ее не видел, а через несколько лет она умерла.

— А отец?

— Он умер раньше, почти сразу как вышел из тюрьмы — рак поджелудочной, — я посмотрел на нее. Не совсем осознавая, что сейчас ей рассказал то, что не рассказывал никому. — Что теперь жалеть меня будешь? Или отпихнешь? Да нет, не отпихнешь. Ты не такая...

Она смотрела на меня с жалостью, это я больше всего ненавидел с детства, когда сердобольные соседки, кормя меня на своих уютных кухоньках, высказывали мне какой я бедный и несчастный, и какие сволочи мои родители. От этих слов кусок не лез в горло, и я ненавидел их за это, ненавидел эти жалостливые глаза, потому что каждая кто меня жалела, за моей спиной говорила, что мне одна дорога в будущем — в тюрьму. Наверное, они были не далеки от правды, разница только в том попадусь я в руки так называемого правосудия или нет.

— Я убийца. Зачем меня жалеть?

Она вздрогнула, жалостливый взгляд исчез.

— Зачем, Антон? Зачем ты их убил? Я не жалею их и не оправдываю. Я ничего не смыслю в ваших законах, но даже я понимаю, что ты не прав. Ты сам им приказал, и они послушались.

— Ты сама ответила на вопрос, — я горько улыбнулся, — Они послушались.

— Но как иначе?

— Свобода выбора, если ты избрал путь волка, отсутствует. Все верно, они не могли послушаться. А я не мог их не убить.

— Кому ты чего доказал?

— Никому и ничего, у меня тоже не было выбора. Если бы я их отпустил, то все посчитали бы, что Синица спекся.

— Кто знал об этом...

— Как видишь многие, они не держали в секрете то, что произошло в том подвале. Только за это я имел полное право их убить.

— Поэтому те, кто сегодня приходил тебя оставили в покое?

В покое? Нет, в покое меня никто не оставлял, и вряд ли оставит. Свободы выбора нет.

— Да.

Она замолчала, застыла в одной позе. Я, молча, вышел из ее комнаты. Если бы тогда, когда крутой парень из моего двора, предлагая вступить мне в его банду, обмолвился, хотя бы намекнул, что у таких, как мы, нет выбора в дальнейшем, может быть, я бы одумался. И жил бы как обычные люди. Но вряд ли он это знал. Я добился многого за эти годы. Меня стали уважать в определенных кругах, ко мне начали прислушиваться. Как и упомянул Митяй, у меня был талант — находить людей и нужную мне информацию. Каким-то шестым чувством я знал, где искать, у кого спрашивать. Инстинкт охотника или, может быть, мне помогает тот зверь, который живет во мне? Я не знал ответа. Всю жизнь, что я себя помню, меня сопровождала злость и боль, чувство ненужности. Даже мысленно я не любил возвращаться в те года детства. Беспризорник. Одиночка. Сирота при живых родителях. Гноящаяся рана на теле государства и пустое место для собственной матери. У меня не было семьи, я пытался создать свою. Кто знал, что у меня это плохо получится. Но я лучше расшибусь в лепешку, чем оставлю Кира. Я дам ему то, что никогда не было у меня — родительскую ласку и любовь. У моего сына должны быть родители и счастливое детство.

Лена... Девочка с телом женщины. Добрая, отзывчивая, не похожая на своих сверстниц, которым нужны только деньги и красивая жизнь. Женщина, которая пробудила во мне гамму эмоций, смогла забраться ко мне глубоко в душу. Женщина, которая победила дракона. Женщина, которую я люблю.

На следующее утро мы уезжали от бабки Тамары, она даже плакала при расставании. Настало время возвращаться домой. Я видел она рада, она устала скитаться. Скоро мы увидим сына.

Приехали мы в родной город через два дня. Я уже собирался звонить Казанцеву и попросить его привезти нам Кира, как Лена меня остановила.

— Подожди, я не хочу, чтобы он это видел, я не хочу, чтобы он видел меня такой. Сначала к врачу.

Девочка повзрослела. Я молча кивнул и позвонил Владу. Влад приехал к нам через час, выслушал Ленку, взял ее кровь на анализы и удалился.

Он позвонил мне на следующий день и попросил приехать.

— Я не знаю причин, почему вы решили избавиться от ребенка, но я категорически против этого, — сразу заявил мне он, не успел я даже войти в кабинет. Я растерялся.

— Посмотри на ее анализы... А, черт, ты все равно не поймешь! Неужели ты хочешь аборта?

— Она хочет, Влад, — я вздохнул, — Это ребенок Яна.

Влад оторопело на меня смотрел.

— Понятно, — наконец-то изрек он, — Но я, все же, настоятельно не рекомендую этого делать. Если вы, конечно, планируете дальше иметь детей. И не хотите потом проблем со здоровьем в целом.

— Все так серьезно?

— Серьезней не бывает, — кивнул он, — Хотя бы один аборт и все. Никакая клиника ей больше не поможет. Вспомни, каких трудов стоило зачатие и рождение Кирилла.

— Я все понимаю. Как ей это сказать?

— Я ей скажу, надеюсь, она поймет.

Она буквально вылетела из кабинета Влада. Такой реакции даже я не ожидал.

— Как бы ты меня не уговаривал со своим дружкой, я все равно сделаю аборт, —

накинулась она на меня. — Ни в этой клинике, так в другой.

— Опомнись! Ты хоть понимаешь на что ты себя обрекаешь?!

— Это ты все придумал, я смогу иметь детей! Это твоя идея, а Влад, как жалкая дворняжка выполняет все твои прихоти!

— Да примени ты логику, хоть раз в жизни! Зачем мне спасать чужого ребенка! — она побледнела.

— Я тоже не вижу смысла. Единственный ответ — ты любишь детей. Всех без разбору. Если учитывать твоё детство...

— Замолчи! Аборта не будет и точка.

— Нет! На этот раз я сделаю так, как я хочу!

Когда я приехал домой, слегка на веселее, Ленка закрылась в одной из комнат и не пустила меня даже тогда, когда я начал тарабанить в дверь. Было далеко за полночь, весь вечер после того как я уехал от Влада вслед за ней, я пил и думал. Теперь у меня был выход. Я знал, что делать, и, хотя мне это решение было ножом по сердцу, я все равно это сделаю. Я не смогу ее переубедить. Не связывать же мне ее по рукам и ногам! Единственный выход найти Яна. Возможно, вместе мы сможем ее убедить не делать этого. Я не знаю, что она себе там надумала, но для меня здоровье любимой женщины превышает всего. Да и права она... Я монстр и убийца не мог убить ребенка.

К поискам я приступил на следующее утро. Весь день я мотался по городу, дома Яна не было и, как сказали соседи, не появлялся он уже давно. Немного применив логику, я без труда вычислил, что дома его не было с того вечера в клубе. Скрываться он не должен, к нему никаких претензий со стороны Бересова не могло быть. Но почему-то он скрывался. Вывод был один: из-за Ленки. Сидит где-нибудь в притоне и напивается до чертиков. То-то я его обрадую. Сначала я дал маху и объездил все рестораны и более-менее приличные забегаловки. Когда объезжать стало нечего, я чертыхнулся из-за того, что не прислушался сразу к голосу разума, так как понял — сидит Ян на какой-нибудь квартирке и проматывает свою и так никчемную жизнь. После долгих раздумий я подключил к его поиску всех, кого мог, и к вечеру у меня был адрес.

Заходил я туда с опаской, неизвестно с какой компанией связался Ян и чего мне вообще ожидать от этой встречи. Все-таки я у него Ленку украл, в очередной раз.

Ян сидел на грязном, давно не мытом полу, голова опущена до грудной клетки, волосы сальные, да и вид его одежды оставлял желать лучшего. В квартире, а точнее в притоне царил хаос, дверь была открыта и неизвестно кто хозяин этого чуда света, так как народу здесь было пять человек. Пьяный алкаш, валяющийся в углу кухни, пару дяденек в возрасте, о чем — то спорили, сидя за распитием зеленого змия, Ян и какая-то девка, то ли обкумаренная, то ли перебравшая того же зеленого змия. Веселая компания, нечего сказать. К сожалению, на своем веку я слишком много наблюдал подобные сборища. Благодаря своей матери, выработался у меня стойкий рефлекс то ли отвращения, то ли полного равнодушия. Когда как, смотря, насколько мне это все напоминало детство.

— Ты от Коляна? Водки принес? — уставилась на меня девка.

Я не обратил на нее никакого внимания, и подошел к Яну. Первым делом пощупал пульс — живой. А потом ухмыльнулся — что ему будет? Такие не подышают, к моему глубокому разочарованию. Я взял его за лацканы и поднял, Ян съехал обратно в полулежащее состояние. Я проделал эту процедуру еще раз, все с тем же результатом. Я уж было замахнулся, чтоб вдарить ему как следует, как девица заголосила:

— Ты что делаешь, изверг! Еще окочуриться, мне здесь трупы не нужны. Не видишь, ломает парня.

— Ты, мразь, ты, что из него наркошу сделала?!? — прошипел я. Девка испугалась и от меня попятилась.

— Да не слушай ты ее! — раздался голос старика, до этого о чем-то увлечено спорящего, — Лариска, а ну заткнись! Это она про всех так говорит, будто ломает, саму ломает вот она и.... А он наш человек, по водочке уважает...

В этот момент Ян что-то пробормотал нечленораздельное и посмотрел на всех взглядом полутрупа.

— Стрелок, мать твою, очнись!

— Синица? Ты? — от лицемерия моей персоны он немного пришел в себя.

— Подъем, тебе говорят!

— Какого хрена ты здесь делаешь? — вроде бы начал злиться он.

— Да сам себя спрашиваю каждую минуту, и каждую секунду с тех пор, как пытаюсь отлепить твою задницу от пола!

Ян попытался улыбнуться из чего вышел кривой оскал, вздохнул.

— Вали отсюда, тебя не звали.

— Ты соображать начнешь? — начал заводиться я, — На хрена ты мне сдался! Наверное, я не просто так приперся сюда, перед этим поставив на уши весь город!

— С Ленкой что случилось? — выдохнул он, глядя на меня как на врага народа.

— Случилось, придурок!

— Я тебя закопаю, слышишь?! — он попытался встать, — Мало ты нам горя принес....

— На этот раз, себе скажи спасибо, идиот, — я замолчал, Ян соображал долго, но все-таки до его затуманенных мозгов начало что-то доходить. От чего он немного протрезвел и даже поднялся на ноги.

— Поехали.

Привез я его к нему же домой и проследил за тем, чтобы парень протрезвел. Времени у меня не было. Поэтому я вызвал Влада и тот, наскоро, в домашних условиях прочистил ему желудок и поставил систему, чтобы хоть как-то почистить ему кровь от того зелья, что он принимал за все это время. Ближе к полуночи Ян выглядел если ни как огурчик, то, как нормально соображающий человек. Он смотрел на меня хмуро и явно ждал объяснений моему странному поведению. Времени осталось совсем ничего, как сказали мои парни, Ленка записалась на аборт — завтра в одиннадцать утра. Я собрался с силами и заговорил. По мере того как я рассказывал — а рассказал я ему все, вплоть до последствий аборта — его лицо менялось. Сказать, что он удивлен — ничего не сказать. На какой-то период времени, после моего рассказа воцарилось молчание.

— Ты же не оставишь ее в покое? — глухо произнес он.

Я покачал головой. В ответ — молчание.

— Вам нужно договариваться, — изрек Влад умную мысль, — Я понимаю, что вы враги, но ради нее можно друг друга и потерпеть.

— Что ты предлагаешь? — посмотрел на него Ян. Я вздохнул и изрек свою версию.

— Меня она слушать не станет, связывать ее по рукам и ногам бессмысленно, только усугублю ситуацию. Если мы вместе попробуем ее уговорить...

— Ты предполагаешь, что после того, как я узнал, что она беременна от меня, я ее оставлю в покое? — зло бросил мне он, — Как бабу делить будем?

Первой реакцией была мысль — растоптать и уничтожить. Влад предупредительно встал между нами.

— Хватит себя вести как полные идиоты! — заорал он на нас. — И ты, — посмотрел он на Яна, — И ты, — следом посмотрел на меня, — Хотите одного. Оставить ребенка в живых! Не важно, какие у кого мотивы. Цель одна! А для этого проявите благоразумие и, черт вас возьми, выдержку!

Я отвернулся от них и уставился в окно. Влад прав. Выдержка здесь понадобится немалая, особенно мне. Я вздохнул, что ж, я знал, на что шел.

— Ты будешь ее видеть, пока она будет носить твоего ребенка. После родов, если она все-таки не одумается и не захочет его оставлять, я найду няньку...

— Если она не захочет видеть моего ребенка, я его заберу.

Я посмотрел на Яна.

— Что ж, если у него не будет матери, то хотя бы будет отец.

Глава 7. На распутье

*В жизни ты делаешь выбор и принимаешь решения,
но еще в жизни есть такая штука, как судьба.*

Наоми Уоттс

Куда бы ни приводила меня жизнь, еще никогда я не видела столь чудесного и прекрасного места. Ярко светило солнце, но не было жарко. Ветер чистый, мягкий, как будто нежно касался моего лица легким потоком воздуха. По обе стороны от меня стояли могучие, огромного роста деревья и поражали своим цветом: зеленый, чистый зеленый цвет, который не передаст ни одна картина маслом, ни один фотоаппарат, таких красок не сможет передать творение рук человеческих. Длинная дорога, на которой я стояла, была выложена гравием и имела песочный цвет. Здесь было уютно, хорошо, хотелось смеяться. Впервые за многие годы я почувствовала нескончаемое счастье.

— Здравствуй.

Я вздрогнула от неожиданности, но тут же моя душа словно запела — передо мной стоял Алексей.

— Где я? — задала я глупый вопрос, конечно же, это был Рай, на Земле нет такого места.

— В райском саду.

— Я умерла?

— Нет, еще слишком рано.

— Ты снова меня гонишь, — сказала я грустно.

— Это место нужно заслужить.

Я вздохнула. Конечно, он прав. Это нужно заслужить, Рай явно мне не светит. Кто я? Жена бандита. Можно сколько угодно твердить, что не такой судьбы я себе желала. Но что я сделала для того, чтобы что-то изменить?

— Уныние один из грехов, — он чему-то грустно улыбался, на мгновение я посмотрела в его глаза и многое что поняла. В них светилась невероятная нежность, любовь и что-то еще....

— Ты осуждаешь меня?

— Я не могу тебя судить, я люблю тебя, но я знаю, что ты делаешь ошибки, как и все люди...

— Люди... — словно эхо повторила я, — Когда — то и ты был человеком.

— Я хочу предостеречь тебя от ошибки, которая навсегда закроет тебе путь сюда.

Я поняла, какую ошибку он имел ввиду. Здесь, в этом месте, мне самой казалось это чудовищным.

— Дети от разных отцов, от людей, которые друг друга ненавидят, которых и людьми-то сложно назвать...

— И которых ты очень любишь, — нежно произнес он.

Я ошеломленно на него посмотрела

— Но это же неправильно!

Он взмахнул своими крыльями, тепло окутало меня и принесло долгожданный покой в мое больное сердце.

— Не путай религию с верой. Иисус любил всех одинаково. Человеческая любовь несравнима с божественной. Но у вас есть хотя бы это... Но, ты права, тебе придется выбирать.

Он уходил от меня, как и тогда. Мне вдруг стало грустно.

— Оставь ребенка.

Я проснулась, вскочила с кровати и включила свет. Как это жестоко с его стороны! Показать мне место, где я могу обрести счастье, поманить меня, а потом скинуть сюда, в этот жестокий мир! Но что он мне сказал? Оставь ребенка... Эти слова звучали во мне все громче, оставляя отклики в разных уголках моей души. Как я могу его оставить? Он будет вечным напоминанием Яна, своего отца. Я, конечно, не собираюсь оставаться ни с Антоном и ни с Яном, тем более я не нужна ему. А Антон? Я запуталась... Я знаю только одно — одна двоих детей я не потяну, конечно, у меня есть родители... О, черт! Как же я сразу об этом не подумала! Мой отец ни в коем случае не должен узнать о моей беременности. С его диктаторскими замашками он не позволит мне сделать аборт, если у Антона не хватило духа меня запереть под замок на ближайшие девять месяцев, то у Казанцева Виталия Данииловича его хватит. Все сложно, все перемешалось в моей голове. Что я делаю? Я не могу выбрать между двумя мужчинами, а значит нужно уйти. Уйти от них обоим. Так не будет легче, так будет правильно. Мысли о них не покидали меня, все смешалось в моей голове — Антон, Ян. Я не могу представить жизнь без Антона, и в тоже время хочу видеть Яна, просто болею этим. Что со мной? Я либо порочна, либо больна, вполне возможно, что и то, и другое. Но кто сказал, кто придумал эту сказочку про мораль? Что можно, а что нельзя? Такой ли уж грех любить двоих мужчин? Неужели человеческое сердце и душа настолько малы, что могут вместить в себя только любовь к одному человеку? Сплошные вопросы и ни одного ответа... Но правда одна — мне придется выбирать.

Час ночи, мне бы поспать немного, завтра трудный день, я решила на то, что не принимаю сама... Но так надо.

Оставь ребенка.

Эти слова как нож по сердцу. Что же мне делать?

Следующее, что я увидела, произвело на меня неизгладимое впечатление. На мгновение мне показалось, что я просто брежу.

Ко мне шли Антон и Ян. Вместе. Нога в ногу. А между ними вышагивал Влад, как барьер, стена между двумя врагами. Я не могла поверить своим глазам! Они встретились. Для чего? Для того чтобы я сделала выбор? Нет, Антон не позволил бы мне выбирать. А Ян знает?

Я не знаю, что видели они, смотря на меня в этот момент, какую из моих масок, но я чувствовала, как тугие тиски сжимают меня. Ян знает, иначе не явился бы сюда, да еще в обществе своего давнего врага. Теперь мне будет не просто выполнить задуманное.

— А где ж мой папик? — ехидно бросила я Антону, — Только его здесь и не хватает для полноты картины!

— Лена, я не знал... — произнес Ян, а я, вмиг всё поняв, не решалась на него взглянуть, поэтому смотрела на Антона. Выглядел он измотанным и бледным как никогда. Тяжело же ему далось спасение не его ребенка. И это только начало. Зачем?

— Антон, ты мазохист? — я игнорировала Яна специально, иначе боюсь, не выдержу его взгляда.

— В отличие от тебя нет, — устало проговорил он, — Я реалист, и я знаю, чем может

закончиться твой аборт.

— Это твои домыслы, — перешла я в наступление.

— Это заключения медиков, Лена! Ради Бога! Перестань усложнять жизнь!

— Это я-то ее усложняю? — вспыхнула я, — Убирайтесь оба, и никто никому не будет ничего усложнять.

Антон измученным взглядом посмотрел на меня и почти безжизненным тоном произнес:

— Я даю вам время поговорить. Столько сколько потребуется. Я думаю, вам есть, о чем поговорить.

— О, ты великодушен! — с издевкой произнесла я, в этот момент мне хотелось просто убить его. В очередной раз он не считался с моим мнением, предпочитая решать все за меня.

— Не испытывай меня, я далеко не великодушен, — с угрозой произнес он. Через минуту они с Владом ушли.

Я все также не смотрела на Яна и молчала.

— Когда ты ушла, я просто впал в прострацию. Ты не можешь себе представить и десятой доли того, что я тогда испытал. Ты кинулась к нему, не замечая никого вокруг. Я для тебя уже не существовал. Все это время я мучился, не понимал тебя. Как ты могла после того как он бросил тебя, наплевал на все? Да, я знаю, что это не совсем так, показуха. Теперь ты это тоже знаешь?

Я собрала в кулак всю свою волю и посмотрела на него. Лучше бы я этого не делала. Смертельная бледность, потерянный, просто убийственный взгляд, от которого мне захотелось завывать как дикому зверю.

— Тогда я видела только то, что во всей этой ситуации виновата я. Я не соображала почти, от страха... Только потом я поняла, как это выглядело со стороны...

— Ты понимаешь, что чуть не убила меня своим вероломством! — крикнул он.

Я горько усмехнулась.

— Еще раз крикнешь на нее, и я сверну тебе шею, — раздался голос Антона откуда-то. Конечно, он стоял за дверью, было бы глупо думать, что он действительно оставит нас вдвоем.

Ян побледнел еще больше, но вовсе не от страха, просто понял, что все, что было ранее, теперь не имеет никакого значения.

— Лена, я прошу тебя только об одном — оставь ребенка.

Я засмеялась, хоть и смех мой был нервным, с надломом.

— Представляю себе эту картину: я рожаю и по воскресеньям мы гуляем как одна дружная семья — я, ты, Антон и дети. Просто шведская семья! Спать мы тоже будем втроем?

Антон не выдержал и залетел в комнату со злыми глазами, а вслед за ним и Влад.

— Ты больная! — заорал он на меня.

— Еще раз заорешь на нее, и я сверну тебе шею, — вернул Ян его же слова.

— А ты что не против, да? — Антон стоял готовый накинуться на него, Влад встал между ними.

— Уйди, Влад! — зарычал Антон.

— Да посмотрите вы на себя! — бросила я им — Вы и минуты не можете находиться вместе, чтобы не перегрызть друг другу глотки!

— Ты не хочешь этого ребенка, я понимаю, — уже спокойно сказал мой бывший муж, — Я могу предложить тебе компромисс: ты вынашиваешь его, рожаешь...

— И я заберу его с собой, ты больше не увидишь ни ребенка, ...ни меня, — закончил Ян за Антона.

Смех, истерика — вот, что случилось со мной после их слов. Я хохотала как сумасшедшая, не в силах остановиться. Они загнали меня в угол, или я их. Кто знает? Понятно только одно — выхода я не видела, если я рожу ребенка Яна ни один из них меня больше не покинет, я не верю обещанию Яна. Вечное соперничество между ними и моя вечная боль. Безнадежно, глупо. Ловушка, которую я расставила на самую себя.

— Я согласна. А теперь уходите оба, я хочу побыть одна.

Уже неделю никуда не выхожу и не пускаю к себе в комнату никого, кроме Влада. Он единственный кто не затрагивает болезную для меня тему: ребенок. Мой молчаливый страж просто осматривает меня и уходит. Все время просит меня питаться правильно, но мне кусок в горло не лезет. Ни уговоры Антона, ни Яна, которые стоят за дверью на меня не действуют, я даже научилась не слышать их, отключать свой слух. Но так долго продолжаться не могло, я знала об этом, и поэтому они подключили тяжелую артиллерию — моего отца. Отец, конечно поначалу рвал и метал из-за такой непутевой дочери как я, но после того как я в очередной раз не открыла и ему дверь, здорово испугался. Поэтому махнул рукой и, смирившись со сложившейся ситуацией, присоединился к стенаньям «неблагодарных папаш», как он их называл. Все это было бы смешно, если не было бы так неправильно.

— Я вынесу эту чертову дверь, если ты и на этот раз мне не откроешь! — по всей видимости, терпение Антона кончилось. Я вздохнула, и поняла, что он исполнит свою угрозу. К двери я подскочила, боясь за ее невредимость, так как Антон принялся колотить в нее с новой силой.

— Ну, что ты делаешь? — вроде как жалобно простонал он, заходя ко мне.

— Пытаюсь прийти в себя, а для этого мне нужно было, чтобы вы не вмешивались. Но вы же не оставляете меня в покое, — я даже поморщилась, — Вам надо обязательно присутствовать возле меня. Чего ты боишься? — вскинула я свой взгляд на него, — Что я надумаю себе в одиночестве невесть что? Что я решу уйти от тебя? Я и так уйду.

— К нему?

— Какой же ты дурак! — воскликнула я и покачала головой, — Нет. Вы оба, да и мой отец перевернули мою жизнь, я все время чего-то боюсь, ожидаю новых и новых кошмаров. Я говорила тебе, что больше не хочу мириться с такой жизнью.

— И поэтому ты готова похоронить почти восемь лет нашей жизни? — он смотрел на меня с недоверием.

— Похоронить? — удивленно переспросила я, — А ты знаешь, наверное, именно так.

— Ты можешь, конечно, вычеркнуть из своей жизни меня, да даже отца, — усмехнулся он, — Но Кирилла ты не вычеркнешь никак. Да и другого ребенка, которого ты ждешь.

— Я ничего не хочу слышать об этом ребенке! Я просто его вынашиваю и все.

— Что я сделал тебе плохого, что ты так ненавидишь моего будущего сына? — в дверях стоял Ян, и голос его был отнюдь не дружелюбным.

— О, Боже! — простонала я, — Оставьте меня все в покое!

Ян подлетел ко мне, на глазах у изумленного Антона схватил меня за руки и сильно встряхнул.

— Отвечай! За что? — Антон, вопреки обыкновению, не стал вмешиваться, а просто смотрел на меня во все глаза, так же, как и Ян. Они оба ждали ответа.

И я, глядя в его глаза, неожиданно поняла истинную причину. Страх, вот что

руководило мной, страх того, что я плохая мать. Я вырвалась из цепких рук Яна и обрушила на них свою догадку.

— Я плохая мать. Я не могу защитить своего ребенка.

Ян стоял, открыв рот, а Антон фыркнул:

— Какая к черту ты плохая мать!

— А такая! — слезы навернулись на мои глаза, — Где сейчас Кирилл? Со мной? Нет! Я не видела его несколько месяцев. Я сижу тут и боюсь за вас обоих все время, что вас убьют, покалечат, вместо того, чтобы послать вас к черту и бежать со всех ног к своему сыну.

— Это не твоя вина, — глухо пробормотал мой бывший муж.

— Не бери все на себя! Никакие твои оправдания не умоляют моей вины. Что я смогу дать этому ребенку? — я машинально прижала свою руку к еще не округлившемуся животу, — Я не ненавижу его, я боюсь к нему привязаться, боюсь его полюбить...

По моим щекам потекли слезы, Антон глухо зарычал и буквально убежал из комнаты, потрясение Яна же было просто безгранично.

— Маленькая моя, — прошептал он и прижал меня к себе действительно как маленькую.

— Я устала быть маленькой. Пора взрослеть, раз уж я готовлюсь уже второй раз стать матерью, — улыбнулась я сквозь слезы.

— Почему? — хрипло прошептал Ян, я посмотрела на него, не понимая его вопроса, но он будто разговаривал сам с собой, — Почему я не засунул тогда свою гордость куда подальше? Отпустил тебя, не дал тебе время привыкнуть ко мне. Ты же любишь меня... И его ты любишь, — его глаза потемнели то ли от гнева, то ли от печали, — Что же я натворил...

— Ну, все, — натянуто рассмеялась я, — У вас обоих комплекс вины, да и у меня тоже. Ян, послушай меня очень внимательно. Сейчас пусть все идет, так как идет, не надо торопить события. Хватит соперничества, ругани, я устала от этого. Дай мне время. Я должна очень хорошо подумать над тем, как мне жить дальше.

Они оба оставили меня в покое. Я не знаю, что происходило между ними один на один, но при мне они не спорили и не проявляли недовольства. Отец часто навещал меня, и мы разговаривали с ним по душам, как в детстве. Пару раз правда, он упрекнул меня в бесшабашности и легкомыслии, потом махнул рукой, сказав, что после драки кулаками не машут. Но все же огорчение мне пришлось испытать. Моя мама не приняла сложившейся ситуации, хотя я больше чем уверена, отец рассказал ей все в приукрашенной форме. Она отказалась меня видеть и разговаривать со мной, заявив, что я превратилась в обычную... В общем, после этих слов я проревела полночи. Она была права. Были, конечно, и счастливые моменты — Кир снова был со мной. Он значительно подрос, и, кажется, даже не заметил моего отсутствия в его жизни. В любом случае меня это огорчало, но Антон и отец наперебой успокаивали меня, мол, это не от недостатка любви ко мне, а от того, что в этом возрасте дети принимают жизнь такой, какая она есть. Но все же Кир задал мне вопрос, один единственный раз.

— Мам, а почему тебя так долго не было?

Я растерялась, я не знала, что ответить на это своему пятилетнему сыну. Антон был рядом со мной в этот момент и ответил за меня:

— Просто мы уезжали, далеко — далеко и не могли взять тебя с собой.

Мой сын кивнул, крепко нас обнял и через минуту убежал играть со своей няней, которую Антон нанял недавно на период моей беременности.

— Почему ты не сказал ему, что-то вроде того, что я болела или...

— Знаешь, что я ненавидел в детстве? — перебил меня он, отвернувшись к окну, — Ложь. Когда мать уверяла меня, что это последняя бутылка, а на следующий день посылала меня за новой. Когда очередной ее хахаль обещал меня сводить в зоопарк, а через день забывал об этом и отпихивался от меня как от ненужного щенка, когда я напоминал ему об этом.

В груди что-то защемило, когда я представила маленького Тошку, обиженного на весь мир ребенка и никому ненужного.

— Я никогда тебе больше не солгу, — я обняла его за плечи и прижалась к его спине.

— Солжешь, — я угадывала его грустную улыбку на лице, — Не потому что ты плохая, а потому что нас не научили по-другому, — он внезапно повернулся ко мне, и внимательно посмотрел мне в глаза, — Но сына мы должны научить, слышишь?

Сколько же боли пришлось ему пережить? С каждым годом я узнавала его все больше и больше, с каждым годом мое чудовище становилось все больше человеком.

Шел четвертый месяц моей беременности, как в один миг Антон снова куда-то исчез, оставив меня на Яна, чем несказанно удивил нас обоих. Уезжая, Тошка объяснил свою поездку новым заказам своего агентства, но я шестым чувством чуяла, что вовсе не дела агентства погнажи его невесть куда. Все это было как-то связано с теми амбалами, что заявили к бабке Тамаре. Отец на мои расспросы хмурился, но отнекивался, говоря, что я стала излишне подозрительна. Ян вообще старался говорить со мной только о ребенке, наши личные отношения он не затрагивал, что очень меня радовало, но также он не затрагивал и темы, касающиеся Антона. Временное перемирие между ними продолжалось. Влад озабоченно хмурился, глядя на мой слишком округлившейся живот, говоря, что на этом сроке он не должен быть настолько явен. Я же чувствовала себя прекрасно, отчасти из-за того, что изнуряющий токсикоз перестал меня мучить. Да и вообще пессимизм Влада меня расстраивал. Испугал он меня еще раз, когда заявил, что вполне возможно я ношу двойню. Я настаивала на ультразвуке, Влад ворчал, что я его совсем измотала своими капризами, но исполнил мою просьбу. Выходила я от врача с довольной миной — плод один. Как-то незаметно для себя я полюбила ребенка, разговаривала с ним. Ян каждый вечер навещал меня, по нему можно было даже проверять часы.

Прошел еще месяц. От Антона было только два коротких телефонных звонка, на вопрос, когда же он соизволит притащить сюда свою задницу, он отвечал что-то неопределенное. Я от этого все больше погружалась в невеселые мысли, но беременность давала себя знать — по большому счету ни о чем кроме материнства я не могла думать долго.

Я лежала на кушетке и с удовольствием потягивала молоко — это была моя новая страсть, я могла поглощать его литрами, зато от одного только запаха мяса меня выворачивало наизнанку. Как бы еще кухарку не пришлось нанимать, впрочем, кухарка у меня уже была — Ян. Я с минуту задумчиво смотрела на стакан с молоком, мысли мои витали где-то между пеленками и ползунками, пока я не заметила, что на меня очень внимательно смотрит Ян.

— Мне кажется, у нас будет девочка, — наконец-то изрекла я.

— Девочка? — переспросил он.

— Ну, да, — я озабоченно потерла нос, — Ты знаешь, что девочкам просто необходима мать?

— Так же, как и мальчикам, — ответил на это улыбающийся Ян.

— И все-таки девочкам больше, — настаивала я, и внимательно воззрилась на него.

Лицо Яна просветлело.

— Ты любишь ее?

— Ее? Конечно, да.

— Никто не собирается у тебя ее отнимать, — уверенно произнес он.

— Но ты...

— Я всего лишь сказал, что, если ты захочешь, я заберу ребенка и уеду.

Я вглядывалась в его лицо и пыталась понять, о чем же он думает. Понимает ли он весь трагизм сложившейся ситуации? На что станет похожа наша жизнь, если у моих детей разные отцы, более того, заклятые враги? Сколько еще они будут мириться с обществом друг друга? Больше всего меня занимал другой вопрос: что мне делать, когда нет возможности не причинить боль одному из них? Мне придется выбирать, и видит Бог, как это для меня сложно. Я одинаково волнуюсь за них, их боль отзывается во мне с такой же силой, чувства каждого из них для меня важны. Куда приведет моя неуверенность, мои сомнения?

Последующая неделя прошла в розовых тонах: все время я проводила с Киром, и нам никто не мешал. Ян уехал по каким-то делам, я даже не стала спрашивать по каким, так как и так было понятно, что ничего законного, и даже Влад, наконец-то оставил меня в покое, вовремя вспомнив, что помимо меня у него еще есть целая клиника. Я наслаждалась обычными буднями, играми с сыном и тихим шевелением моей дочери у меня в животе. Как ни странно, уже на таком маленьком сроке я чувствовала ее шевеление. Возможно, она будет крупной. Временная передышка в моей нескончаемой внутренней войне меня расслабила, на время я забыла кто те люди, дорогие моему сердцу, но только на время.

Был поздний вечер, я уложила Кирилла спать, перед этим прочитав ему сказку. Собираясь почитать что-нибудь легкое перед сном, я взяла книгу и удобно устроилась на диване, как неожиданно раздалась трель телефона. Подняв трубку, я с удивлением услышала голос новой секретарши Антона Аллы.

— Добрый вечер, Елена Витальевна, — сказала она заикающимся голосом, — Простите, что потревожила вас в столь позднее время.

— Ничего, Алла. Все в порядке.

— Дело в том, что последний заказчик рвет и мечет, и требует встречи с Антоном Валерьевичем, а я никак не могу его найти.

— Но я думала вам известно, что Антон Валерьевич сейчас как раз в командировке по делам агентства, — сама не верила, что это так, но нужно придерживаться официальной версии.

— Антон Валерьевич звонил мне три дня назад и сказал, что будет дома в это время. Так его нет? — горько вздохнула Алла на том конце провода.

— Может быть, он задержался в дороге? — предположила я ровным голосом, а внутри все сжалось от дурного предчувствия, — В любом случае, как только он появится я все ему передам, Алла, — успокоила я ее, а она тяжело вздохнула, очевидно предполагая, что с заказчиком ей придется разбираться самой. Положив трубку, я сделала глубокий вдох и набрала номер Антона — так и знала «абонент не доступен»! Сейчас не время для паники. Почему именно в этот момент со мной рядом нет никого, кто смог бы здраво мыслить! Я набрала сотовый Яна — тоже вне зоны действия сети. Влад! Вот кто должен быть в курсе всех дел.

Влад скептически отнесся к моей панике и принялся, как всегда меня успокаивать, но

от меня все равно не ускользнуло, что разговаривает он со мной напряженным голосом. В другой бы раз я списала бы это на усталость и занятость, но не сейчас.

— Хватит мне зубы заговаривать! — рявкнула я на него, — Уж, за столько лет я поняла, что ты далеко не просто друг Антона. Выкладывай!

Влад вздохнул и нехотя сказал:

— Я сам ничего не понимаю. Антон должен был приехать сегодня днем, но его до сих пор нет. Мобильник вне зоны, парни встречали его на машинах, но с поезда никто не вышел. Они расспросили проводницу, по описаниям и по фамилии все совпало — Антон ехал в поезде в четырнадцатом вагоне, на станциях никуда не выходил, в вагоне ни с кем не общался. Но где он сошел, никто не видел.

— Проводница должна была видеть.

— У нее таких, как Антон целый поезд!

— Так что совсем ничего? — начала злиться я, — Никаких зацепок?

— Пока нет.

— Я сейчас приеду...

— Не надо, не приезжай.

— Я приеду, Влад. И упаси тебя Боже к этому времени не собрать более подробную информацию!

— Лен, я не один, тут все наши. Не думаю, что тебе это понравится, — он был прав как всегда, до сих пор я избегала встреч с людьми Тошки.

— А и не надо думать! Все, я еду.

Через четверть часа я была на пороге дома Влада. Хорошо, что у нас есть теперь такая няня как Елизавета Павловна, одинокая сорокалетняя женщина, которая полюбила Кира всей душой, я могла теперь быть спокойной за него во время моего отсутствия. Ох, как меня разозлила вечная таинственность Влада!

— Ну, здравствуйте, мальчики! — я величественно прошествовала мимо оторопевших парней, Влад смотрел на меня с упреком.

— Рассказывай, — приказала я Владу. Все-таки жизнь с Антоном меня кое-чему научила, я научилась добиваться того, чего я хочу. А хотела я на данный момент, во что бы то ни стало найти Тошку.

— Да рассказывать особенно нечего, — начал Влад, но, наткнувшись на мой угрожающий взгляд, понуро замолчал.

— Эй, цацка! Ты рамсы попутала? Ты куда пришла? — на меня двинулся здоровенный детина с хищным оскалом, глядя на его давно небритую рожу, лицом это не назовешь, я немного испугалась.

— Закрой хавальник! — ледяным взглядом Влад уставился на человекообразную обезьяну и таким же тоном продолжил, — Если, конечно твоя паршивая шкура тебе дорога.

— Ты что, Леший, охренел? — глаза детины сузились в щелочку, — Это твоя сука?

Раздался удивленный свист от парней, которые конечно меня знали, меня начала забавлять эта ситуация, но больше я поразилась убийственно холодному тону Влада. И это тот флегматичный Влад, который вечно сюсюкается со мной и не дает своими стенаниями мне спокойно жить?! Ухмылка на лице Влада читалась все явственней, со стороны можно было подумать, что он миролюбив как плюшевый мишка, но это, если не смотреть ему в глаза.

— Ну, во-первых, она не сука, — на распев сказал Влад, — А во-вторых, не моя. Но ты

прав — она ничего из себя не представляет, всего лишь жена Синицы.

У верзилы дернулся глаз, и он как-то неожиданно уменьшился в размерах, а потом под дружный гогот парней Антона ретировался с поля боя.

— Извините, — прошелестел его голос.

— Новенький, — пояснил Влад.

— Почему «Леший»? — меня не переставали удивлять диковинные клички.

Влад почему-то виновато на меня посмотрел и улыбнулся.

— Потому что моя клиника располагается в лесополосе.

Стесняющимся Влада я, конечно, видела не первый раз, но теперь этот образ у меня никак не хотел ввязаться с тем, что я увидела пару минут назад. Н-да... Чем дальше я во все это влезаю, тем круче. Может быть, Антон был прав, когда ограждал меня от всего этого? Не знаю почему, но к Владу я начала относиться с большим уважением, после того как он проявил характер. Все-таки я странная, мне бы в ужас прийти от того, что Влад двуличен, а я восторгаюсь!

— Ну? Влад, я жду.

— Похоже, Антон попал в ловушку.

— В ловушку?

— В принципе он знал, на что идет... За то, что он сделал, с теми тремя, он должен был заплатить, и заплатить по-крупному. Его могли просто убрать, и он это понимал...

Понимал?!

— ...но его решили использовать, а уже потом...

— Подожди, выходит он знал, что так или иначе его убьют? — Влад кивнул, — Тогда какого черта он полез в клетку со львами!?

— Ему нужно было выиграть время.

— Для чего? — я насторожилась.

— А это он тебе сам расскажет, когда мы его найдем, — и на этих словах, как в плохом фильме, зашел Антон.

— Синица, мать твою, живой! — повсюду раздавался тревожный гул голосов.

— Паршиво выглядишь, — изрек Влад.

— Тошка... — пролепетала я, не зная, что уже и думать. Выглядел он из рук вон плохо: осунувшееся лицо, щетина и взгляд какой-то полу стеклянный, мне даже немного стало не по себе. Он просто стоял и смотрел на меня несколько минут, как-то незаметно все покинули помещение, и мы остались одни.

— Зачем ты приехала? — спросил он жестким голосом, а я вздрогнула. Да, не такой прием я ожидала, и не этих слов ждала.

— Как ты? — это все, что я решила спросить.

— Я спрашиваю, почему ты не дома? — начал злиться он, — Хорошо же Ян за тобой присматривает.

— А я не вещь, за которой нужен присмотр! — вспыхнула я, — И, вообще, чего ты на меня орешь?!

Антон полоснул меня взглядом, круто развернулся, и напоследок сказал:

— Уезжай, Влад рассказал тебе даже больше, чем нужно, от меня ты объяснений не дождешься.

— Может мне сразу вещи собрать? — бросила я ему.

— Лена! — заорал он, развернулся ко мне, шумно вздохнул, и быстро подойдя ко мне,

обнял. Надо сказать, глаза у меня были на мокром месте, раньше я бы из-за этого реветь бы и не подумала, а вот в беременность чувствительность обострилась.

— Ну, что ты девочка... — сказал он, нежно глядя меня по плечам, — Уезжай, слышишь, не подвергай себя еще большей опасности, чем уже есть.

— Тошка, что дальше — то будет? — всхлипнула я и разревелась.

— Не волнуйся, я что-нибудь придумаю, — ласково произнес он.

— Придумаешь?! — у меня даже дыхание перехватило, — Ты окончательно сошел с ума? Во что ты вляпался? Что...

— Тише. У меня нет выбора поступить иначе.

— Чего ты ждешь? — вспомнила я слова Влада, — Какое время пытаешься выиграть?

Он молчал несколько минут, потом покачал головой и сказал:

— Выбор был не большим: либо я делаю то, что от меня хотят, либо пуля в лоб сразу. Я еще не избежал опасности, но подготовился. Теперь, чтобы меня убрали, они заплатят достаточно высокую цену.

— Господи, о чем ты?!?

Он нервно зашагал по комнате.

— Меня хотят наказать.

— Но почему, ты же сам говорил, что ты сделал все правильно.

— За одним исключением, — Антон выдержал паузу, — Один из тех троих был племянником очень высокопоставленного человека.

— Ты знал? — я смотрела на него, не мигая. Антон выдержал мой взгляд.

— Да.

Ужас парализовал меня. Выходит, он заранее знал, на что шел, заранее знал, что его убьют, заранее знал, что я скоро буду вдовой.

— Поэтому я тебе и твержу: поезжай домой, тебя не тронут, — я смотрела на него и про себя умоляла его, чтобы он сказал, что все это неправда!

— Не так давно ты просил меня вернуться к тебе, ты уже тогда знал, что возвращаться мне будет не к кому?

Антон отвел свои глаза от меня и тихо произнес:

— Я еще жив. И буду стараться выжить дальше, и ты мне очень поможешь, если сейчас вернешься домой.

Я круто развернулась и выбежала из дома Влада. Все сказанное не укладывалось у меня в голове. Он сознательно пошел на смерть, но верит, что выживет...или нет? О, Господи, помоги нам!

— Лена! — Антон выбежал вслед за мной, — Я люблю тебя, помни об этом, — и скрылся в доме.

Он сейчас что сделал? Попрощался со мной?

Ужас и паника. Я бежала сломя голову, совершенно забыв про такси, на котором приехала. Я слышала его голос: «Я люблю тебя, помни об этом», а в моей душе, в моем сердце уже сформировался ответ: «Я тоже тебя люблю!»

Зверское время, волчьи законы, но как выжить мне в этом мире? И что я сейчас делаю? Куда бегу? Я снова выполняю приказ Тошки, но ведь я не хотела от него уходить, я должна быть рядом...Я хочу быть рядом с ним. Я резко повернула обратно и побежала в сторону дома Влада. Я только надеюсь, что он не успел никуда исчезнуть. У него просто талант исчезать. Но больше я ему этого не позволю, хватит ему отпихиваться от меня, я не

сердобольная соседка из его детства и жалеть я его не собираюсь. Он хотел услышать ответы на свои вопросы, он их услышит.

Что-то толкнуло меня сильно в бок и подбросило. Боль, адская боль во всем теле. Визг тормозов. Темнота.

Белый потолок и яркая неоновая лампочка. Больница, я в больнице сомневаться в этом не приходится, стойкий специфический запах ударил мне в нос. Веки приподнимались с трудом, мутный мир вокруг меня, и неожиданно все стало ярко. Надо мной склонено лицо Яна. Странно, но я испытала разочарование от того, что это не Антон. Бок болел нестерпимо, но вообще жить можно.

— Ты когда-нибудь слышала о слове «разум»? — в его голосе отчетливо слышалась ярость, — Ты забыла об осторожности, для тебя хоть что-то значил этот ребенок?! — искривленное яростью его красивое лицо, бешено горящие глаза... Я убила свою дочь? Нет!!! Тысячу раз нет! Этого не может быть!

Как во сне я увидела, как в палату зашел Антон и тут же вцепился в Яна мертвой хваткой.

— Что происходит? Что ты ей сказал? Почему она кричит? Я заставлю проглотить тебя твои же слова!

Я кричу? Разве я кричала? У меня дыхание перехватило, я даже хрипа издать не могу, не то, что кричать? В палату влетела охрана, а за ними Влад.

— Что ж вы черти делаете в моей больнице!? — и ринулся разнимать их. Два диких зверя с жаждой крови... Как вообще я могла контролировать их раньше? Хотя если вспомнить, у меня это плохо получалось.

— Почему она не подумала о ребенке?! — отрывисто бросил Ян, его глаза по-прежнему горели яростью.

— Во-первых, это несчастный случай — она не могла знать, что так будет Ян. А во-вторых, анализ и ультразвук показали, что с ребенком все в порядке. Повреждена и явно в шоке только мать, — Влад по-прежнему сохранял спокойствие и благоразумие.

Девочка, моя девочка жива! Боже, какое счастье!

— Выметайся отсюда, пока я тебя сам не вышвырнул, — процедил сквозь зубы Антон, мрачнее грозовой тучи. Влад отрицательно покачал головой, смотря на загоревшиеся ненавистью глаза Яна. И Ян ретировался, на этот раз.

— Ты бежала ко мне? Ты хотела вернуться? — от его хмурого вида не осталось и следа, он смотрел на меня, и лицо его осветилось надеждой. В мое сердце прокралась нежность и намекнула, что собирается остаться там навсегда. Я улыбнулась ему, но тут же, улыбка сошла с моих губ, как только я поняла, какой опасности он подвергает себя, находясь здесь со мной.

— Ты почему здесь? С ума сошел? Ты сейчас, по меньшей мере, в лесу землянку должен выкапывать!

Сначала я увидела его смеющиеся глаза, а через секунду Топка смеялся, запрокинув голову назад. Я только головой покачала.

— Я, между прочим, не шучу.

— Я знаю, — ответил он мне, переведя дыхание, — Просто я счастлив.

— Ты издеваешься надо мной? Тебя хотят убить...

— И это я тоже знаю, — перебил он меня, и уже более серьезно произнес, — Возможно это мой последний раз, когда я вижу тебя... Ты же согласишься мне быть счастливым? Я не

требую от тебя многого. Просто дай мне поверить в то, что ты любишь меня, в то, что я твой единственный мужчина.

У меня перехватило дыхание, и какие-то тиски сжали грудь так, что стало нестерпимо больно, очень больно...

— Я заберу тебя сейчас с собой и буду сам за тобой ухаживать. Я купил квартиру. Туда мы и поедем.

— Тоша, нас найдут...

— Подари мне неделю. Всего лишь одну неделю, напоследок, — горечь в его словах и грустный, но все понимающий взгляд не оставил мне надежды. Неужели все? Все так закончиться? Он сдался?

— Скажи мне, что ты любишь меня, — таких молящих глаз я еще не видела, — Я знаю, что это ложь, я помню, что говорил тебе, что ненавижу это, но пожалуйста, солги...

— Я люблю тебя, Тоша.

— Спасибо, — он обнял меня нежно, отчаянно, даже не понимая, что сейчас я не лгала.

Всю дорогу в наше новое убежище он молчал, сосредоточенно глядя на дорогу.

— Из-за чего на самом деле тебя хотят убить? Что ты там такого увидел, Тош?

Он напрягся:

— Я же сказал тебе.

— Я не верю, что ты не смог оправдаться. Даже я понимаю, что ты защищал свою семью.

Тошка промолчал, но я не собиралась сдаваться.

— Из-за чего тебя хотят убить?

— Замолчи, я все равно тебе ничего не скажу.

Я горестно вздохнула и поклялась, что я все равно все узнаю. Пусть сейчас я и не вытяну из него правды, но потом...

Антон не стал особо мудрствовать и купил квартиру в нашем же городе, на окраине. Это было ветхое двухэтажное здание, с деревянными лестницами и полом. Глядя на него, не пропадало ощущение, что он вот-вот развалиться. Даже удивительно было, что в таком доме еще живут люди. Антон перехватил мой удивленный взгляд и усмехнулся.

— Я знаю, о чем ты думаешь. Ты думаешь, в какую дыру я тебя привез. Все не так страшно, как выглядит. Я, между прочим, вырос в подобном доме. И сейчас это именно то место где не будут искать Синицу, привыкшего к роскоши.

— Но ты сказал, что у нас только неделя...

— Да, у нас с тобой только неделя, — он внимательно посмотрел на меня, — Потом ты сможешь вернуться домой.

— А ты?

Антон промолчал. Бесполезно до него достучиваться, когда он сам не желает открыться мне.

Уже вечером сидя на старом кресле и вяло вслушиваясь в бормотания телеведущего, раздающиеся из старого черно-белого телевизора, меня посетила мысль. А что бы было со мной дальше не пойдя я в тот вечер в тот злополучный бар и не встретить я там Антона? И что было бы с ним? Прокрутив ситуацию и в ту, и в другую сторону, я пришла к выводу, что нам обоим было бы легче жить. Но что толку теперь об этом думать... Сейчас мы сидим в заброшенном доме, в квартире со старой мебелью, изгой... Я ношу под сердцем ребенка, ужасно боюсь, что не смогу быть для нее хорошей матерью, а дома вместо меня с моим

сыном сидит, по сути своей, чужой человек. А самое противное, так это осознание того, что такую судьбу выбрала я сама. Глядя на меня, Антон стал хмурым, и в глазах отчетливо проскальзывала мука.

— Ты настолько не хочешь находиться со мной наедине? Лен, Ян не для тебя, пойми ты это...

— Я не про него думала, а про нас, — перебила я Тошку, а в его глазах проскользнуло облегчение.

— Иногда мне хочется научиться читать мысли. Я никогда не знаю наверняка, о чем ты думаешь.

— В данный момент я думала о том, что было бы с нами не встретиться мы тогда, — не стала я врать.

— Ты жалеешь?

— Признай, что тебе было бы легче.

— О, да, — он усмехнулся, — Но ты изменила меня. То, что нам дано, это не просто так.

— Да ты романтик, — рассмеялась я, — Вот бы никогда не подумала.

Его лицо осветила улыбка, идущая откуда-то изнутри него, он покачал головой:

— Нет, я не романтик. Жизнь, которую я вел и веду сейчас, не позволяет мне быть им. Но зато я научился смотреть правде в глаза и не искать святости там, где ее нет, понимать очевидные вещи...

— Наши отношения, по-твоему, очевидны? — удивилась я.

— Я могу дать тебе то, чего ты хочешь, я могу любить тебя и не требовать от тебя больше того, чем ты в состоянии дать.

И в этом был весь Антон, эти короткие слова рассказали мне гораздо больше, чем тот монолог — воспоминания его детства. Как так получилось, что, пройдя с ним «огонь, воду и медные трубы», прожив с ним бок о бок столько лет, я только сейчас начала его узнавать по-настоящему? Неужели понадобилось такое большое количество времени для того, чтобы мы научились доверять друг другу? И научились ли мы?

Я подошла к нему и с удовольствием запустила свои пальцы в его темную шевелюру на голове. Поиграв шелком его волос, я начала исследовать его лицо, проводя, как художник по линиям. Его глаза в этот момент пристально изучали меня. Я отвлеклась на его широкие плечи, прощупывая каждый мускул. Почему я раньше не замечала, насколько красив мой бывший муж? Я вернулась к его лицу, и меня озарил яркий свет. Любовь, не яростная, бурная, вперемешку с желанием, а простая любовь того мальчишки, каким он был когда-то. Я чувствовала себя как странник, который долгое время искал свой дом и наконец-то нашел его.

— Что тебя гнетет, золото мое? — спросила я его мягким голосом, — Доверься мне, ты же знаешь, что я не предаю тебя. Все что ты мне скажешь, останется при мне.

— Я, кажется, знаю, что чувствовал Адам, когда Ева предложила ему вкусить запретный плод, — смеясь, ответил он, — Нет, дорогая, я далеко не неискушенный мальчик. Ты меня не убедила.

— Тоша, что ты теряешь...

— Изыди! — так же смеясь, он покачал головой.

— Я могла бы помочь тебе, — настаивала я.

Тошка внезапно помрачнел.

— А вот об этом даже не думай. Я никогда не взваливаю на твои плечи то, что должен нести сам.

Господи, какой же он упрямый!

— Я знаю, какой ты гордый. Но прошу тебя, попроси помощи у моего отца!

— Так вот к чему ты ведешь! — резко бросил он мне, — Хочешь, чтобы я как собачонка побежал к твоему драгоценному папочке!

— Я не понимаю, почему ты так упорствуешь.

— Хватит! Достаточно того, что все в округе считают меня прихлебателем твоего отца! Свои проблемы я решаю сам. Так было всегда, — он серьезно посмотрел на меня, — И женился я на тебе, не потому что ты дочь Казанцева.

«О, я теперь это знаю, любовь моя. Раньше я сомневалась в этом, как и в том, люблю ли я тебя на самом деле. Теперь, как ни горько мне это осознавать, я поняла, что люблю. Я, поняла это в больнице, испытав острый приступ разочарования от того, что лицо, склоненное ко мне не твое».

Ян...Прекрасный мужчина, к которому меня влечет, но не более того. Есть привязанность, а теперь будет общий ребенок. Как бы я хотела повернуть время вспять, чтобы не было того безумства, что я пережила с Яном! Нет, не из-за того, что я не люблю свою девочку, а из-за того, что теперь, с ее появлением все станет еще хуже. И чтобы я сейчас не говорила Антону, он все равно будет думать, что признание в любви — ложь из жалости. Это читалось по его походке, по его взгляду: он принимал мои слова, но не верил.

— Я верю тебе, — тихо прошептала я, и прикрыла глаза, боясь того, что он в них увидит: обожание, сломленную гордость и любовь. Он решит, что это игра, и от этого ему будет больно, а я больше всего на свете хочу, чтобы он поверил в то, что и его можно любить. Все до банальности просто: бандит, который передо мной стоял, человек держащий власть в своих руках, умеющий внушать ужас, на самом деле был одиноким мальчишкой, веривший в то, что его нельзя любить. Чудовище оказалось сущим ребенком, изрыгающее проклятия в адрес тех, кто не удосужился хотя бы попробовать его принять. Больное время, больные дети, и я не лучше его матери, раз рожаю в такое время...

— Ты опять плачешь? — укоризненно покачал он головой и внезапно помрачнел, — Прости, я дурак, я не могу заставить тебя смеяться и быть счастливой, насильно мил не будешь, кажется, так говорят, — он отвернулся от меня и ушел в спальню, я услышала, как скрипнули пружины под его весом. Да, Тошка, ты может быть и не в силах заставить меня быть счастливой, зато я могу сделать счастливым тебя. Я уверенно прошла за ним.

— Уходи, мне нужно подумать.

— Нет.

— Уходи или я за себя не отвечаю! — почти прорычал он, и посмотрел мне в глаза. Мне вдруг стало трудно дышать: огонь в его глазах, огонь муки и желания вперемешку.

— Если бы ты знала, как я тебя ненавижу и люблю в то же время! — воскликнул он, и тут же вскочил и грубо схватил меня за руки, — Ненавижу, потому, что ты была с другим, потому что носишь под сердцем его ребенка, потому что любишь не меня. Иногда мне хочется убить его, тебя...Черт!

— Может мне лучше уехать? — слабым голосом проговорила я.

— Я тебя не отпускал! — я даже вспыхнула от его властного голоса, — Ты обещала мне неделю.

— Боюсь, я не выдержу неделю с твоим настроением, — с горечью заключила я.

Он отпустил меня и отошел в угол комнаты.

— Такого больше не повторится, — услышала я его голос через минуту, — Больше никаких претензий, упреков. Просто дай мне прийти в себя.

И я вышла. Что могла я ему сказать в противовес его слов? Только то, что я его люблю. Но он не поверит, я бы не поверила.

Два дня пролетели незаметно и тихо, он как будто не замечал меня. Я совсем была сбита с толку, он просил у меня неделю и теперь впустую тратит ее. Любая попытка заговорить с ним наткнулась на стену холода в его глазах. Совершенно неожиданно я начала понимать, что мерзну от этого. Холод, которым он меня обдавал, леденил мне душу. Я не стала безразличной к нему, наоборот я чувствовала то же, что и он — безысходность. И никто кроме меня не мог это прекратить. Он свято верил в то, что заставил меня уехать с ним, вызвав жалость.

— Мы поменялись ролями, — подала я голос, впервые за этот долгий день. Он посмотрел на меня отсутствующим взглядом. — Не хочешь поговорить? — и снова молчание. — Ты зачем меня сюда привез? — начала я выходить из себя.

— А что ты ждала, что я накинусь на тебя как зверь?

Зверь! Он говорил мне об этом, когда — то давно. В этот момент он посмотрел на меня таким злым взглядом, что я поневоле вздрогнула. Подчинить, поработить, сделать слабым... Это то, что диктовало ему то чудовище, живущее в нем. Но теперь очень многое, изменилось. Любовь не могла сделать меня слабой, наоборот она давала мне силы, на борьбу за свое счастье. И в подчинении уже не было того жестокого смысла, было нечто другое — подчинение могло даровать свободу, чувственность легкость. И никакого порабощения. Мне нет дела до этого зверя, теперь я его не боялась. Но его боялся он.

— Ты не зверь, Антон.

— Ну, да! И это говоришь мне ты.

— Если он есть, борись с ним!

— А я что делаю все эти годы!

— Ты принимаешь его! — гневно бросила я ему, — Ты прикрываешься им, как щитом, вместо того, чтобы бороться и сказать ему нет, раз и навсегда!

Он пораженно на меня посмотрел.

— Ты думаешь это легко?

— Нет, черт побери! Это нелегко. Но хватит жалеть себя! Ты хотел, чтобы я подарила тебе неделю. Я тебе ее дарю, не зверю, а тебе! Что ты сейчас чувствуешь?

— Мне хочется тебя убить, — пробормотал он, — А еще хочется, чтобы ты заткнулась.

— Ты боишься.

— Нет.

— Ты боишься боли, которую причинили тому мальчику, когда постоянно изо дня в день отвергали его. Ты боишься нового разочарования, которое ты испытывал каждый раз, когда не выполнялись обещания. Тогда ты и впустил в свою душу своего демона, он давал тебе защиту от этого, но и требовал многое взамен. Но больше он тебе не нужен. Отпусти его. Выпусти его на свободу. Потому что я не собираюсь больше тебе лгать, уже более чем достаточно лжи в наших отношениях. До сих пор я не могла выбрать, не понимала своих чувств к тебе, к Яну. Но теперь я знаю, что я хочу. Отпусти своего зверя, он только мешает нам, потому что видит Бог, я люблю тебя.

Глава 8. Рухнувший мир

К катастрофе идет не народ, к ней идут отдельные личности.

Янош Кадар.

— Не слишком много на себя берешь? — ухмыльнулся он, но взгляд был пристальным, будто он силился прочесть по моему лицу.

— Я ничего на себя не беру. Просто говорю все как есть. Я люблю тебя. И я хочу быть с тобой.

— Выходит, ты сделала свой выбор?

— Да.

Надежда на его лице промелькнула, но тут же погасла.

— Слишком поздно.

— Ушам своим не могу поверить! Ты что отказываешься от меня?

— Ты убедила меня — со мной рядом опасно и тебе, и Киру, — в его взгляде была уверенность. Уверенность с примесью горечи.

— Я ничего не понимаю, — я была растерянна, да нет, просто убита его словами, — Ты что бросаешь меня?

— Бросаю ли я тебя!? — почти прорычал он. — Нет, дорогая, неделя еще не кончилась, у нас осталось пару дней. Потом ты уедешь домой, а на следующей неделе улетишь во Францию с Кирой. Навсегда. Влад передаст тебе билеты, визу и документы на дом, который я купил в Нанте, а также чековую книжку. Я открыл счет на твое имя в одном из банков. Денег хватит на всю оставшуюся жизнь. Выучишь сына, может быть, выйдешь еще раз замуж. Будешь жить так, как ты того хотела. — Его взгляд обдал меня жаром. — Но сейчас ты всецело принадлежишь мне! Два дня ты моя, и я не желаю тратить время на долгие разговоры и споры.

Он стремительно подошел ко мне и с тихой яростью впился мне в губы.

— Я хочу тебя. Раздевайся, — прозвучал приказ, не соблазнительный шёпот и даже не просьба.

Мало того, что он обрушил на меня все это как снежный ком, так он еще и уходил от разговора самым интересным способом, на которое только способны мужчины. Я покачала головой и отступила на один шаг.

— Нет.

— Нет? — вскинул он бровь, — И кто меня остановит? Ты? — что-то страшное творилось с его глазами...

— Не надо быть таким.

— Жестоким? Но я жесток! И всегда таким был! — вдруг он громко и зло рассмеялся — Да не смотри ты на меня так! Я не собираюсь тебя принуждать! Это не потребуется, ты сама захочешь.

Стукнуть бы его, чем потяжелее, чтоб опомнился!

— Антон, да что с тобой?! — воскликнула я, — Почему ты себя так ведешь?

Его глаза яростно полыхали, а в уголках губ залегла горестная складка.

— Почему? — едва выдохнул он, — Да потому что мне больно, черт тебя побрал! Потому что твое признание сильно запоздало, так как трупу вряд ли нужна любовь! Что ты

на меня так смотришь? Я не надеюсь выбраться живым, — он глубоко вдохнул в себя воздух и через минуту уже более спокойным голосом произнес:

— Все с самого начала шло кувырком. Я знал, на что я иду. Но ты не должна бояться, — Тошка стоял мрачнее тучи, руки в карманах брюк, напряженное тело, готовое к атаке в любую секунду, — Тебя не тронут, ты ничего не знаешь...

— Но я хочу знать! Я имею право знать из-за чего мне нужно уехать из страны, почему я лишуюсь тебя... — последние слова я прошептала, а Тошка закрыл глаза, лишь бы не смотреть на меня.

— Если я расскажу тебе, тогда и твоей жизни будет угрожать опасность.

— Но кто сказал, что она мне сейчас не угрожает! — крикнула я. — Только не прикидывайся дурачком! Я не настолько глупа, чтобы не понимать, почему ты отправляешь нас в другую страну. Опасность есть, так? Они не поверят, что я ничего не знаю. Ты просто обязан мне все рассказать!

— Я обязан обеспечить безопасность твою и сына.

— Антон!

Тишина долгая, мучительная, уже было поверила, что он, как обычно, ничего не скажет.

— Ты что-нибудь слышала о Бересове? — после долгих раздумий спросил он.

— Да. Довольно известный политик в нашей области. Внес много программ по защите детей и окружающей среды.

— А по совместительству смотрящий за областью: контрабанда оружия в страны Ближнего Востока, работорговля детьми, ну и, конечно, наркота.

— Понятно, оказался Бересов полным дерьмом, — осторожно произнесла я, — Не причем здесь ты?

Антон сел на диван, устался в пол и начал рассказывать.

— К бабке Тамаре тогда приехали его люди и тонко мне намекнули, что если не стану работать на них, то лишусь своей головы прямо там. Я, конечно, мог поперек них пойти, даже один, но Митяй на тебя глаз положил, ублюдок. Слава за ним идет такая, что даже проститутки бояться его как огня — мразь и садист. А когда тебя этот сукин сын увидел, у него аж слюнки потекли, на лбу было написано, каким пыткам он тебя подвергнет, сделай я неверный шаг. Я дал свое согласие, понимая, что в конце они от меня избавиться как от ненужного элемента в своей цепочке.

Пропал у них груз с оружием, который Бересов, тот же Батя, направил в Ингушетию. Не доехал состав, на полпути потерялся. Вот здесь я Бате и подвернулся со своими возможностями и талантами.

— Как в Ингушетию? Там ведь наши! Там... — у меня дыхание перехватило, а Тошка горько усмехнулся и продолжил:

— Батя, конечно, и не вспомнил бы про меня, если бы не тот инцидент с теми тремя подонками. А вернее одним, очень избалованным ублюдком, который по несчастью оказался племянником его близкого кореша. Итак, груз я нашел.

— И это все?

— Конечно, нет, — злорадно усмехнулся он, — Пока я Батин груз разыскивал, многое, что успел увидеть, — Тошка поднял на меня свои глаза, и я поневоле вздрогнула — столько ненависти я не видела никогда, — Я вышел на ту мразь, которая занималась подбором детей в восточные бордели для Бересова.

Я охнула, и сердце мое сжалось.

— Детям от десяти до тринадцати лет, не больше. Он скупал их у директоров приютов, куда вкладывал немалые деньги, причем из федерального бюджета. Как раз по той программе по защите детей, как ты говорила.

— Но как об этом не стало известно? Ведь это же дети!

— Не будь наивной! Кто сейчас заботиться о судьбе сирот? Кому они нужны? Все очень и очень просто: ребенок исчезал, а его отмечали как сбежавшего, неуправляемого с расшатанной психикой. На самом деле детей туда подбирали тихих и забитых.

Я нашел эту тварь и убил. Конечно, Бате это не понравилось, очень не понравилось, так как я нарушил его давно налаженную связь с борделями за границей. Чтобы найти очередного посредника понадобится очень много времени, для того чтобы проверить человека, ввести его в курс дела. ... Потом я сдал его груз с оружием фэшникам. Много денег Батя потерял, очень много миллионов долларов. Ну, а для своей страховки я "одолжил" у Бати всю его черную бухгалтерию по работоторговле и надежно спрятал, и на ухо кое-кому шепнул, что в случае моей смерти эти документы попадут туда, куда надо. Теперь понимаешь, какая редкая сволочь стоит у власти? Зачем я это сделал? Потому что сам сирота. Потому что они так или иначе меня бы убрали после выполнения задания. А так у меня есть один мизерный шанс остаться в живых.

Антон снова начал с двойным упорством разглядывать пол. Прошло минут пять не меньше, когда он поднял свои глаза, полные горести и решимости.

— Уезжай из страны. Ты верно подметила, я самого начала знал, что тебя не оставят в покое. Боюсь, что ты для них единственный козырь против меня. Не думай обо мне. Если я выживу, я приеду к вам. Уезжай, слышишь, хорошая моя...

Из глаз моих брызнули слезы. Я даже не могу передать, какая ярость клокотала внутри меня.

— Я уеду, черт с тобой! Но ты, сукин сын, приедешь ко мне! Ты не посмеешь сдохнуть, когда ты так нужен!

Тошка обнял меня и даже тихо рассмеялся:

— Узнаю тебя. Ты сама нежность и очарование, — он немного помолчал, а потом тихо и нежно произнес:

— Я не шутил. Я действительно не хочу тратить время на разговоры.

Я посмотрела ему в глаза. Ясный, чистый взгляд его серых глаз больше не обдавал меня холодом. Тихо вздохнув, я покосилась на свой заметно округлившийся живот — неужели я еще возбуждающе выгляжу? Тошка понял мой взгляд по-своему:

— Я не причиню ребенку вреда.

О, Господи, Тошка, я в этом даже не сомневалась.

Мне не спалось. Я в очередной раз прокручивала всю информацию, которую услышала от Антона. Неужели нет выхода? И какой же он упрямый! Даже слышать ничего не хочет о моем отце. И это в такой-то ситуации? Но боюсь, тут замешена не только гордость. Он не хочет подставлять никого, кто мне дорог. Но я не могу сидеть сложа руки!

Потихонечку пробравшись на кухню, и прикрыв за собой дверь, я включила давно забытый сотовый телефон и набрала номер отца.

— Ну, наконец-то, мать твою! — рывкнул он в трубку и вздохнул от облегчения — Ты чего вытворяешь? И это в твоём-то положении! Ты где пропадала? Где ты?

Я помолчала пару секунд и тихо сказала:

— Если ты закончил, могу ли я тебя попросить? — отец громко выругался, но трубку не

бросил.

— Как там Кир? — начала я с главного.

— Нормально. Ваша няня просто образец терпения и понимания. Я почти каждый день навещаю его.

— Спасибо тебе.

— О чем ты? Он мой внук. И твой сын, кстати, ты не забыла? — я только зубами скрипнула, — Надо полагать, Антон с тобой?

— Нет, его нет в городе, он спрятал меня и куда-то уехал, — почему-то соврала я. Пока не поговорю, ничего ему не скажу.

— А о сыне он не забыл?

— Он справедливо предположил, что с Киrom ты нам поможешь.

— Что ж, тоже верно. Зачем звонишь? Не удосужилась до этого отца известить, так что сейчас беспокоишься?

— Пап, поговорить надо.

— Да уж догадался, не дурак. Где ты?

— Я не могу сказать...

— Какого черта?!

— Пап, я, правда, не могу, на то есть причины, не злись. Давай возле причала в семь.

— Я подъеду, — вздохнул мой отец и отключился.

На улице почти рассвело. А я никак не могла придумать, куда бы отправить Антона с утра пораньше, чтобы не заметно улизнуть из дома. Было уже шесть пятнадцать, когда я решила действовать.

Широко открыв дверь в ванную комнату, я прошествовала к белому фаянсовому туалету и склонившись вызвала рвоту. На третий мой стон Антон подскочил как ошпаренный.

— Девочка, как ты? — Я посмотрела на него измученным взглядом, и ничего не сказала. Умылась холодной водой и с видом мученицы прошла в комнату. Топка с растерянным видом шел за мной.

— Может тебя в больницу отвезти? Давай я Владу позвоню, — ситуация принимала неверный оборот.

— Хватит с меня Влада! Меня от одного его вида уже мутит. Лучше съезди в аптеку, купи чего-нибудь от тошноты, — сказала я и прилегла на диван, прикрыв глаза.

Собрался он минут за пять и уехал, выжимая из машины все лошадиные силы. Ближайшая аптека была в пятнадцати минут езды, нужно торопиться. Быстро надев спортивный костюм, я выбежала из дома. Пройдя быстрым шагом пару кварталов, я поймала машину и доехала до причала. Отец был уже там. Он стоял, облокотившись о свою машину и нервно курил.

— Привет, — сказала я ему. Он кивнул и отбросил сигарету. Ходить вокруг да около не имело смысла, и я начала рассказывать ему все то, что узнала от Антона. Но не сказала где сам Антон, какое-то предчувствие предостерегло меня от этого. По мере моего рассказа лицо отца становилось все более отчужденным.

— Пап, я понимаю, что сам Антон никогда к тебе не обратится. За него прошу я. Я знаю, что у тебя достаточно связей, чтобы помочь, — закончила я. Отец достал новую сигарету и закурил.

— Я знал, что ваш союз добром не кончится, — изрек он, глядя куда-то в сторону.

— Пап, не начинай. Сейчас не время.

Он резко ко мне обернулся.

— Не время, ты права! А ты не хочешь поинтересоваться, каким образом я все это устрою? Тебя это не волнует? Ты кроме своего мужа уже больше ни о ком не думаешь! Кстати, мужа бывшего, прошу заметить.

— Я всего лишь, обратилась с просьбой, — удивленно проговорила я, не ожидая от него такой вспышки.

— Мой ответ «нет».

У меня возникло ощущение, будто мне вlepили пощечину, так неожиданно и резко прозвучал его ответ.

— Почему?

— Я не обязан объяснять.

— О, да, ты не обязан, — с горечью сказала я, — Ты вообще никогда не считал нужным объясняться со мной. Даже тогда, когда отправлял меня на все четыре стороны из родного дома после смерти Лешки.

— А ты жестока... — отец даже посерел лицом.

— Не более чем ты.

— Да, пойми ты... Я работаю на Бересова... И что я теперь укушу ту руку, которая меня кормит?! Ты хоть представляешь, где я буду после этого? — выпалил он.

В глазах потемнело, и мир пошатнулся. Большим усилием воли я заставила себя не терять нить сознания.

— Ты...ты...работаешь на эту... мразь? — с брезгливостью переспросила я. Отец промолчал. — И чем же ты занимаешься? Надеюсь, ты хотя бы в работоторговле не замешан?!

Отец уверенно посмотрел мне в глаза.

— Нет. Я бы с удовольствием открутил ему шею за это. Но... это бизнес, детка. Я не вмешиваюсь в его личные дела.

— Личные?!? — опешила я, — Папа, ты же любишь детей...ТЬфу, твою мать! После такого известия даже слова «любишь детей» приобретают другой смысл! Твоя помощь детским домам — блеф?

— Нет, — угрюмо произнес он.

— Бересов кормиться с этой же кормушки...

— Я не занимаюсь торговлей детьми! — заорал он на меня, — Теперь все? Какого черта, ты лезешь туда, куда нормальная баба и не подумала бы!

— Я хочу, чтобы ты помог Антону.

— Опять все с начала! — простонал он, — Пойми, девочка, — начал он, вкрадчиво заглядывая мне в глаза, — Антон переступил границу дозволенного, я не вправе вмешиваться.

— А как же я? Теперь я тоже в курсе. Меня убьют, папа, — я знала, что жестоко так с ним разговаривать.

— Этого не случится! Ты воспользуешься предложением Антона и уедешь за границу, поняла? Я буду помогать тебе.

— Папа, он тебе жизнь спас!

— А перед этим пытался ее отнять, — хладнокровно заключил мой отец, — Хватит! Антон умрет, а ты уедешь!

Я смотрела на него и не узнавала в этом чужом жестоком не человеке своего отца. Вот так, походя, он отправлял на смерть отца своего внука, человека, которого я любила...

Я развернулась и пошла прочь. Мир рухнул. Антон...Тошка...Любимый...Отец...Руки, убаюкивающие меня перед сном... Два горячо мною любимых человека и гигантская пропасть между ними.

Домой я зашла как в полусне. На дорогу назад ушло много времени. Но я даже не заметила этого. Стоя в дверном проеме, я облокотилась о дверь, пытаюсь прийти в себя. Мне нужно смириться с этим. Смириться можно, но можно ли понять. Господи, какой же дурой я была все эти годы! Я ведь никогда не задавалась вопросом, откуда в нашей семье такие деньги, наивно предполагая, что их можно заработать честным трудом. Чего еще я не знала? Помниться отец не сильно обрадовался, когда мы с Лешкой решили пожениться, почему? Теперь мне в этом виделся совсем другой подтекст. Зато в отношении с Антоном отец не вмешивался. И теперь спокойно говорит о его убийстве. Я судорожно вздохнула. Не думать, иначе я сойду с ума. Прийти в себя меня заставила другая мысль: Тошка дома, и судя по всему давно, но как-то подозрительно тихо.

Я прошла в комнату и увидела, что он сидит в кресле, бледный, и взгляд какой-то мутный.

— Антон, — позвала я его, он медленно повернул голову в мою сторону, посмотрел на меня, и молча, вернулся в исходное положение.

— Почему ты не спрашиваешь, где я была?

— Я не хочу знать.

Ущипните меня! Я что сплю?

— Тошь, это не то, о чем ты подумал, — осторожно начала я. Он усмехнулся и опять ничего не сказал.

— Тошь...Я не видела Яна, честное слово, и ни с кем другим я тоже не была...в этом плане.

— Тогда с кем ты встречалась? — он холодно на меня посмотрел, но, в то же мгновение, холод в его глазах исчез, и взгляд стал просто потерянным.

— Я не могу сказать...

— Хорошо, не говори.

Тут я малость обалдела. Ничего себе перемены в любимом!

— С чего это вдруг такое смирение перед судьбой? — не удержалась я от вопроса.

— Я достал тебя своей ревностью, да? — будто не слыша моего вопроса, спросил он, — Мне не хочется омрачать наш последний день. Уже не имеет значения, с кем ты будешь завтра.

Черт, почему же мне так больно от его слов! Я ведь хотела свободы, хотела жить по-другому.

— Я вижу, ты удивлена, — тепло улыбнулся мне он, но глаза были серьезными. — Знаешь, есть одна притча: «В одной школе Учитель по философии, заходя в класс, где сидел его самый лучший ученик, увидел, как тот ест рыбу, спросил его:

— Что ты делаешь?

— Я ем рыбу, потому что я ее очень люблю, — ответил ученик.

Учитель разозлился и ударил ученика.

— Ты не любишь рыбу! Если бы ты ее любил, то отпустил бы ее обратно в море. Ты любишь вкус рыбы у себя на устах, а значит, любишь себя».

— Вот так и я, — продолжил Антон, — Очень долгое время любил себя. Но сейчас все не так. Я отпускаю тебя в море, рыбка, потому что люблю.

— Отпускаешь? — хрипло пробормотала я, — Но я не хочу больше свободы! Я никогда не находила сил уйти от тебя, ты меня возвращал...А, впрочем, возвращалась я сама, если бы я захотела, ты бы меня не нашел. Ты моя зависимость, мой наркотик.

— Поэтому уходи.

— Ты не давал мне дышать! — выкрикнула я, — Я нуждалась в тебе даже тогда, когда ты был извергом, животным.

— Это не жизнь, — сказал он, — И это не любовь.

— Но сейчас все не так! Мы оба изменились. У нас есть шанс, Тошка! Прошу тебя, не отталкивай меня.

— Ты хочешь умереть вместе со мной? — глаза его вспыхнули гневом, — Но подумай, на кого ты оставишь Кирилла? Да и не имеешь ты права распоряжаться еще не родившимся ребенком!

Он прав. Я подвергаю опасности не только свою жизнь. А Кирилл? Если бы Антон знал насколько он прав — на отца Кира я теперь не оставлю ни за что. Воспоминания об отце, о нашем разговоре, повергли меня в еще большее отчаяние.

— Давай завтракать, — закрыл тему Антон, — Потом мы проведем весь день вместе, наш последний день. На утро ты уйдешь.

Утро. Я боялась его. Я гнала его в мыслях прочь. Пусть ночь задержится, не уходит так скоро. Пусть будет солнечное затмение, если оно способно подарить мне тьму, несколько минут. Пожалуйста.

— Я знаю, что ты не спишь, — раздался голос Антона за дверью. Сон...Сна не было и помине! Были только часы, стрелки которых передвигались с дьявольской скоростью.

Я открыла дверь, и, глядя ему в глаза, прошептала:

— Еще один день, пожалуйста. Один, я больше не попрошу тебя ни о чем.

Его лицо скривилось как от боли, но он промолчал и только отрицательно покачал головой.

Несколько минут ушло на то, чтобы собрать те вещи, которые я привезла сюда. Тошка вызвал такси. Он стоял и смотрел на меня. Несколько минут...Осталось всего лишь несколько минут.... Я сделала шаг в его сторону, а он отпрянул от меня.

— Попрощайся хоть, по-человечески, — почти прошептала я.

Было видно, что он собрал всю свою волю в кулак. С усмешкой на губах он медленно подошел ко мне и убрал упавшую прядь волос с моего лица.

— У тебя все будет хорошо, — произнес он, прижал меня к себе и легким поцелуем коснулся моего лба.

Всю дорогу к дому, я вспоминала только этот момент. Только эти воспоминанья помогали мне не вернуться обратно. Он со мной...он должен вернуться ко мне.

Как только я зашла в квартиру, навстречу ко мне выбежал мой сын.

— Мама! — радостно закричал он, а я прижала его к себе и почувствовала, что по моим щекам текут слезы.

— Мама, не плачь, мама!

Я сделала над собой усилие и улыбнулась ему.

— Мам, а вы опять уезжали далеко? И не могли меня взять с собой? — я коротко кивнула Киру, — Ты не волнуйся, со мной все в порядке, я ведь уже взрослый, — я невольно улыбнулась на эти слова. — А ты знаешь, дедушка приезжал ко мне каждый день! И он обещал, что через год, когда я еще вырасту, он возьмет меня с собой в поход. Мы пойдем в

настоящий лес! — ликование моего сына было безграничным, но вдруг он стал серьезным и тихо спросил:

— А где папа?

— Он не смог приехать. Но он очень любит тебя, Кир.

— А когда он приедет?

— Скоро, — как же больно, больно смотреть в его глаза и врать. Серые глаза моего сына, такие же, как и у Антона, смотрели на меня и верили мне.

Звонок Виктории Стрелковой на следующее утро вывел меня из равновесия окончательно.

— Привет, подруга, — ехидно произнесла Вика, а я про себя чертыхнулась, — Звоню тебе не просто так, как ты понимаешь. Поговорить надо.

— Кому надо? Тебе или Яну? — хмуро произнесла я.

— Нет, дорогуша, Ян не расположен на общение с тобой.

— Так чего тебе надо? — уже не скрывая своего раздражения, спросила я.

— Нам надо поговорить, — четко выговорила она.

Я вздохнула. Все-таки, она не чужой мне человек. Немного странно было осознавать, что Вика родная тетка моей, еще не родившейся, дочери.

— Хорошо. Где?

— Приезжай ко мне домой, часиков в семь, — прощепетала Вика и положила трубку. И зачем я только согласилась? Но может быть она сможет рассказать мне, что сейчас происходит с Яном. После того, как он в ярости вылетел из моей палаты, я больше его не видела. Долгое время он оставался для меня близким человеком, тем, кто помогал мне даже тогда, когда другие отворачивались от меня. Если бы не Ян, не знаю, что со мной было бы, когда Антон затеял свою глупую игру в кошки-мышки с Сизовым. И он отец моего ребенка. Я тоскливо посмотрела на телефон, желая всеми фибрами своей души набрать номер Антона. В пору завывать на луну...

Было около семи часов вечера, когда я последний раз посмотрелась в зеркало перед поездкой к Вике. Очень странно, но вторая беременность сделала меня моложе. Сейчас я была похожа на девушку — студентку, а не на беременную мать. Если в первую беременность я была бледна, как полотно, то сейчас мои щеки заливал здоровый румянец, а глаза, казалось, светились изнутри. Живот, не смотря на все страхи Влада, не был большим. Шел пятый месяц моей беременности.

Заходя в шикарно обставленную квартиру Вики, я все еще сомневалась в правильности своего решения приехать сюда.

— А ты поправилась, но знаешь, тебе идет, — скептически заключила Вика, внимательно меня разглядывая.

— Я беременна, дура, — грубо ответила я. Вика только усмехнулась на это. Не дожидаясь ее приглашения, я прошла в гостиную и села на мягкий диван.

— О чем ты хотела со мной поговорить?

Маска самодовольства и признания исчезла с ее лица, и Вика серьезным голосом спросила:

— Что ты намеренна делать дальше?

Я продолжала на нее смотреть, недоумевая, к чему она клонит. Вика замаялась, что-то пробормотала, и с серьезным видом продолжила:

— Я могла бы тебе помочь, то есть вам... Муж тебя бросил... Ян простит, но не сразу,

ему нужно время... Я дам тебе денег... на первое время должно хватить, а потом он все равно примчится к тебе, он просто болен тобой. Первое время я думала, что это пройдет, он забудет тебя, ты же посредственность, ничего особенного, но я ошиблась. Теперь появиться и ребенок. Не смотри так на меня. Мне и самой тошно от этих слов, — несмотря на то, что я услышала, в глазах Вики светилась ненависть. Если она меня ненавидит, тогда почему предлагает быть с ее братом? Что она задумала?

— С чего ты решила, что... — я на полуслове замолчала. Вика решила, что я Антону больше не нужна. Прежде чем что — либо говорить нужно узнать обстановку в городе. — Ты что собралась меня купить для своего брата? Как игрушку?

— Да. Мне самой противно, повторяю тебе. Но это для тебя тоже выгодно, возможно, ты не чувствуешь к нему каких-либо чувств, но у вас будет общий ребенок, да и твоему сыну нужен отец. Ян любит детей.

— Сколько я стою, Вика? — гневно произнесла я.

— Много. Слишком много, у нее не хватит денег, — услышала я такой знакомый голос Яна и обернулась.

Его лицо исказила гримаса гнева, и я была рада, что не я являюсь его объектом.

— Ты все слышал? — спросила пораженная его приходом Вика.

— Мне хватило. По самое горло. Когда ты перестанешь лезть в мою жизнь! — заорал он на нее, и тут же переключился на меня, — А ты чего сюда пришла?

Я вспыхнула и бросилась в коридор. Ни минуты больше здесь не останусь! Идиотская семейка! И какого черта я действительно сюда пришла?

Ян схватил меня за руку, когда я уже выбегала из подъезда.

— Стой. Не хватало, чтобы ты еще раз попала под машину! — я попыталась вырваться, но тщетно, он стальной хваткой вцепился в мою руку.

— Отпусти, синяки будут! — крикнула я на него.

— Лучше синяки, чем переломы. Так зачем ты приходила?

— У этой идиотки иди, спроси! Если бы я знала, о чем пойдет разговор вообще бы не пришла!

— Так это она тебя пригласила? — как-то сдавлено спросил он. Я зло на него посмотрела и ничего не ответила.

— Я думал... — начал он, но тут же замолчал, и через секунду холодным тоном произнес:

— Иди ко мне в машину, я отвезу тебя.

— Да пошел ты к черту!

— Иди, иначе не только синяки я тебе гарантирую! — заорал он на меня, и сам потащил меня к своей машине. Ян буквально впихнул меня на переднее сидение и пристегнул ремнем.

Ехали мы молча, он стиснул руль так, что иногда мне казалось, что выпусти он свою бешеную энергию наружу, вся машина разлетится на мелкие кусочки. Когда я увидела куда он меня привез, то запаниковала. Он привез меня к себе домой. Бесцеремонно вытащил меня из машины и чуть ли не втоптал меня в свой дом. Из коридора, где я продолжала стоять как истукан, он потащил меня в гостиную, толкнул на диван, и сам устроился напротив меня в кресле.

— Где Синица? — вот чего-чего, а этого вопроса я не ждала и продолжала тупо на него смотреть.

— Где Синица, мать твою! — заорал он на меня так, что я непроизвольно вжалась в диван. — Говори! — он подскочил ко мне и больно сжал мне руки.

— Да откуда я знаю! — заорала я в ответ на него.

— Врешь! Ты не представляешь, что сейчас твориться в городе! Я следил за вами, но потерял из виду в тот день, когда ушел из больницы. Этот промах много мне стоил. Где он?

Я продолжала молчать. Что-то произошло за ту неделю, что мы отсиживались в квартире, но что ума не приложу. Господи, Антону угрожает опасность, а я даже не могу предупредить его!

— Или ты мне сейчас ответишь, или я не знаю, что я сейчас с тобой сделаю! — Ян явно себя не контролировал. Я лихорадочно думала, что же мне делать, — Говори!

Я замотала головой, не в силах произнести что-либо.

— Подстилка! — бросил мне он, и в следующую секунду огонь обжег мне щеку, а на губах я почувствовала солоноватый привкус крови. Он вlepил мне пощечину?!

— Придурок! — заорала я на него, — Я действительно не знаю где он! — и, вырвавшись из ослабевшей хватки Яна, ринулась в коридор. Ян оказался быстрее меня и схватил меня на полдороги к выходу. Мы молча боролись, я почти не видела, куда я наношу удары. В одну секунду я почувствовала боль внизу живота. Только потом поняла, что произошло: в драке Ян задел мой живот. Мои колени подогнулись, и я медленно сползла по стене. Ян с мертвенно бледным лицом смотрел на меня с расширенными от ужаса глазами.

— Нет! — услышала я его крик, который походил больше на рев раненого животного.

Постепенно боль внизу живота ушла, но я не могла прийти в себя от шока, от осознания того, что сейчас чуть не произошло. Господи, чем я думала? Я чувствовала, просто знала, что с малышкой все в порядке. Удар не был сильным, вскользь, случайно, но липкий, едкий страх вынырнул из глубины и встал комом возле горла, мешая говорить.

Яна трясло как в лихорадке. Он стоял возле меня, не в силах сдвинуться с места.

— Лена, — позвал он глухим, сдавленным голосом, и я посмотрела на него. Не знаю, что было написано у меня на лице, но он рывком поднял меня и на своих руках донес до дивана. Сколько времени длилась тишина? Все это время ни один из нас не проронил ни слова. Он также держал меня, я не сопротивлялась, больше нет. Что-то сломалось в моей душе в момент драки, что-то такое, что привязывало меня к нему долгие годы. Мы чужие. Я не ощущаю того, что чувствовала с Антоном. Нет единения, нет понимания. С Антоном мы только начали познавать это, и видимо уже больше никогда не повторим.

Я настолько погрузилась в себя, что не заметила, как Ян выпустил меня из своих объятий, и теперь стоял и напряженно смотрел на меня.

— Выпей. Ты вся дрожишь, — еле выговорил он, так будто слова дались ему с трудом, и протянул мне чашку чая. Я несколькими глотками выпила и отдала бокал в его трясущиеся руки.

— Тебе нужно поспать, — снова сказал он. Я, молча, закрыла глаза. Да, нужно. Нужно набраться сил, чтобы жить дальше. И хотя я совершенно уверена, что Ян подлил в этот бокал чая успокоительное, я не собиралась спорить с ним и ругаться. Мне действительно нужно отключиться, упасть в спасительные объятия сна.

Я плыву куда-то. Вода прозрачная и будто светиться изнутри, теплая и ласковая. Берег уже недалеко, золотистый, переливается на солнце. Я уже на берегу, моя походка легка и непринужденна. Я знаю, что ждет меня в конце пути. Я улыбаюсь самой себе. Он ждет меня, он очень давно меня ждет. И я наконец-то иду к нему. Издалека я уже вижу его

умиротворенную улыбку, приветливо распахнутые руки, готовые заключить меня в объятия, где я, наконец-то, обрету мир. Еще пару шагов, совсем чуть-чуть. Антон! Тошка!

Один шаг и меня отбрасывает снова в море какая-то неведомая мне сила. Море теперь не теплое и ласковое, а безжалостная стихия, способная разрушить, холодное, могучее существо. Антон блекнет, исчезает. Меня выкидывает на берег. Я встаю и пытаюсь бежать, но словно стою на месте, я должна его остановить, он не может уйти, ведь я как никогда рядом с ним... Песок передо мной кружит в безумном танце и уже видны очертания волка с колючим, злым взглядом. Но мне не страшно, уже не страшно. Мне во что бы то ни стало нужно задержать Антона. Зверь встает на задние лапы и начинает принимать человеческое обличье. Его лики меняются один за другим — отец, Бересов, Ян...

— Зачем ты пришел сюда?

Я мгновенно просыпаюсь и вскакиваю с дивана. Просто сон. Но из коридора квартиры я слышу приглушенные голоса Яна и незнакомого мне человека.

— Ты не должен был сюда приходить, — холодно произнес Ян, но так тихо, что мне с большим трудом удалось разобрать слова.

— Меня вынудили серьезные обстоятельства. Ты же знаешь ситуацию в городе! — сказал незнакомый голос, но Ян раздраженно его перебил:

— Сегодня в одиннадцать. А сейчас уходи. Ты рискуешь не только своей шкурой, всегда помни об этом.

Я уже было решила плюнуть на все эти мужские игры и загадки, как прозвучали слова незваного гостя:

— Синица уехал из города сегодня.

Так-так! Значит, Ян присматривает за своим врагом, временное перемирие — это сказка для меня. Судьба сама посылает мне в руки эту информацию: Ян следит за Антоном. Ну, а я прослежу за Яном.

Дверь за посетителем захлопнулась, и я быстро легла на диван, притворившись спящей. С минуту ничего не было слышно, но я чувствовала он уже в комнате. Боже, где ж он научился ходить так тихо! Я медленно открыла глаза, сделав вид, что только что проснулась. Он стоял неподалеку от меня и невидящим взглядом смотрел в одну точку.

— Отвези меня домой, — тихо попросила я, а он, будто бы очнувшись, кивнул.

Конечно, ты меня отвезешь! Мужские игры не терпят женского присутствия.

Через сорок минут я была дома. Время бежало неумолимо быстро, но мне нужно успеть. Переодевшись в совершенно безликую одежду, я вызвала такси и назвала адрес Яна. Мы уже подъезжали, когда Ян вышел из подъезда и сел в машину. Тот же невидящий ничего вокруг взгляд, мне был на руку.

— А сейчас мы поедem вон за тем парнем на синем вольво, — быстро проговорила я водителю. Дядька неодобрительно на меня посмотрел, но поехал. Таксист оказался смышленным, поэтому ехали мы за две машины от Яна, не бросаясь в глаза. Мне оставалось только молиться, чтобы чутье Яна не подсказало ему о слежке. Ян свернул в проулок и подъехал к кафе «Фантазия». Это было недорогое кафе в нашем городе, куда периодически заходили обделенные достатком люди. Интересно, что он там забыл? Таксист предусмотрительно проехал мимо и остановился в двух домах от «Фантазии». Я заплатила, одарив его щедрыми чаевыми, и он, довольный, уехал. Дело осталось за малым — прошмыгнуть в кафе незаметно. Незаметно ходить я отродясь не умела. Поэтому оставался черный вход, куда посторонним вход был запрещен. Самое время вспомнить о моем

актерском таланте, что был в глубоком детстве. В очень глубоком детстве. Но делать было нечего, и я с невозмутимым видом прошествовала к черному входу.

Длинный узкий коридор с множеством дверей, из которых, то входили, то выходили официанты. И, конечно же, меня увидела одна из них, поняв по ее недовольному взгляду, что меня сейчас прогонят, я ляпнула с перепугу:

— Здравствуйте, я по поводу работы. Вам не нужна официантка?

Вот ляпнула, а! Хорошо, что одежда отлично скрадывает мое материнство. Девушка почти сразу потеряла ко мне интерес, и скучающим тоном произнесла:

— Вам нужно поговорить с менеджером, пройдемте со мной, — она развернулась и повела меня по коридору служебного помещения. На мое счастье менеджера не оказалось на месте и она, оставив меня ждать возле его кабинета, ушла по своим делам, напоследок бросив мне:

— Ждите.

Дуракам везет. Или новичкам? Впрочем, не важно, потому что я трижды дура и новичок в таком деле как слежка. Я с интересом осмотрелась, кабинет менеджера находился напротив кухни, откуда, просто был обязан быть выход в общий зал. Не раздумывая, я прошла на кухню, и как можно не заметнее попыталась пробраться к желанной двери.

Не заметно ходить я не умела.

— Так-так, и кто это у нас тут? — раздался голос позади меня, и я застыла как соляной столб.

— Ты новенькая что ли?

Поняв, что меня не собираются арестовывать за незаконное проникновение, и что мой вид не вызывает желания обвинить меня в международном шпионаже, я расправила плечи и посмотрела на человека, разговаривающего со мной. Молодой, симпатичный парень со смеющимися глазами, в белом халате, скорее всего, являлся поваром этого злачного места, разглядывал меня с интересом.

— Язык проглотила? Обычно язык проглатывают от моих кулинарных шедевров, а не от меня самого.

Я прыснула со смеху, но, тут же, взяла себя в руки. Юное дарование явно не страдало излишком скромности.

— А я менеджера ищу, — подала я признаки жизни и мило улыбнулась.

— Здесь его нет, обычно он в зале ошивается, болтает с барменом, — ответил мне он, не переставая меня разглядывать. Я занервничала.

— Я Паша, — потянул он мне руку.

— Лена, — отозвалась я, думая, как выбираться из всей этой истории.

— Ты так и не ответила, ты новенькая?

— Еще пока нет, вот, думаю, стоит сюда устраиваться или нет, — сказала я, пятясь к двери, ведущий в общий зал.

— Если хочешь не пыльной работы, то это самое то, а если хорошую зарплату, то... — он с улыбкой покачал головой, — То тебе не сюда нужно идти, а в ресторан «Планета», там официантки чаевые получают размером с месячный оклад здесь.

— Щедрый хозяин, — констатировала я. Замечательно! Окошко в двери позволяло окинуть весь зал.

— Новый. Раньше там хозяин скупой был, платил мало, и еда там была соответствующая. Месяц назад ресторан купил Казанцев, крупный бизнесмен, и денег не

жалееет на раскрутку ресторана, вот сам думаю перейти туда.

Эх, ничего себе! Я уставилась на Павла в немом изумлении. Папа как всегда в своем репертуаре. На фига ему ресторан?

— Ну, если ты еще не передумала, то пройди в зал, поговори с менеджером.

Я посмотрела в окошко и увидела, что Ян сидит в углу зала и беседует с незнакомым мне человеком. К ним подошел официант и протянул маленькую книжечку. Счет. Вот блин! Все пропустила!

— Спасибо, — ответила я Павлу, — Но для меня имеет большое значение размер заработка, — я вежливо улыбнулась, и пошла к выходу через черный вход.

— Пока, — сказал Паша. Я махнула ему рукой.

Вот так, Штирлица из меня не получилось, и единственно ценной информацией была та, что мой отец купил ресторан в этом городе. Выйдя из кафе, я прошла к лавочке в тени деревьев напротив заведения, села и принялась ждать. Отсюда прекрасно все было видно, зато не было видно меня, на улице темно, хоть глаз выколи, а улицы нашего города очень плохо освещались. Провал моей слежки был просто оглушительным. Чего я тут сижу, жду, я не совсем понимала, все равно за Яном мне не угнаться на своих двоих, а на машину денег не хватит. Да и эта беготня мне порядком осточертела. Ян вышел оттуда почти сразу после меня, сел в машину и уехал. Ночь, темно, и я как дура сижу на лавочке. Легкая добыча для маньяков. Идиотка просто. Нет, ну надо же такое ляпнуть! На работу я пришла устраиваться. В одиннадцать часов ночи!

— Ты все еще здесь? — пока я капалась в своих мыслях, из кафе вышел Павел и подошел ко мне. Вот как он меня увидел? Темень такая! Я подозрительно на него посмотрела.

— Ага, воздухом дышу.

— В твоём положении это полезно, — четко произнес он, пристально на меня смотря.

Какой замечательный парень, все замечает!

— Ты кто такой? — неприязненно спросила я.

— Я — Паша. А по поводу твоего положения догадаться не трудно, у меня жена на сносях, у вас, у беременных походка особенная, и взгляд.

— Какой ты проникательный, — не без издевки отметила я.

— Что есть, то есть, — подтвердил он, — Ты ведь не на работу пришла устраиваться.

— Это не твое дело, — огрызнулась я, а он согласно кивнул.

— Конечно, не мое, это так констатация факта.

— И что тебе от меня нужно? — я начала нервничать.

— Да, ничего. У меня просто смена закончилась, выхожу, смотрю, ты сидишь, вот и подошел.

— А если ничего, то, какого рожна ты тут стоишь со мной лясы точишь? — зло спросила я.

Улыбка Павла медленно сползла.

— Тебя кто-то обидел, а ты на мне отдуваешься, — снова озадачил он меня своим умозаключением. Я не нашлась, что ему на это сказать. Станный разговор и странный человек, в то же время читающий меня как открытую книгу. Это заставляет задуматься о том, что другие тоже видели то, что я хотела бы скрыть. Видимо на моем лице проскользнул страх, так как Павел поспешно добавил:

— Верно, мне Машка говорит — не лезь, куда не просят, век рыцарей закончился и

сейчас подобное смотрится, по меньшей мере, странно. У тебя были такие грустные глаза, что я подумал, что у тебя что-то случилось, захотел просто помочь. Я, знаешь, сколько девчонок беременных и брошенных своими парнями перевидал? — говорил он так искренне и сочувственно, что я невольно поверила и рассмеялась.

— И чем бы ты мне помог? Разве что женился бы на мне, раз я брошенная.

— Не, я не могу, у меня Машка есть, — испугался он, а я опять рассмеялась.

— Пока, Паша, — я встала и пошла в сторону дома, думая о том, что иногда, чтобы не сойти с ума, судьба подкидывает нам таких людей — чистых, искренних, таких как Паша, и невольно задумываешься — может быть, не весь мир погряз в жестокости и лицемерии? Может быть, мир еще не умер?

Домой я вернулась далеко за полночь. Спасть не хотелось, зато до страсти хотелось узнать, о чем таком интересном разговаривали Ян и тот незнакомец, и каким боком к этому имеет отношение Антон? Приняв душ, и закутавшись в халат, я легла на диван и принялась размышлять. Что мы имеем? Первое, Ян что-то скрывает, ну это и ежу понятно. Второе Антон уже уехал. Вопрос куда и зачем? И третье, что совсем не вязалось в общую картину, отец купил здесь ресторан месяц назад. Ох, к черту все это! Одни загадки, которые я ни в жизнь не отгадаю. Вот куда я лезу? Открутят голову и не спросят, как звать. Но знать правду хотелось очень. А жить хотелось еще больше. В конец измучившись, я легла спать, решив, что утро оно как всегда окажется мудрее вечера.

Утром меня разбудил противный звонок в дверь. Я решила стойко его игнорировать. На пятый трезвон к двери нехотя подошла няня моего сына и любезно пропустила Влада. Он, не стесняясь, прошел ко мне в комнату и даже не поздоровавшись, сказал:

— Я билеты принес, поедете поездом до Москвы, а там на самолете. Поезд завтра, в 19:00.

— Мне нужен третий билет.

— Что? — опешил Влад.

— Я что невнятно говорю? Мне нужен третий билет на более позднее время, скажем через неделю.

— Для кого?

Я уставилась на Влада. Неужели нельзя хоть раз не задавать лишних вопросов и просто выполнить то, что я прошу?

— Для меня.

— Чего? — Господи избавь меня от идиотов!

— Я не еду завтра, я еду через неделю. Завтра отправлю сына с няней. Теперь ясно? — терпеливо объяснила я, только Владу это не помогло. Он посмотрел на меня как на умалишенную, и часто заморгал глазами, нервный тик, наверное.

— Ничего мне не ясно. Антон четко дал команду — отправить тебя в Нант.

— Дал команду... — передразнила я его. — Влад, ну я очень тебя прошу, не усложняй, а? Ты же знаешь, я никуда не поеду.

— Да почему!?! Твою мать! — перешел Влад на крик, но не стал продолжать, наткнувшись на мой взгляд. Махнул рукой, бросил мне билеты на диван, и, направляясь к выходу, не без неприязни, сказал:

— Надоело мне с тобой нянькаться, ей Богу! Будет тебе билет.

Уж не знаю, оказалось ли утро мудрее вечера, но решение я приняла.

Первым делом, среди своего хлама в сумочке я откапала кредитку на свое имя, которую

когда-то очень давно дал мне Антон. Пользоваться этим новшеством я умела плохо, поэтому дико злилась. Но сейчас, когда наличные средства кончились, а мой дражайший муженек укатил в неизвестном направлении, я чуть ли не расцеловала эту кредитку. Надела самую обычную одежду, но которая скрывала мой живот, я сначала прошвырнулась по магазинам и прикупила пару костюмов, которые меняли меня до неузнаваемости. Во-первых, цвет. Черный и синий не носила почти никогда, предпочитая зеленый, красный и бежевый. Во-вторых стиль у меня всегда был элегантный, ну на худой конец спортивный. Эта же одежда отличалась модным стилем, молодежным. И опять-таки, очень умело скрывало мое материнство. Придя домой, я примерила обновки. Довольно хихикнула, и еще немного покрутилась у зеркала. Все-таки красоту ничем не испортишь, изменения во внешности мне шли, даже очень. Всю вторую половину дня я собирала вещи Кирилла. Няня Киры была просто счастлива от того, что я на время отправляю ее во Францию, она без умолку тараторила, что никогда не была за границей, и сетовала по поводу того, что не посетит Париж. Я клятвенно заверила ее, что как только прилечу к ним, мы обязательно посетим сей замечательный город. Та лучезарно улыбнулась, и кажется, всем своим видом подтвердила знаменитую фразу: «Увидеть Париж и умереть». В семь вечера поезд тронулся, увозя моего самого любимого и дорогого человечка. Но я была счастлива, так как чем дальше он отсюда, тем безопаснее для него.

Следовало приступить ко второму плану действия. Так как шпион из меня никакой, и я могу до потери пульса следить за Яном и ничего не узнать, я решила действовать по-другому. Стоило с Яном помириться, на время конечно. И хоть решение далось мне нелегко, это был единственный верный вариант, так я и услышу больше, а если повезет, то и увижу. К чему меня все это приведет, я понятия не имею, но интуиция мне подсказывала, что информация каким-то образом поможет Антону. Ян был зол на меня, очень. Но есть одно средство, которое заставит его прилететь ко мне сию же минуту, и простить мне все прегрешения — ребенок. Я набрала сотовый Яна. Трубку он взял не сразу, видно раздумывал, стоит ли вообще со мной разговаривать. Я, шмыгая носом и почти плача, прокричала ему в трубку:

— Ян, пожалуйста, приезжай... Я бы не попросила тебя, мне просто не к кому обратиться...

— Что с тобой? — испуганно спросил он, и так и не дождавшись ответа, сказал-

— Ты дома? Я сейчас приеду!

Итак, шаг сделан и назад пути нет. Я переоделась в обновки, прошла в ванну, достала заранее купленный флакончик с жидкостью для увлажнения глаз и закапала. Шмыгнула носом, и осталась довольна произведенным эффектом. Через две минуты глаза у меня слезились во всю, вот только румянец на щеках несколько портил картину. А через десять минут в мою квартиру раздался звонок. Я с разнесчастным видом пошла открывать. На пороге, как я и ожидала, стоял запыхавшийся Ян. Тут я весьма кстати побледнела от страха, так как хорошая я актриса или нет, это вопрос. А вот что со мной будет, если он догадается? И для закрепления результата, чтобы его особенно проняло, рухнула ему на руки, якобы без чувств. Ян подхватил меня, ногой захлопнул входную дверь, и в следующие минуты я слышала только его встревоженный шепот: «Боже мой...». Потомившись в ожидании, минут пять, я соизволила очнуться, а дальше притворяться даже не нужно было. Взгляд у меня, по всей видимости, был и так испуганным, только не состоянием здоровья, а видом Яна. Был он бледен, грудь от тяжелого дыхания ходила ходуном, на скулах играли желваки, а глаза

светились злостью. Что-то я перемудрила с игрой. Увидев, что я очнулась, он принялся кричать на меня, да так, что в ушах звон стоял.

— Что ты опять натворила?! Куда ты влезла? Почему ты в таком состоянии?!

Я разревелась, надо сказать по-настоящему, от злости. Отвернулась от его пристального и злого взгляда, и сквозь зубы процедила:

— Убирайся к черту! Никуда я не влезала! Себе спасибо скажи за мое состояние.

Намек я дала ему четкий и жестокий. Ничего, пускай помучается. Но чтобы совсем понятно стало, прижала руку к животу, как раз в то место, куда пришелся его недавний удар.

С минуту была тишина, потом резкий звук разбивающегося стекла. Я обернулась и увидела, что от зеркала остались одни осколки. Ну что за манера крушить мебель! Он стоял ко мне спиной и мелко дрожал, голова опущена. Может я перестаралась? Хотя нет. С ним сейчас по-другому нельзя.

— Уходи, — еще раз сказала я ему в спину, надеясь на совершенно другой результат. И тут он повернулся ко мне, и я поняла, что точно перестаралась. Никогда не видела, чтобы он плакал. Но сейчас... У меня даже сердце подпрыгнуло и замерло.

— Я уже уйду, — прошептал он и действительно направился к двери. И что он бросит меня в таком состоянии? Зря боялась. До двери он дошел, и медленно осел возле стены, глядя в пол.

— Можешь гнать меня поганой метлой, все равно не уйду, — сказал он через какое-то время, — Можешь винить меня и проклинать, и будешь права. Я не должен был тогда... идиот...

Мне даже стало жаль парня. Но назад пути нет, тем более, когда речь идет о жизни дорогого мне человека.

— Ян, — прошептала я, решив, что пора идти на мировую, — Увези меня к себе. Не могу здесь больше оставаться, в пустой квартире, где все напоминает мне... — тут я благополучно заткнулась. Главное саму себя не убедить в том, что Тошка меня бросил. Он вернется, обязательно вернется, нужно только помочь ему в этом. Ян долго всматривался в мое лицо, видимо, с трудом веря в услышанное, а я решила закрепить результат:

— Помоги мне его забыть.

Дальше он не всматривался, слова произвели на него впечатление, а я опять подумала, что перестаралась. Да, актриса я тоже никудышная. Он бережно поднял меня на руки, я пискнула, что нужно собрать вещи, а он мотнул головой. Только после того, как посадил меня в машину, он поднялся обратно в квартиру, где пробыл с добрых полчаса. Вышел он оттуда с большим дорожным чемоданом, засунул его в багажник, и мы, наконец-то, тронулись с места. В машине он то и дело поглядывал на меня, а я, томно прикрыв глазки, про себя молилась всем святым, чтобы не дай Бог, мы не врезались куда-нибудь, так как, было совершенно не понятно, куда он смотрит чаще — на меня или на дорогу. Благополучно доехав до его дома, чему я несказанно обрадовалась, я перекочевала из машины в его заботливые руки. Интересно, он так и будет меня на руках носить? Я ведь привыкну. Я невольно улыбнулась, получилось это видимо мило, так как Ян расцвел на глазах. Вот так в благодушном состоянии, мы добрались до его квартиры. Ян сразу исчез на кухне, откуда продолжительное время я слышала звон посуды. Потом он предстал передо мной с тарелкой супа.

— Ты, наверное, голодная? — как-то неуверенно спросил он, а я поняла, что действительно проголодалась. Взглянув на часы, я поздравила себя с тем, что обедаю я явно

поздно — десять вечера. Ян ушел в другую комнату и на глаза мне больше в этот вечер не показывался. Где-то в одиннадцать мне захотелось спать, и я уснула, думая о том, как доехали Кир с няней.

Проснулась я от криков. Быстро вскочила с кровати, обнаружив себя в одном белье. Странно, я даже не почувствовала, что меня раздел Ян. Именно из комнаты Яна и доносились крики, причем кричал он сам. Я рванулась туда, распахнула дверь. Ян метался по кровати, лоб в испарине, и вообще выглядел он паршиво.

— Сергей, назад! — кричал он. — Там засада!

— Ян! Ян, проснись! — крикнула я, не решаясь подойти, зрелище было жуткое. Но, в то же время, мне стало так жаль его, видевшего войну, которая не отпускала его даже во сне, что я плюнула на свой страх, подбежала и принялась его трясти:

— Ян, милый, ну пожалуйста, проснись...

Наконец он открыл глаза, и я невольно отшатнулась, вернее даже сказать метнулась в другой угол комнаты, настолько диким было выражение его глаз, спина покрылась холодным потом. Господи, с кем я взялась в игры играть?! Если он поймет, он не пожалеет меня. Он тяжело вздохнул, взгляд стал осмысленным, и у меня отлегло от сердца. Ян, молча, смотрел на меня.

— Ты кричал, — решила пояснить я, он кивнул головой, встал, подошел к окну, взял сигареты и закурил.

— Я могу чем-нибудь...

— Нет, — отрезал он, и опять тяжело вздохнул. Я уже было собралась уйти, как прозвучал его голос:

— Эти сны мучают меня несколько лет. Они начались еще там... Хорошо, что я еще не каждую ночь их вижу. Прости, что напугал.

— Может быть я...

— Нет, — сказал он на этот раз мягко, — Ты не сможешь мне ничем помочь, — с минуту он молчал, а потом неожиданно спросил:

— Как ты хочешь ее назвать?

— Мариной, — ответила я.

— Хорошо, что это девочка, а не мальчик. Она не увидит все прелести войны.

— Грязи и здесь полно, мне, например, не повезло, — усмехнулась я и покинула его комнату.

Утром ночной инцидент почему-то не выходил у меня из головы. Встала я не с той ноги, и была зла на весь мир. Хотя, что душой кривить, злость моя носила определенный характер. Когда я решила использовать Яна с целью помочь Тошке, то видела в нем врага мужа, того, кто использует любую возможность, чтобы причинить Антону вред. Сегодняшняя ночь показала мне, что Ян не только противник Антона, но и человек, который прошел ужасы войны, со своими страхами, слабостями. В общем, начала я его жалеть, оттого и злилась. Нельзя испытывать жалость к человеку, цель которого уничтожить моего мужа. То, что Ян ненавидит Антона, было яснее ясного.

По комнате я металась, как зверь в клетке. Сколько длиться этот кошмар? Я уже не помню, когда в последний раз могла спокойно спать, любить без опаски, играть с сыном. Чем я сейчас занимаюсь? Лгу, притворяюсь, пытаюсь предотвратить гибель Тошки. И еще не факт, что я смогу. Должна. Если хочу быть с ним. Тошка, где же ты?

Я не знала, как мне относиться к Яну, кто он мой друг или враг моего мужа? Одно

оставалось неизменным: я не отступлюсь от намеченного плана. Но Ян начал избегать меня, несмотря на то, что я дала понять ему, что хочу забыть Антона.

Сегодня утром он тихо проскользнул на кухню. Был он там несколько минут, после чего снова вернулся в свою комнату. Я не понимала его поведения: вроде бы путь свободен, дерзай мальчик, а он ведет себя как послушник перед постригом в монахи. На него это совершенно не похоже.

Я тихо постучалась в дверь его комнаты и вошла. Ян не обратил на меня ровно никакого внимания, я же заморожено смотрела, как он быстро и в такт отжимается, а его мускулы красиво перекачиваются по широкой спине. Наконец, он встал, и, вытираясь полотенцем, беспечно спросил:

— Ты что-то хотела?

— Нет, ...я...да. Ян, ты меня избегаешь? — решила я спросить напрямик. Он улыбнулся, вышло это фальшиво, да и выглядел он через чур напряженным.

— Нет, детка. Я тебя не избегаю, я даю тебе время привыкнуть ко мне.

Я ошалело на него посмотрела. Детка. Ничего себе, что не куколка-то? Не нравится мне это. А с другой стороны, кто мне сказал, что будет иначе? Дураку понятно, что он мне не верит, и рассказывать ничего не станет. Я знала, что мне будет нелегко. Времени мало, а я ни на дюйм не продвинулась в своих изысканиях.

— Давай сходим в ресторан, а то готовить нет охоты, — предложил он мне. Возникло чувство, что все это неспроста, уж слишком любезно и официально, что ли, он со мной разговаривает.

— У нас только один ресторан, и готовят там паршиво, — заметила я.

— У тебя устаревшие сведения, — сверкнул он улыбкой, — Там новый шеф-повар, и готовит он — пальчики оближешь.

Сомнений быть не могло, звал он меня в ресторан моего отца и знал это наверняка. Вопрос только зачем? Или я все придумала, и он просто хочет накормить меня вкусным ужином. Головоломка никак не хотела складываться. На сегодняшний день были одни вопросы: зачем отец купил этот ресторан и для чего Ян меня туда ведет? Отец не нуждался в дополнительном доходе, да и вообще ресторанный бизнес не его сфера деятельности. Еще более интересный вопрос — почему он держит покупку втайне от меня? Ведь если бы не случай я не знала бы об этом до сих пор. А с другой стороны, отец никогда не обсуждал со мной свои дела. И Ян молчит, слово из него не вытянешь. Все так запутано, что мне ничего не остается как пойти туда и выяснить все на месте. Не исключено, что все это не имеет смысла и всего лишь мои домыслы.

В ресторан мы прибыли во втором часу дня, зал был пуст, только в отдаленном углу сидела парочка. Услужливый официант принес нам меню, и я углубилась в его изучение. Остановила я свой выбор на салате «Микс» и апельсиновом соке.

— Какие люди! Не может быть — Стрелок! Да еще с такой очаровательной дамой! — раздался хриплый голос за моей спиной, я увидела подошедшего и вздрогнула. Шел к нашему столику изрядно подвыпивший парень по кличке Шейх. Видела я его всего один раз, но запомнила на всю жизнь — такой шрам через все лицо вряд ли кто способен забыть, а самое интересное, что слава за ним ходила, что любую он в постели ублажит, оттого и баб у него водилось несчетное количество, впрочем, за что и получил он свою кличку. Шейх посмотрел на меня повнимательней, и сразу стало ясно, признал, ведь знакомил меня с ним не кто иной, как Антон.

— Не зря братва на весь город шумит, что ты с Синицей бабу поделить не можешь, — сказал он Яну, после пятиминутного созерцания моей красоты, хотя по мне красота самая что ни на есть обыкновенная.

— Чего тебе нужно, Шейх? — не очень дружелюбно отозвался Ян.

— Потолковать нам с тобой нужно, о том, о сем, — вкрадчиво заговорил он, — И верные ли слухи идут, — на этом месте он гадливо улыбнулся, так, что у меня мороз по коже прошелся. Такому лучше поперек дороги не вставать.

— Что-то ты темнишь, бродяга... — покачал головой Ян и ухмыльнулся, но встал из-за стола и вместе с Шейхом пересел за другой столик. Длилась эта беседа минут десять, а я в это время пожалела, что не могу читать по губам. Разговаривали они тихо, но зная Яна, я могла сказать, что разговор ему ой как не нравится. Тем не менее, они разошлись, пожав друг другу руки, Ян сел за наш столик, а Шейх благополучно удалился, чем несказанно меня обрадовал. Принесли мой заказ, правда, есть уже расхотелось, да и Ян не проявлял особого энтузиазма к своей пище.

— Может, домой поедем? — на всякий случай спросила я, и не удивилась, когда услышала отрицательный ответ. Вывод напрашивался сам собой, он привел меня сюда, для того, чтобы меня увидели. Кто? Для чего?

Просидели мы в ресторане еще минут двадцать, после чего Ян расплатился по счету и процедил сквозь зубы:

— Пошли отсюда.

Его поведение было более чем странным, но с другой стороны, не сидеть же нам здесь до самого закрытия.

Едва мы успели выйти из ресторана, как нас окружили четверо здоровенных парней.

— Это она? — спросил парень, что стоял слева от меня.

— Да, она, точно тебе говорю, — кивнул парень в центре.

Похожи они были как близнецы, только не потому что их одна мама родила, а потому что форма одежды — стандарт мальчиков на побегушках у серьезных дяденек. Ян тяжело вздохнул и весь напрягся, из чего я сделала вывод, что появление этих четверых для него не является сюрпризом.

Что ж творится-то, а?

— Отдай нам бабу, Стрелок, и иди, мы к тебе претензий не имеем.

Внутри у меня все вниз опустилось, и я посмотрела на Яна. Он не только не отошел от меня, а даже еще ближе придвинулся, загораживая меня от них.

Мы трупы. Их четверо, а он один, да еще я в придачу.

— Ян, — прошептала я испуганно.

— Не бойся, — быстро сказал он, не отводя от них глаз.

— Не гони, братан, ничего мы с ней не сделаем. Может быть, — и противно заржали.

Сердце бешено колотилось и пульсом отдавало в ушах, как при быстром беге. Единственное, что я понимала, так это то, что мне очень страшно. Неожиданно возле нас затормозила черная БМВ, из нее, вальяжной походкой вышел Митяй. Все, это точно конец. Он зло на меня посмотрел и как-то укоризненно на Яна.

— Ничему тебя жизнь не учит, — сказал он Яну, — Эта курва заодно с Синицей, а ты повелся.

— Ошибаешься, Митяй, — оскалился Ян, — Синица свалил в неизвестном направлении. Она ничего не знает.

— Так мы проверим, — медовым голосом произнес Митяй, полоснув по мне взглядом.

— Моего слова пацана тебе недостаточно? — рыкнул в ответ Ян.

— Брат, тебе-то я верю, — похлопал Митяй его по плечу, — А вот ей веры никакой. Баба, она и есть баба, где соврет, где приукрасит. Оно — то понятно, ты на нее другими глазами смотришь, нежели я, — и так на меня посмотрел, что мне действительно захотелось ничего не знать.

— Ты зубы мне не заговаривай, — бросил ему Ян, — Я не лох и разводить меня не надо.

— Надоело все, — устало вздохнул Митяй и неожиданно быстро выхватил пистолет и направил его в лицо Яна. Тот даже не шелохнулся, продолжая смотреть в глаза Митяю. Мне же захотелось скончаться на месте.

— Оставь девку, и я тебя отпущу. Ты против кого решил быковать? Эта сука будет нам залогом того, что Синица за ней вернется. Это приказ Бати, Стрелок.

С минуту было тихо, никто не шелохнулся. Ян отвел от Митяя взгляд, развернулся, и пошел к своей машине, напоследок бросив:

— Я не при делах.

— Ублюдох! Сволочь! — заорала я ему в спину, не веря своим собственным глазам. Это конец. Если меня не убьют здесь.... Лучше бы убили. Я посмотрела на Митяя и вспомнила все, что мне говорил про него Тошка. Садист и убийца, такой не пожалеет. Но Ян! Как он мог!

— Ну, что б*...ь, доигралась? — сверкнув звериным оскалом, крикнул Митяй, — Где твой муж?

— Я не...знаю, честно, — заикаясь, ответила я. Митяй, недолго думая, начал с пощечин. Бил по щекам усердно, так, что у меня из глаз искры посыпались.

— В машину ее, — скомандовал он, мордovorоты двинулись в мою сторону и, как гром среди ясного неба, у меня зазвонил телефон.

— Ответь, — в мгновение ока, оказавшись возле меня, скомандовал Митяй. Дрожащей рукой я достала мобильник из сумки и услышала только одну фразу:

«Протяни время».

Телефон сразу отключился. Митяй вырвал его у меня из рук и во всю глотку заорал:

— Синица! Она у нас, слышишь?! — наконец-то и до него дошло, что на том конце ему отвечать никто и не собирался.

— Трубку повесил, падла, — Митяй сплюнул и на меня уставился в немом вопросе.

— Зря стараешься, — констатировала я, как можно спокойнее, — Я ему нужна, как прошлогодний снег.

— Возможно, — задумчиво произнес он, — А возможно, ты сука, врешь.

— Не вру я, — пискнула я.

— А это мы проверим, — ласковым голосом сказал он и, больно схватив меня за волосы, прошептал на ухо — Но, если ты, паскуда, мне туфту гонишь, я тебе ноги повыдергиваю, в прямом смысле, — я судорожно всхлипнула.

— Давайте сотрудничать, я все-таки жить хочу, я все что знаю расскажу, — выпалила я Митяю в лицо, а он улыбнулся.

— Скажешь, скажешь, — подтвердил он и еще раз меня ударил наотмашь.

«Протяни время» ...

— Ты мне не только все скажешь, — зловеще процедил он, — Ты у меня, тварь, в ногах валяться будешь.

— За что вы меня так ненавидите?!

— Ненавижу? — расхохотался он, — Если бы ненавидел, убил бы.

— Псих! — не выдержала я и увидела, как Митяй переменялся в лице. Глаза засверкали, кулаки сжались, и я уже приготовилась отправиться на тот свет, как услышала вой милицейской сирены. К ресторану приближались три машины, но вовсе не милицейские, хотя и с мигалками. Митяй схватил меня за шиворот и потащил к машине.

— Сдала нас, сука!

— Всем оставаться на своих местах! Оружие в стороны! Стреляем без предупреждения!

Воспользовавшись тем, что Митяй медленно обалдевал от такого поворота дел, я, что есть силы, двинула ему каблуком по ноге и нырнула в первые же кусты.

Что тут началось! Стреляли все: менты, бандиты. Я ненароком подумала, что я здесь, в кустиках, так и останусь. Парни в масках вылетели из машин, как осы из улья, и планомерно обстреливали Митяя с его головорезами. Митяй чертыхался и грозился мне скорой расправой. Неожиданно, с соседней подворотни выскочили еще пятеро в масках. А дальше как в кино: они общими усилиями обезвредили Митяя, зашвырнули в машину и уехали. Я с облегчением вздохнула и вылезла из кустов. Ну, ничего себе в ресторан сходила! Те, что приехали на первой машине были еще там, и уставились на меня как на восьмое чудо света. Один из них подошел ко мне и вежливо и официально попросил меня проехать с ними, для дачи показаний. Я, сославшись на ужас пережившего, отказалась, пообещав, что на все вопросы я отвечу завтра, а второй рявкнул:

— Живо в машину!

Через десять минут я поняла, что мы выехали загород и так как в них я не узнала родную милицию, дела мои плохи. Господи, кто же они? Еще одни бандиты? Сколько ж их развелось! Маски они не сняли, всю дорогу молчали, даже между собой не переговаривались. Страха я уже не испытывала, наверное, это был просто шок.

Подъехали мы к какой-то даче, и они, молча, покинули территорию, на мое удивление оставив меня одну. Ни что не говорило о том, что в доме кто-то есть, и я, немного постояла во дворике, решила войти. Дом действительно оказался пуст, присутствовала в нем только кое-какая мебель. Я прилегла на диванчике, так как сил стоять больше не было, и не заметила, как погрузилась в сон. Проснулась я уже поздно вечером от ощущения того, что на меня кто-то смотрит. Передо мной стоял один из парней в маске, пристально глядя на меня из прорезей черной шапки. В одну минуту он скинул маску.

— Ты действительно поверила, что я тебя бросил? — Ян грустно улыбался, глядя на меня.

— Поверила, пока ты не позвонил. Я, между прочим, сильно рисковала, — проворчала я в ответ.

— Я знаю, — его лицо стало суровым, — Прости. Но другого выхода я не видел. Нас бы там обоих порешили на месте, вздумай я действовать по-другому.

— Не за что прощать, — ответила я и отвернулась от него.

Ян спас меня. А я буду играть с ним как кошка с мышкой, чтобы добиться своего. Может я действительно сволочь?

— Что происходит в городе? — спросила я, лишь бы отвлечься от самобичевания.

— Ты же слышала. Синица скрылся и для того, чтобы его выманить они решили использовать тебя.

— Зря стараются, я ему не нужна.

Ян усмехнулся и ледяным тоном поинтересовался:

— А ты сейчас кого обманываешь себя или меня?

— А зачем этот дурацкий поход в ресторан? — парировала я.

— Не пори горячку, встреча с Митяем с рестораном не связана.

— Да, ну? — приподняла я бровь, — К нам подошел Шейх, а через короткий промежуток времени мы встречаем Митяя. Извини, но я не верю в совпадения!

— Возможно, Шейх настучал ему, — неохотно признал Ян.

— Для чего ты меня туда привел? Кому показывал? — задала я вопрос напрямик, теперь, когда события приняли такой оборот, играть с Яном в шпиона не было времени.

— Лена...

— Ради Бога! Я не идиотка! Кто меня должен был увидеть? И почему в ресторане моего отца?

— Так ты в курсе... Я хотел показать им всем, что ты со мной, что ты моя. И напомнить, что ты дочь своего отца, а не жена Синицы. Неужели ты не понимаешь этого?

— Не больно они тебе послушали, — произнесла я в ответ.

Ян врет. Показывал он меня конкретному лицу, и Шейха увидеть не ожидал. Дальнейшие расспросы не имели смысла, он все равно мне ничего не скажет. Пора звонить Владу, может быть, он разъяснит мне, что случилось за время моего отсутствия.

— Я не дам тебя в обиду, чтобы не случилось, — сказал он с чувством.

— Из-за ребенка?

— Нет. Из-за тебя самой.

Как трогательно. Как трогательно и мило, черт бы его побрал! А самое главное, что чувствую я себя при этом последней сволочью.

— У тебя сейчас такой виноватый вид, — тихо рассмеялся он, — Не надо, маленькая, ты мне ничем не обязана. Я не буду привязывать тебя силой, как это делал твой муж.

Очень умно. Красивый ход — посмотри какой я хороший, и какое говно он. Мы вместе, все хорошо. Финальная сцена. Занавес.

Только мне уже давно не двадцать, и я на это не куплюсь.

— Покажи мне, где здесь ванна и где я буду спать, — сказала я холодно.

— Зачем ты так со мной?

— Ты же дал мне время? — ответила я вопросом на вопрос, — И как ты там сказал, «не буду привязывать тебя силой»?

— Ты самое красивое и самое невыносимое создание в мире, — улыбнулся он.

Уже далеко за полночь я послала Владу сообщение, что не могу сейчас разговаривать и с просьбой разъяснить ситуацию в городе. Он ответил не сразу и, только открыв сообщение, я поняла почему. Пока мы отсиживались на квартире с Антоном, Бересов развернул целую войну против моей семьи.

Мою мать Бересов выкрал из собственной квартиры, этим он добился того, что отец, опасаясь за жизнь матери, отказался помогать Антону. Теперь стало понятно, почему он ездил к Кирке каждый день. Кирилл охранял целый взвод охраны, что и уберегло моего сына от грязных лап Бересова. Были арестованы все счета моего отца, на его фирму тоже был наложен арест. Он оставил его без гроша. В этом свете покупка ресторана выглядела еще более удивительной. Если только... Если только ресторан на самом деле принадлежит моему отцу, а не Бересову! Я бросилась в комнату Яна. Тот недовольно пробурчал что-то в ответ, но тут же вскочил.

— Ян! Чей это ресторан?

— Твоего отца, — сонно проворчал он.

— Я хочу знать, кому он принадлежал раньше? — продолжала я сыпать вопросами.

— А до завтра это не потерпит?

— Ян! Твою мать! Чей это ресторан?

— Ну, принадлежал он одному мужику, обычному бизнесмену...

— Ты уверен?

— Да, обычный мужик, в криминале не завязан...

— Что-то здесь не то, — не унималась я.

— Теперь мне можно поспать? — протянул Ян со страданием на лице, а я махнула на него рукой.

— Можно.

Мне нужна информация. Боже, как она мне нужна! Чем больше я пыталась разобраться в этой истории, тем сильнее запутывалась. Допустим, ресторан тут действительно ни при чем, просто финансовый ход и все, и ужинать Ян меня туда повез за неимением другого места. Но все остальное — то? Позвонить отцу? Но он ничего мне не расскажет. Но через пять минут я все-таки не выдержала и набрала его номер. «Абонент вне зоны действия сети». Это меня озадачило и испугало. Отец никогда не отключал телефон. Все это мне не нравилось, очень.

Проспала я всего несколько часов. В семь я снова разбудила Яна.

— Я прошу тебя, расскажи мне все, что тебе известно!

Ян неожиданно резко поднялся с дивана и со злым выражением лица бросил мне:

— Для чего тебе это? Пытаешься понять, куда делся твой ублюдок?

У меня даже похолодело все внутри от его злобы.

— Я пытаюсь понять, как долго я буду желанной добычей для Бересова! — крикнула я ему, — Моя мать похищена, счета и фирма отца заморожены. А сегодня ночью, в первый раз за многие годы его телефон недоступен. Тебе не кажется, что это реальный повод для паники?

Взгляд Яна смягчился, страх меня отпустил, он был так близок к правде. Даже думать не хочу, чем для меня обернется эта ложь.

— Я тебе ничего не могу сказать, родная моя, — сказал он, ласково глядя на меня, — Могу только пообещать, что все это скоро кончиться.

Уверенность Яна выводила из себя. Даже Антон не был ни в чем уверен, отец тоже. ... А что если это ловушка? Что если он работает на Бересова? Тогда почему он меня спас? Игра в доброго и злого полицейского?

Ян — предатель? Все сходится — его скрытность, тайные встречи, поход в ресторан, где нас встретили люди Бересова. И все это очень красиво разыгранный ход. Меня просто хотели напугать, чтобы я Тошку с головой сдала. Ян — предатель. Почему, Господи? У меня нет другого выхода, как играть по его правилам или...

Я потянулась к нему и начала целовать. Его тело откликнулось сразу, он притянул меня к себе еще ближе, и я оказалась сверху него.

Пистолет должен быть где-то рядом, но где?

Я прижалась к нему еще теснее, и со стоном запустила руку в его волосы, а вторую — под подушку.

— Его там нет, — он смотрел на меня холодно, от его страсти не осталось и следа, —

Ты насмотрелась боевиков, дорогая, я не держу ствол под подушкой. Ты дилетант, играть страсть тебе еще удастся, а вот все остальное оставляет желать лучшего.

И как давно он меня вычислил?

— А вот я, в отличие от тебя, профессионал, — сказал он с горечью и внезапно опрокинул меня на лопатки. Одним движением Ян достал пистолет из края матраса по его правую руку и направил его на меня.

По-моему, передо мной промелькнула вся моя никчемная жизнь. Я молчала, только смотрела на него как на последнее что вижу.

Его глаза горели огнем, дуло пистолета было прямо перед моими глазами, и я подумала, что вот и все. Но мне просто необходимо жить! Кирилл в чужой стране, с чужим человеком!

— Ян, пожалуйста... — прошептала я, трясущимися губами, слезы соленой водой катились из глаз.

Он, медленно, не отрывая своих глаз от меня, взял мою руку, вложил в нее пистолет и нацелил на самого себя. Меня колотила дрожь, как от отбойного молотка. Боже, что он делает?

— Стреляй, — прозвучал четкий голос.

Я мотнула головой. Он что сошел с ума?

— Стреляй! Ну! Чего ты ждешь? — крикнул он с каменным лицом.

— Я не этого хотела...

— Разве? Стреляй, Лена. Я твой враг, я ненавижу твоего мужа и сделаю все, чтобы его уничтожить, стереть с лица Земли. Ни ты, ни твой отец, никто ему не поможет.

— Ян!

— Стреляй! Потому что, если ты не выстрелишь сейчас, больше я такого шанса тебе не предоставлю.

Моя рука дрогнула.

— Я не могу! — и с отвращением отбросила пистолет, — Я не могу! Ты же...ты же мой друг...пока друг, пока ты не убил его...

Ян со стоном склонился надо мной.

— Я хотел тебе поверить, честно. Но не смог. Ты сейчас со мной из-за него, все, что ты делаешь это для него. Ты могла спокойно уехать с сыном, но ты осталась. Из-за него. Все? Фенита ля комедия. Теперь я тебе не нужен.

— Что ты говоришь...

— Правду, в отличие от тебя! — дыхание мое перехватило, а голова закружилась.

— Когда ты догадался?

— Почти сразу. В машине, когда вез тебя к себе. Просто взглянул трезво на все, что произошло и понял: ты играешь. Играла с самого начала и до сих пор. Вот с ним ты честна, насколько это вообще для тебя возможно. Угораздило же меня влюбиться в такую как ты! — Ян отстранился от меня.

— Ты использовала меня, так что теперь моя очередь, — сказал он угрюмо. Мой страх отступил, вместо него пришли злость и обида.

— Не приbedняйся! — резко бросила я ему, — Ты тоже достаточно мной попользовался! В ресторан ты потащил меня не просто так и где гарантия...

— Что ты привязалась к ресторану! — взорвался он, и тут до меня дошло. Головоломка сложилась.

— Ты, сукин сын! Мы сидели там специально, тот, кому ты меня показал, доложит об

этом Антону, доложит, что я никуда не уехала, а спокойно перебежала на твою сторону! Он в любом случае вернется. Посмотреть бесстыжей женушке в глаза, либо спасти бедную и несчастную от рук Бересова. В любом случае! И встречу с Митяем подстроил ты, но сделал это так будто это рук Шейха! А ты такой чистенький и благородненький, — я смотрела на него во все глаза. Ну, пожалуйста, опровергни все, скажи, что я ошибаюсь!

— Я не ожидал, что Митяй распустит руки, прости.

Я все еще лежала на его постели, уже не в силах подняться.

— За что ты так ненавидишь Антона? Ведь дело не только во мне...Ваша взаимная ненависть длится давно...

Ян зло ухмыльнулся и отвернулся от меня. Минут пять прошло в полном молчании. Господи, я совершенно не знаю этого человека.

— Надеюсь, ты понимаешь, — прозвучал его голос, — Что теперь ты под домашним арестом. Ты не выйдешь отсюда, пока я не дам на это разрешения.

Прошло всего лишь несколько часов, как я сижу взаперти, а ощущение такое, будто прошла вечность. Взаперти, без связи, без права на выход за территорию своей комнаты. Ближе к вечеру Ян принес мне еду, и я, с удовольствием, метнула поднос в его сторону, но не попала.

— И убирать я это не буду! — крикнула я ему. Через пять минут он пришел с тряпкой в руках, все тщательно вымыл и собрал осколки.

— Когда ты настоящая, ты мне больше нравишься, даже если при этом ты крушишь все подряд, — сказал он уходя.

— Чтоб ты сдох! — бросила я ему вдогонку.

Несмотря ни на что, ночь я проспала спокойно, без кошмаров и вообще каких-либо сновидений. С утра встала отдохнувшей, только толку от этого было ровным счетом никакого. Я пробовала читать книгу, которую обнаружила на полке, но мысли возвращались к событиям прошлых дней и неизменному вопросу: «Что делать?». Весь день я маялась, мерила шагами свою тюрьму. Пару раз подергала ручку двери — безрезультатно. Окна в моей комнате выходили во двор, звать на помощь бесполезно, это поселок, и даже если я до кого-нибудь докричусь, все дружно сделают вид, что ничего не происходит. Прыгать же с третьего этажа — это самоубийство. От таких невеселых мыслей у меня разболелась голова и поэтому выключилась я рано, на улице еще было светло.

На следующий день я повторила фокус с тарелкой завтрака, но опять не попала. Ян опять все убрал. С обедом я решила проделать то же самое, но желудок мой начал возмущаться, да и малышку нужно было кормить. Поэтому на следующий поднос с едой я смотрела с двойственными чувствами: и кушать хочется, и попасть в этого садиста тоже. Ян предупредительно покачал головой.

— Даже не думай, бросишь эту еду, буду кормить насильно.

Пришлось капитулировать перед такой угрозой, зато желудок мне сказал огромное спасибо громким урчанием.

Прошел еще один день, я уже отчаялась когда-либо выйти отсюда. Ян не уходил из дома, следил за мной и постоянно таскал мой телефон с собой.

Звонок раздался как гром среди ясного неба, как раз в то время, когда он в очередной раз принес мне еду. У меня бешено забилося сердце. Ян взял трубку и долго молчал, только его глаза неотрывно следили за мной. Потом его лицо исказила злая усмешка, и он гаркнул в телефон:

— Это Стрелок. Передай, Синице, что он жестоко ошибся в своих расчетах и уж лучше бы ему вернуться. Я не смогу долго охранять ее от Бати, — и сбросил звонок.

Сердце ухнуло вниз. Звонивший был от Антона.

— Я же обещал тебе, что скоро все кончится, — сказал он мне, — Дня через три, я так думаю, придет твой муж. За тобой, — он усмехнулся злой, страшной ухмылкой, от которой у меня все зубы разом застучали и внутри все перевернулось. Ухмылка убийцы.

— Убирайся вон! — крикнула я ему и от бессилия разревелась. Что мне теперь делать? Как дать понять Тошке, что эта ловушка?

Отец пропал, мать у Бересова. Все летит в тартарары, и теперь я являюсь оружием против него.

На этот раз была ночь. Темная, без звезд и луны, и я на детской площадке во дворе какого-то дома. Железные прутья, длинная лестница, и вот я на верху какого-то немыслимого строения. Высоко, даже жутко.

— Привет.

Я обернулась и увидела Лешку.

— Привет.

— Твое время пришло. Пойдем со мной, — и протянул мне руку.

Вот оно — спокойствие, безмятежность, без боли, больше ее не будет... Только спокойствие и тишина....

— Мама! — откуда-то раздался голос Кира. Я резко отступила на шаг назад.

— Но у меня есть сын! Я не могу его оставить!

— Доверься мне, пошли со мной...

Лешка продолжал тянуть ко мне свои руки, ласковый взгляд окутывал теплом... А я ведь так не хочу возвращаться! Там холодно и грязно... Я шагнула ему на встречу.

— Мне без тебя было так одиноко, — сказал Алеша.

Я протянула к нему свои руки и, на мгновение, в его глазах промелькнула злоба и ликование. Что это?

Одиноко в раю ангелу?

— Ты не он! — крикнула я ему и убрала руки.

Он почернел лицом, взмахнул огромными черными крыльями и рассыпался в прах. Сразу повеяло холодом, а на месте черного ангела я увидела лужу крови. Господи, как страшно! Я поскользнулась и упала в эту лужу. Кровь на ногах, руках... Кровь везде...

Проснулась я от дикого жара и боли внизу живота. Едва коснувшись рукой лба, я тут же ее отдернула. Рука была липкой. В немом ужасе, еще не очнувшись от ночного кошмара, я включила ночник и тут же взвыла от отчаянья и страха — кровь.

Через минуту возле меня уже стоял Ян, практически, в чем мать родила, и непонимающе на меня пялился спросонья. Тут и до него дошел смысл происходящего.

Вся моя постель была в крови, а дикая боль внизу живота, не давала усомниться в ее происхождении.

Я потеряла малышку.

Ян смертельно побледнел и заметался по комнате, крича на весь дом:

— Маленькая моя, я сейчас... скорую вызову...

Я честно пыталась сфокусировать свой взгляд на нем, но все оставалось размытой картиной. Но самое страшное, я ничего не чувствовала — ни сожаления, ни горя от потери....

— Не нужно скорую. Поздно, — наконец смогла вымолвить я, онемевшими губами. Ян непонимающе уставился на меня.

— Ты вся в крови, — зачем-то сказал он, будто я сама этого не вижу. После моего молчания на его лице отразился настоящий испуг. Он подскочил ко мне, как ужаленный и рукой пощупал пульс, а затем лоб.

— Мать Божья, — прошептал он белыми губами. И в этот момент я куда-то провалилась.

Обрывки двух голосов врезались в мое помутненное сознание.

— Она умирает? — испуганный голос Яна.

— Что произошло? — откуда-то взялся голос Влада.

И опять темнота. Несколько раз я выныривала из этой темноты и слышала два голоса, шаги по комнате. Больше всего боль мне причиняли тогда, когда трогали — раздевали, обтирали мокрым полотенцем. Разговаривать не было сил, поэтому я только глухо стонала.

— Ну, милая, потерпи, еще чуть-чуть осталось, — почему-то голосу Влада я верила.

Через какой-то промежуток времени в нос ударила противная вонь, и я непроизвольно отвернулась от исходившего запаха.

— Девочка, это надо выпить, — тревожно уговаривал меня голос Яна.

Я пыталась открыть глаза, но смогла лишь увидеть размытый силуэт. Силуэт Черного ангела из моего сна. Черный ангел зло улыбался и протягивал мне что-то. ... Никакого Яна здесь нет! Я дико закричала и выбила из рук демона сосуд, который он мне протягивал. Он разбился вдребезги, окрашивая ковер в кровавый цвет.

— Нет! — истошно закричала я.

Это сон. Мне нужно просто проснуться, и тогда все будет хорошо. Ничего не было. Просто сон.

— Ее надо почистить, иначе... — произнес голос Влада.

— Так сделай это! — дикий крик Яна снова заставил меня открыть глаза, но я видела только Черного ангела.

— Уходи! — закричала я ему и от страха разревелась.

Откуда-то мне почудился голос Антона, пытаюсь разлепить глаза, я потратила остатки сил и самообладания.

— Они убьют тебя! Уходи! Ради бога, уходи!

Кто-то с силой меня обнял, и я уловила знакомый запах.

— Родная моя, любимая, потерпи. Скоро все кончится, — шептал голос Тошки.

— Я не могу, — прошептала я в ответ.

— Ты сильная, ты сможешь.

— Черный ангел. Прогони его, он все еще здесь.

Глава 9. Правда

Где правда проступает сквозь туман,

Там терпит поражение обман...

Фирдоуси

Ужас произошедшего пришел вместе с сознанием. Почему так случилось? Я знала ответ на этот вопрос — тот образ жизни, что я вела, те волнения и моя собственная неосторожность привели к тому, что я потеряла ребенка. И винить я могла только себя.

Еще один день я провела в постели, еле-еле отправив Влада обратно в свою клинику. Я не хотела ничего слышать, не хотела говорить. Я пыталась осмыслить то, что выдавало мне мое помутненное сознание. Был ли Антон здесь на самом деле? И, если был, то где он сейчас? Смог ли он уйти? В опасности ли он или уже... поздно?

Я знаю точно, что прошло несколько дней, значит, срок, данный мне Яном, прошел. Ян. Мой защитник, мой друг, мой бывший любовник, мой надзиратель и теперь мой враг. Кто же он на самом деле? И откуда такая дикая ненависть к Антону? По своей наивности я думала, что дело во мне, и только сейчас я понимаю, что я лишь подливала масло в огонь. Еще с самого начала он многое знал об Антоне и пытался меня предупредить, но я, по своему обыкновению, ничего не захотела слушать.

Ян вырос передо мной как будто ниоткуда. Смотря в его свирепое лицо, я пыталась понять — кто он, мой друг и мой враг, так похожий внешне на человека, которого я когда-то любила, и совершенно не похожий внутри.

— Привет, — первая подала я голос.

— С возвращением в этот ад, — процедил он сквозь зубы.

Я нервно сглотнула. Настроение у него не важное, если не сказать больше.

— Я понимаю, ты винишь меня, что не уберегла... — сказала я. Нужно же когда-нибудь начать этот разговор.

— Не уберегла — это слабо сказано! Ты постоянно подвергала себя опасности, и я не удивлен исходу — ты никогда не хотела этого ребенка!

Это было не правдой и правдой одновременно. Если бы Антон тогда не настоял, я бы сделала аборт, но за пять месяцев я успела привязаться к маленькому человечку у меня в животе. Ян имел полное право кричать на меня и обвинять, но в последних событиях он был виноват не менее меня — встреча с Митяем, жизнь взаперти — все это сказалось.

— А что сделал ты для того, чтобы уберечь меня и ребенка?

— Что?

— Ты запер меня как пленницу, и благодаря тебе я побывала в руках Митяя.

Чувство вины проскользнуло на его лице и тут же исчезло. Он снова надел маску, которую носил уже не один день. А может это не маска, а его настоящее лицо...

Я смогла подняться с постели, мне хотелось подойти к нему, посмотреть в его глаза и увидеть хоть что-то от прежнего Яна.

— Даже не думай ко мне приближаться, Синицына! Мне давно следовало понять, что ты и Антон одинаковы, — он криво усмехнулся, — Муж и жена — одна сатана!

По фамилии мужа он назвал меня впервые, и я понимала почему. Он хотел прекратить эту мучительную боль, отказаться от меня и, только считая меня своим врагом, он мог это

сделать.

— Господи, до чего же довела тебя твоя ненависть к Антону! — невольно вырвалось у меня, о чем я тут же пожалела. Его лицо приобрело землянистый оттенок, губы побелели.

— Что ты можешь знать! — крикнул он мне.

— Так объясни мне, — попросила я ровным голосом, продолжая смотреть ему в глаза.

— Спроси у своего мужа «почему».

Все понятно, Ян ничего не хочет объяснять. Он уверовал в то, что я и Антон зло, которое нужно уничтожить.

— Что теперь, Ян? Что со мной будет? Отдашь меня Бересову или сразу его шавке Митяю?

— Не плохая идея, — хмыкнул он, — Но мне она не подходит. Я хочу, чтобы ему было также больно, как и мне в свое время, и ты единственная кем он дорожит.

От Яна повеяло таким холодом, что я поежилась.

— Что ты хочешь от меня, Ян?

— Я могу прекратить все это. Весь этот кошмар. Оставить в покое твоего драгоценного Антона, даже помочь ему скрыться от Бересова. Взамен ты останешься со мной, я даже женюсь на тебе.

На миг я онемела от сказанного.

— Ты ненормален. Антон придет, чтобы убедиться в моем предательстве. Он не поверит, он знает, что я люблю его.

— Значит, ты убедишь его в обратном. Он не останется, если захочет жить. А он захочет, у него есть сын. Скажешь ему, что ты давно спишь со мной, что любишь меня, а его просто боялась. Соври, дорогая, у тебя это отлично получается!

— А моя мать? Она до сих пор у Бересова, отец пропал...

— Родителей отпустят, но фирму отца не вернут.

Я замерла. К сожалению, не ослышалась. И почему-то не сильно удивилась. Чего-то подобного от него уже ждала. Но как же это низко!

— Кто ты, Ян?

— Поздновато ты спохватилась, — зло улыбнулся он.

— Это твоих рук дело?

Он ничего мне не ответил, но я и так все поняла.

— Где моя мать, Ян?

— В данный момент с отцом.

Исчерпывающий ответ, ничего не скажешь.

— Они хоть живы? — я затаила дыхание, боясь услышать ответ.

— Я не убийца, Лена. И от тебя зависит, стану ли я им. Мне нужен ответ — ты со мной или нет?

Что же мне делать? Отказаться? Тогда что будет с ними, что сделает с ними это чудовище в облики Яна?

— У меня условие, — ответила я, глядя ему прямо в глаза, — Отправь моих родителей к Кириллу.

Он отрицательно покачал головой.

— Ты сбежишь следом. Нет. Единственное, что я могу, так это отправить к нему твою мать. Отец останется здесь, как залог твоего послушания.

Дерьмо. Вся эта ситуация в целом и Ян в том числе.

— Я согласна.

Он тут же ушел, а вместо него появился здоровенный парень, по всей видимости, мой охранник. Да, Ян подготовился уже давно. И сейчас действовал уверенно и беспощадно.

Сомнений быть не могло, Антона тогда не было, это мои галлюцинации. И теперь я знала, хоть и поздно, кто такой Черный ангел, услужливо подсказанный мне моим подсознанием — Ян. Кто он? Шавка Бересова? И почему Антон мне никогда не рассказывал об их давней вражде? Что делать, Господи, что?

Яна не было два дня, после чего он пришел ко мне и сказал, что моя мать на пути во Францию. Видит Бог, я вздохнула с облегчением. Теперь хотя бы одна родная душа будет с моим сыном. Ян не врал, не было смысла, отец находится в его руках.

— Когда ты отпустишь моего отца?

— После свадьбы, солнце мое.

— Ты что не шутил? Как ты можешь, ведь отец доверял тебе!

— Зато я не доверяю тебе.

Телефонная трель была настолько неожиданной, что я вскрикнула от испуга.

— Слушаю, — громоподобным голосом ответил Ян, и тут же посмотрел на меня так, что у меня не осталось никаких сомнений — звонил Антон. Ян включил громкую связь, явно для того, чтобы поиздеваться надо мной.

— Мне передали твое сообщение, Стрелок, — раздался хриплый голос моего мужа через динамики, — Но я хочу поговорить с ней, пусть она мне это скажет в лицо.

От его гневного голоса у меня все внутри перевернулось, хотелось вырвать трубку и кричать, что все ложь от начала до конца, но... я должна держать себя в руках.

— Записывай адрес, Синица. Но не советую тебе приезжать с твоими архаровцами, у меня своих полон дом. Тем более, ты в розыске, зачем так глупо рисковать.

— Я буду один, Стрелок. Но если все это поклеп, отвечаю, что тебе твои люди не помогут.

— Теперь ход за тобой, — сказал мне Ян после того как положил трубку, — Сыграешь как надо, и твой муженек останется в живых, если нет... я тебя не пожалею, поняла?

Я хмуро кивнула. Ян изменился на глазах, от влюбленного в меня мужчины ничего не осталось. Вместо него был враг, полыхающий ненавистью и злобой.

Антон приехал вечером того же дня. Один, как и обещал. Я смотрела в окно, когда он подъехал на чужой машине, одетый во все черное, хмурый и злой. Сердце больно екнуло. Любимый, как же давно я тебя не видела. ... Уже через минуту он зашел в мою комнату, в мою тюрьму. Минуты три он разглядывал меня, я видела — он соскучился и не верит словам Яна, но зерно сомнения уже пустило свои корни. Я тоже безумно скучала по нему. Но ничего не могу ему сказать, не могу подойти, не могу... Усилием воли я взяла себя в руки.

— Где мой сын?

Вот он стоит совсем близко, я могу дотянуться до него, дотронуться до шелка его волос...

— Кирилл во Франции, вместе с моей матерью и няней, — услышала я свой голос как будто издалека.

И снова минута молчания. Теперь он разглядывал меня как нечто диковинное и незнакомое.

— Ты родила? Вроде бы рано еще?

— Нет, я потеряла ребенка.

Он кивнул, просто принял, как факт, и я поняла, что именно этой реакции от него ждала. И самое страшное, я сама это приняла. Гореть мне в аду за такие мысли.

— Поехали со мной, Лена, — Антон протянул мне руку, а его глаза не отрывались от моих глаз.

Еще бы чуть-чуть, и я протянула бы руку в ответ. Нет.

— Нет, — я не смягчила удар, я причиню ему любую боль, лишь бы спасти его, Кирку, отца, — Я останусь здесь, с Яном.

— Ты врала мне? Ты врала мне, когда говорила, что любишь? — он говорил тихо, застыв, кажется, навечно, почти не дыша, и от этого становилось больно и жутко. Если бы он кричал, требовал, я бы знала, что сделать, что сказать.

— Прости, я боялась тебя.

— А сейчас, значит, уже не боишься, — кривая ухмылка перекосила его лицо.

— Наверное, уже нет.

— Почему-то я не верю ни одному твоему слову. ... Это он тебя заставил? Боишься за меня?

Я рассмеялась ему в лицо, кто бы знал, каких усилий мне это стоило.

— Не будь столь самоуверенным! Ян был моим любовником все эти годы. Неужели ты думал, что я на самом деле тебя люблю? Да меня тошнит от одного твоего вида! Или может ты думал, я забыла твое зверство? Я ждала, когда же твоя власть закончиться. Теперь все, ты ничем меня больше не удержишь возле себя. Открой глаза, таких как ты, не любят!

Я видела, как он замахнулся для удара, но опустил руку, не смог. Он поверил, значит, он останется жить.

Антон закрыл глаза, пытаясь успокоиться. Буквально через пять секунд он снова посмотрел на меня, горящими от гнева и боли глазами.

— Ты — тварь. Сына ты не увидишь, отвечаю. Убил бы тебя, скажи спасибо, что ты все еще остаешься матерью моего сына. Такая дрянь как ты отличное дополнение к Стрелку. Вы одно целое. Живите и не бойтесь — больше я к вам и на метр не приближусь.

Неестественно бледный, он развернулся на одних пятках, и быстрым шагом покинул мою тюрьму.

Все. ... Зачем мне теперь...Он не вернется...Мне хочется побежать за ним, догнать, объяснить, успокоить, любить его... Ян! Как же я ненавижу его в этот момент! Клянусь, всем, что у меня осталось, Ян заплатит мне за эту боль, клянусь, что я найду способ убежать от него.

Всю ночь я не сомкнула глаз. Ян уехал вслед за Антоном, а я молилась, чтобы отец и сын встретились. Если Кира будет с отцом, то ему ничего не угрожает.

Ян вернулся под утро, с довольным выражением лица.

— В тебе умерла отличная актриса. Синица на пути к сыну, кляня тебя, на чем свет стоит. В таком бешенстве я его еще не видел, ему стоило огромных усилий не убить тебя и меня в придачу.

— Это было бы прекрасным завершением твоей миссии, — ответила я с горечью.

— О чем ты? Ты нужна мне. Неужели не видишь? Я его отпустил ради тебя. Я буквально брежу тобой, Вика была права, говоря тебе это. Если это не любовь, тогда я не знаю, что это такое.

Меня буквально тошнило от его слов. Господи, как же это низко, грязная игра, которую ведут мужчины...

Ближе к вечеру Ян зашел в мою комнату под шкаф. Честно говоря, таким я видела его в первый раз. Много же сюрпризов он преподнес мне за последнюю неделю.

— Здравствуй, солнце мое, — пьяная улыбка расплзлась по всей физиономии.

— Чтоб ты сдох, скотина, — процедила я сквозь зубы и зло улыбнулась ему.

— Зря ты так, — судя по всему, настроение у него было хорошее, и уходить он, явно, не собирался, — Я же по-хорошему пришел, помириться с тобой хочу. Вспомни, как нам было хорошо вместе. Я смогу сделать так, чтобы ты его забыла.

— Давай ты сделаешь так, чтобы я забыла тебя, — с львиной долей злобы и сарказма ответила я. Хорошее настроение Яна сразу улетучилось.

— Тебе лучше дружить со мной.

— Тебе же нравлюсь я настоящая? Так вот, я вовсе не подарок.

— Да, я это уже заметил, — улыбнулся он, на короткий миг вернулся тот Ян, которого я знала, — Я не хочу быть жестоким, не надо меня вынуждать к этому.

— Зачем ты пришел? — спросила я устало, хотя только дура не сумеет понять, зачем он пришел и по какой причине так наакался.

— Я соскучился по тебе.

— Пошел вон! — дико завопила я, — Даже не смей ко мне прикасаться, ублюдок!

Я лежала в разорванном платье и смотрела в потолок. Рядом со мной посапывал Ян, я знала, что завтра он сильно пожалеет о содеянном. Мне не было страшно или больно, просто противно. Страх, который когда-то накрывал меня с головой, ушел. Ян же сделал свое дело и спокойно уснул. Он очень изменился в последнее время, а может, я обманываю саму себя, и он был таким всегда. Я даже не могла винить его полностью в содеянном, так как сама держала его на коротком поводке, не подпуская к себе, но и не даря свободы. Поводок сорвался. Единственное, что оставалось, пережить это и забыть.

Долго пробыв в душе, я постелила себе в другой комнате и забылась беспокойным сном. Во сне мне снились Тошка и улыбающийся Кирилл. Скрип открывающейся двери вырвал меня из сна и, чуть приоткрыв глаза, я увидела Яна. Он тяжело вздохнул, присел на краешек дивана и коснулся моего плеча.

— Прости меня.

Как я и говорила, протрезвевший Ян жалел о том, что сделал.

— Прости меня... Я знаю, что мне нет оправдания... Черт, надо же так было напиться!

Я открыла глаза и села.

— Ты считаешь, что можно сначала накинуться на меня, а потом просто попросить прощение и все будет в порядке?

— Лена, пожалуйста...

— Ты всегда говорил, что ты не Антон, что ты никогда не причинишь мне зла, не сделаешь больно. Но в последнее время ты только и делаешь, что причиняешь мне боль!

— Нет, это не так, просто я...

— Просто ты сошел с ума! Уходи, я не хочу тебя видеть!

Он ушел, а мне уже не спалось. Я переворачивалась с боку на бок, пытаюсь понять, как же я дошла до жизни такой.

— Он во Франции, — коротко сообщил мне Ян, сидя за завтраком.

— Да? Скатертью дорога, — я делала безразличный вид, но внутри меня клокотала ярость на Яна, на Антона, на отца. Играя, в свои жестокие игры, они ни на минуту не задумывались о нас — обо мне, о матери, о маленьком человечке, моем сыне. Власть и

деньги безраздельно правили этим миром и душами человечества. Хотя, что правило Яном? Да, я нужна ему, но не меньше ему нужна смерть Антона. Как же я могла быть такой слепой и не замечать этого раньше? Все обвинения, что он кидал в адрес Антона, были продиктованы не только ревностью, а нечто большим. Что же произошло между ними? За какой поступок можно ненавидеть десятилетие? Ярость Яна не знала границ, была жестокой, убийственной. Стоило удивляться, что они так долго могли сосуществовать рядом во время моей беременности. Ян очень любил этого не родившегося ребенка, и, возможно, потеряв его, он все больше зарылся в своей ненависти, она придавала ему силы, давала смысл жизни.

— О чем ты думаешь?

Задумалась, и не заметила пристальных глаз Яна, следящих за мной из-под опущенных век.

— Думаю, что будет дальше, — отозвалась я безучастным голосом.

— Ты станешь моей женой.

На этот раз я по — настоящему испугалась, он не шутил, когда говорил это в первый раз, не шутит и сейчас. Он отвел от меня взгляд и глухо пробормотал:

— То, что было прошлой ночью не повториться. Никакого секса, если ты сама не захочешь.

— Не захочу.

— Осторожно с обещаниями, — улыбнулся он, — Я не сказал, что не буду тебя соблазнять.

Я даже рот открыла от удивления, теперь я смотрела на него со смешанным чувством жалости и ужаса.

— Неужели ты не понимаешь, Ян? Это не принесет счастья ни тебе, ни мне.

— Как получилось, что это принесло счастье ему? — выпалил он с яростью и даже стукнул кулаком по столу.

Парадокс, но Ян был прав. Антон шантажом заставил выйти за него, но мы прошли через годы, прежде чем я полюбила его и призналась самой себе в этом. Бесполезно убеждать в этом Яна, он ничего не слышит, не хочет слышать.

— Отпусти моего отца.

— После свадьбы, дорогая, — цинично усмехнулся он, а я разозлилась.

— Тогда готовься, сукин сын, незабываемую свадьбу я тебе гарантирую!

Он медленно поднялся из-за стола.

— У тебя талант выводить меня из себя.

— Может быть, потому что муж и жена — одна сатана, — крикнула я, намекая на Антона.

— Не зарывайся! — взревел он, — Я, конечно, обещал не повторять прошлой ночи, но заткнуть тебя можно только одним способом!

Вот и пообщались, подумала я, наблюдая за тем, как Ян бросает тарелку в раковину и поспешно выходит с кухни. Что же мне делать? Начать старую игру — соблазнять его и тем самым усыпить бдительность? Не могу и не хочу. Остается только одно — превратить его жизнь со мной в сущий ад. Он должен сам от меня отказаться. План действия возник сам собой. Конечно, нужно быть очень осторожной, даже слишком осторожной.

Я выждала два часа, пока Ян окончательно остынет, и пошла в его комнату. Он с отсутствующим видом смотрел телевизор, бросил на меня взгляд, когда я вошла, и снова

отвернулся.

— Ян, а долго мы здесь будем торчать?

— Столько, сколько нужно.

— Может, съездим куда-нибудь, поедим?

— Домашняя еда тебя уже не устраивает?

— Ну, и сиди здесь как сыч! — вспыхнула я, зная, тот факт, что я первая пошла на мировую не ускользнет от его внимания.

— Куда ты хочешь?

Я улыбнулась про себя. Хотела я в самые злые места, которое можно себе вообразить, но этого ему знать совсем не обязательно.

— Не знаю. Где неплохо готовят?

— Есть неподалеку одно придорожное кафе, хочешь туда поедим?

— Дай мне пять минут, и я буду готова.

Ян хмыкнул и уставился в телевизор. Пять минут растянулось в тридцать пять, зато я была при полном параде. Туника, которую я носила во время беременности теперь вполне сходила за маленькое черное платье. Я дополнила ее элегантным шарфом, соорудила на голове прическу и сделала вечерний макияж, как говорит мой отец, в полной боевой готовности. С туфлями мне повезло меньше, в беременность я не носила каблук, но зато цветом они подходили. Неплохо было бы забрать вещи из квартиры, но, когда это будет тайна под семью печатями. Вот в таком виде я и предстала перед Яном. Надо отметить, что он тоже не терял времени даром и привел себя в человеческий облик. Глядя на него, никто бы не подумал, что это бандит и подонок.

Через пять минут мы уже летели по трассе. Кафе было так себе, и я в своем наряде выглядела очень соблазнительно. Народу было полно и преимущественно мужчин. Я расточала улыбки направо и налево и шла своей фирменной походкой. Реакция окружающего мужского пола не заставила себя ждать. Из-за угла раздался восторженный свист, но резко оборвался, вероятно, наткнувшись на взгляд Яна. Мы сели за столик, я взяла меню и соблазнительно перекинула ногу на ногу, чувствуя на себе пристальные взгляды. Я знала, что веду себя вызывающе, но цель оправдывала средства.

— Ты специально это делаешь? — хмуро спросил меня Ян. Я подняла на него глаза и ответила:

— Ты хотел, чтобы я перестала лгать, играть и была сама собой. Познакомься, я — настоящая, — и опять углубилась в меню. На это он ничего не сказал.

Дальше все пошло по обычному сценарию — мы заказали обед, официант нам его принес, я мило улыбалась Яну, не забывая при этом показывать свои коготки. Через какой-то период времени я ушла в дамскую комнату, по пути плотоядно улыбаясь сидящим в зале. Когда я вернулась, Ян достиг нужной кондиции: сидел хмурый и глаза его только молнии не пускали, а так все на месте — убийственный взгляд на всех окружающих. На первый раз было вполне достаточно, и я легко согласилась покинуть кафе.

В загородный дом мы вернулись в рекордно короткие сроки, так как Ян гнал как сумасшедший. Но вопреки обыкновению, он не ушел в свою комнату, а крутился возле меня. Я же вела себя, как ни в чем не бывало — то журнал листала, то телевизор смотрела, наконец, я углубилась в прочтение книги. Ян заметно расслабился, не заметив ничего подозрительного в моем поведении, но от меня не ушел, уставился в телевизор. В десять вечера я пожелала ему спокойной ночи и ушла спать.

Мою охрану, здорового парня Ян не убрал, он все время маячил где-то в саду, пока Ян был со мной. Вот его-то я и решила использовать в своих целях. Утро выдалось солнечным, а настроение игривым и кровожадным. Я распустила волосы, чуть подкрасилась и направилась в сад. Насколько мне не изменяла память, охранника звали Саша. Действовать нужно было осторожно и тактично, чтобы комар носу не подточил. Я пару раз призывно улыбнулась ему, сорвала яблоки с дерева и пошла обратно в дом, по пути надумав сделать яблочный пирог. Так в течение дня сад я посещала раза три, вела себя мило и любезно, Ян ничего особенного в моем поведении не заметил.

На следующий день охранник сам завалился на нашу кухню с целым ведром яблок. Да, парень оказался слабеньким, проглотил наживку и еще добавки попросил. Из штанов так и выпрыгивал, оно сразу видно — мозги у него там и находились, не хотел парень упускать случая покувыркаться с женщиной хозяина.

— Елена Витальевна, я вам яблок принес.

Я сделала удивленный вид, а Ян начал хмуриться. Охранник, смутно почувствовав недовольство хозяина, ретировался с кухни, Ян еще с полчаса повертелся возле меня. На этот раз я решила запечь яблоки в духовке, благо та имелась в наличии, не пропадать же добру.

Ближе к обеду солнце поднялось высоко, я, захватив с собой печеных яблок, решила устроиться в шезлонге с книжкой в руках. Блаженно растянувшись, я лениво жевала яблоко и упорно делала вид, что меня интересует замысловатый сюжет. Краем глаза я видела, как Саша ходит вокруг меня, как кот вокруг сметаны. Конечно, его дело меня охранять, но не столь же яростно, тем более на решившуюся сбежать, я была абсолютно не похожа. Через двадцать минут в сад вышел Ян и хмуро посмотрел на меня. Подобное выражение лица у него не сходило с инцидента на кухне. Вид мой со стороны был сама невинность — сижу, жую яблоки и читаю книгу. Когда же он перевел свой взгляд на охранника, в глазах зажглось что-то недоброе.

В саду я провела весь день и мужчины тоже. Ян пару раз перекинулся со мной словами, но видя мою неохоту разговаривать и увлечение книгой, оставил меня в покое, начал разжигать костер. Хотя я ума не приложу, какой может быть костер в такую жару? Но Ян уселся возле него поближе, и остаток дня провел в его созерцании. Охранник бесследно исчез в глубине сада.

На следующий день я снова полулежала в шезлонге, и через день тоже. Каждый раз картина повторялась — Саша нарезает круги, Ян выходит и тот пропадает. Вечером третьего дня состояние Яна достигло своего апогея, он не выдержал:

— Ты долго еще загорать собралась?

Я подняла на него свои невинные глаза и осведомилась:

— А что?

— Ничего, — еле сдерживаясь, произнес он, — Только Сашка вокруг тебя вьется, как самец в брачный период.

— А я — то тут причем? — недовольно спросила я.

— При всем! — сорвался Ян на крик, и умолк на время, так как предъявлять мне было нечего, вела я себя невинно и вполне прилично.

— Прекращай свои посиделки в саду!

— Может, ты на меня еще паранджу наденешь? — уточнила я.

— Может, и надену! — крикнул он.

— Идиот! — обозвала я его и ушла в свою комнату.

Оттуда я не выходила весь последующий день, что входило в мои планы, благо книга оказалась действительно интересной. Ближе к ночи в дверь постучал Ян и как-то тихо спросил:

— Ты чего себя голодом моришь?

— Боюсь, как бы мне опять не влетело ни за что, ни про что! — возмущенно бросила я ему, и опять углубилась в книгу. Ян потоптался на месте с минуту и ушел, а через пять минут вернулся с подносом еды.

— Лен, извини, я сорвался, — сказал он, пока я поглощала поздний ужин.

— Нервы надо лечить, а не обвинять меня во всех смертных грехах.

На следующий день удача просто плыла мне в руки. Впервые за эти дни телефон Яна ожил — ему позвонили, и тот неохотно, но уехал куда-то, бросив: «Через два часа вернусь». Саша как — будто и ждал этого, сразу нарисовался в доме: то воды принесет, то яблок. Жара стояла несусветная, поэтому я сначала приняла ванну, а потом в легкой рубашке Яна и в коротких шортиках вышла в сад. Видя мои длинные стройные ноги, Сашу пробрало. Грудь ходила ходуном, лоб покрылся испариной, а глазки так и бегают по мне. Я же напротив, проявила полное равнодушие. Но его уже было не остановить. Чего он там себе надумал неизвестно, только крепко запало ему в душу подложить свинью хозяину. Он ринулся ко мне, а я молилась, чтобы Ян не задержался, два часа подходили к концу.

— Убери руки, сволочь! — завопила я во все горло, отпихивая его руки.

— Да, ладно, я же видел, как ты на меня смотрела, сама, небось, хочешь.

— Кретин! Убери руки! Ян вернется, он тебе голову открутит!

— А я твоего любовника не боюсь, — гоготнул тот.

— Правда, Саш? — охранник замер, а я поблагодарила Бога за благополучный для меня исход. Все сыграно, как по нотам.

Голос Яна был слаще меда, но я отлично знала, что именно такого голоса и стоит бояться.

— Ян, она сама хотела!

— Да ну? Пошли, ты мне сейчас и расскажешь все, — Ян усадил охранника в машину, и они выехали со двора. Я глубоко вздохнула и сосчитала до десяти. Чего бы он там не наболтал, прицепиться не к чему, а вот ему явно очень скоро понадобится врач. На какое-то время мне стало жалко парня, но у меня не было времени придумывать что — либо менее кровавое, цель была достигнута — больше никакой охраны Ян ко мне не приставит.

Минут через пять Ян вернулся, и мое сердце наполнилось таким ужасом, что захотелось убежать отсюда подальше, но я не двинулась с места. Его лицо потемнело, губы казались высеченными из камня и такое же твердое мускулистое тело. Но вот глаза... Глаза жили отдельной жизнью. Мне хотелось провалиться сквозь землю, оказаться невидимой, недостижимой, только не видеть эти бешеные, почти безумные глаза. На какой-то момент мне показалось, что он смотрит на меня и не видит ничего, что именно таким он был там, в Чечне — бессмысленным, беспощадным убийцей.

Такой же страшный, как мой Черный ангел. Человек в нем исчез без следа, растворившись в многогранности злобы, выпуская на свет жуткую тварь.

Он прошел мимо меня, но вдруг остановился, развернулся, и подошел ко мне вплотную.

— Если я узнаю, что это твои выкрутасы — убью.

В его глазах я увидела, что он не шутил.

— Ян...

— Замолчи. Не сейчас.

Взрыв мощной силой сотряс землю, отшвырнув меня ударной волной. Тьма поглотила меня.

Облако серой пыли поднялось над землей и застыло. В глазах рябило, и я тщетно пыталась разглядеть фигуру Яна. Наконец, поток воздуха разогнал серый дым и на земле, возле дома я увидела его. Ян шевельнулся и застонал, его правое плечо было сплошным красным пятном.

— Ты в порядке? — хрипло спросил он. Я не смогла ответить, серая пыль, казалось, проникла в гортань и опустилась в легкие. Я пошевелилась и с облегчением отметила, что отделалась только ссадинами и царапинами.

— Ты бы лучше о себе подумал, Стрелок, — раздался голос Митяя, он со своими головорезами уже приближались к нам. — Вот я и нашел ваше любовное гнездышко, — противная улыбка засверкала на его губах, мне захотелось снова отключиться, но на сей раз спасительная темнота не наступила. Ян ничего не сказал, только его глаза на минуту остановились на мне. Митяй зря времени не терял — Яна поставили на колени, пнули несколько раз для острастки и связали руки. Я с ужасом ждала свой черед, но, как ни странно, Митяй не только меня не убил, он даже пальцем меня не тронул. Я решила не испытывать судьбу и тихо повиновалась, когда он скучающим голосом приказал мне сесть в его машину. Яна, почти бесчувственного, погрузили в машину сопровождения. Уже сидя в машине, я мрачнела с каждой минутой. Отвезут меня во лесочек, и даже крестик на могилке не поставят. Но, видимо, боялась я зря, через полчаса мы въехали в город и остановились возле нового клуба, который еще даже не открылся. Митяй не спешил выходить из машины. Он как-то странно на меня посмотрел и произнес:

— Знаешь, почему тебя не пришиб? Приказ Бати. Уж очень жаждет он посмотреть на ту девку, что двоих мужиков так окрутила, что они даже готовы бошки свои положить. И мне, кстати, очень интересно.

От последних слов у меня мороз прошел по коже, но я виду не подала, к чему такому быдлу, свои страхи показывать, он только этого и дожидается.

— Выметайся из машины, — гаркнул Митяй, и я подчинилась.

Клуб был весь в строительном мусоре, повсюду висела пленка, стояли стремянки, валялись рабочие инструменты. Коридор, по всей видимости, служебный, был узким и длинным. Я шагала как на плаху, ничего хорошего от такого ублюдка, как Бересов, я не ждала, достаточно посмотреть на его, так называемых, подчиненных, чтобы понять это.

— Сюда, — указал Митяй на дверь внушительных размеров, и я открыла ее, на секунду задержав дыхание. В этой комнате отделочные работы были закончены, все сверкало чистотой, и возле дальней стены стоял большой письменный стол. За ним сидел высокий шатен в очках, в дорогом костюме. Когда он поднял свое лицо, я узнала в нем Бересова. Он с интересом разглядывал меня, и не скрою, я разглядывала его и думала, как новомодные тряпки могут скрывать личность. Передо мной сидел ухоженный, одетый с иголки человек, который на первый взгляд являлся представителем власти, а на второй... на второй взгляд это было чудовище, торгующее жизнями детей, да и обычных людей.

— Я же говорил, ничего особенного, — подал голос Митяй, который в этот момент усердно подпирал косяк двери плечом.

— Не спеши с выводами, — размеренным тоном ответил Бересов, — Первое впечатление очень часто обманчиво.

— Это вы по себе судите? — смело спросила я, хотя понимала, что могу поплатиться головой.

Бересов как-то по — мальчишески улыбнулся, наверное, именно это улыбка, будто искренняя, почти детская, и подкупала его избирателей.

— Вот именно, милая, по себе. Знаешь, зачем ты тут? — спросил он меня.

— Догадываюсь, — буркнула я в ответ, пытаясь предположить дальнейший ход событий.

— Ну, раз догадываешься, то не будем тратить время. Мне нужен твой муж, а не ты.

— А если он не приедет?

— Тогда извини, — также спокойно ответил он и перевел свой взгляд на бумаги, лежащие на столе. — Уведи ее, Митяй.

Итак, разговор был закончен, и все было предельно ясно. Одно радовало, что Кирилл с Тошкой. Митяй по — хозяйски взял меня за руку, чуть выше локтя, и бесцеремонно подтолкнул к двери.

— И, да, Митяй, не вздумай трогать девчонку.

Митяй недовольно кивнул, а я искренне обрадовалась, хотя бы от его издевательств я свободна, на какое-то время. Мы спустились в цокольный этаж клуба, долго петляли по коридорам, пока не нашли нужную дверь. Митяй втокнул меня в комнату, посмотрел на меня сурово и захлопнул дверь. От пережитого меня бросило в дрожь, запоздалая реакция, но лучше так, чем я бы струхнула, стоя перед ними. Комната выглядела вполне жилой, наверное, здесь жили строители. Мебель была старой, но хотя бы была. Кровать, пару стульев и обеденный стол. Окон здесь не было, чему я собственно не удивилась, было бы глупо запираить меня в комнате с окнами.

Два часа я мерила комнату шагами, два часа я без перерыва думала, как мне сбежать, два часа потерянного времени....

— Хочешь поговорить с ним?

Я подпрыгнула на месте, услышав голос Бересова у себя над ухом.

— С кем?

— Не с мужем, — он улыбнулся своей фирменной улыбкой.

Н-да, пронизательности ему не занимать, да и чему удивляться, по-моему, у меня сейчас все на лбу написано.

— С чего это вы так добры?

— Хочу понять, кто ты есть на самом деле.

— Никто.

— А вот это мне кажется маловероятным. Внешности ты самой обыкновенной, а вот что касается внутреннего содержания....

— Вам — то, какое дело до моего внутреннего содержания?

Он опять улыбнулся.

— Если я пойму, что ты пустышка — перекочуеть в собственность к Митяю. Синица в таком случае за тобой не вернется. Если ты баба с головой, значит, я не зря трачу свое время, и твой муж за тобой приедет.

— Значит, по вашей логике пустышек не любят, так что ли?

— Любят, но не такие как он. И уж тем более за ними не возвращаются.

Мне просто стало смешно от его логики.

— А если третий вариант?

— Какой? — не без интереса спросил Бересов

— Я не пустышка, а он не возвращается.

Он промолчал, только взглядом меня сверлил, а я пожалела, что вообще задала этот вопрос. Уже у выхода он сказал:

— Умные долго не живут. Жду тебя сегодня в восемь вечера у себя в кабинете. И не бойся, не в постель зову.

К восьми часам, когда за мной пришел охранник Бересова, я передумала тысячу причин его приглашения, и не остановилась ни на одной. По моему пониманию, меня должны были как минимум запереть в комнате и не выпускать оттуда до приезда Тошки.

Заходя в кабинет Бересова, я боялась его, боялась неизвестности, но еще больше боялась, что он кинет меня Митяю, как собаке кость.

Он сидел за журнальным столиком и задумчиво смотрел на шахматную доску перед собой. Услышав, как я зашла, он поднял на меня васильковые глаза и улыбнулся. Черт! Никогда раньше я не встречала подобной улыбки. Как можно быть таким выродком и уметь так улыбаться?

— Сыграем?

Мне срочно понадобился стул или хоть что-нибудь, на что можно присесть. Бересов рассмеялся, глядя на мое изумленное лицо. — А я ведь предупреждал, что зову тебя не для постели.

— Вы умеете удивлять, Сергей... — я запнулась, пытаюсь вспомнить его отчество.

— Просто Сергей, — кивнул он, приглашая меня за стол.

— Мы с вами вроде бы на брудершафт не пили.

— А это мы сейчас исправим, — весело сказал он, доставая бутылку красного вина.

Кто меня за язык тянул?

— Спасибо, но я не буду.

— Это всего лишь вино, Елена, — сказал он, пристально глядя мне в глаза. Я поняла, что отказываться нельзя, неизвестно чем это для меня обернется, и я села за столик.

— Ты так и не ответила на мой вопрос. Ты хочешь увидеть Стрелка? — спросил он, разливая вино в бокалы.

— А он что, сильно нуждается в моем присутствии?

Бересов улыбнулся.

— Насколько мне известно, ты была с ним близка. Отчего же такая вражда?

— Терпеть не могу предателей, — холодно ответила я, принимая из его рук бокал с вином.

— Я бы на твоём месте не судил столь строго, — заметил он.

— А вы и не на моём месте.

— А ты не на его месте. Подумай сама, сколько можно управлять двумя мужчинами? Причем они вовсе не глупы. Синицу я знаю давно, и поэтому могу точно сказать, что он парень с головой. А Стрелок просто понял, что проиграл, и терять ему по сути уже нечего.

Умел Бересов вызвать на откровенность. А, впрочем, что я теряю, если выскажу свое мнение?

— По-вашему, это нормальная жизнь? Или может быть мужа — бандита мечтает иметь каждая женщина? Вы женаты, Сергей?

— Нет, — улыбнулся он, — Я в разводе.

— Возможно, вам нравится такая жизнь.

Я замолчала, а он долго смотрел на меня, прежде чем сказать:

— Как у такого отца могла вырасти такая дочь?

— Как мне это понимать?

— Как комплимент. Твой отец не святой, далеко не святой и каких-то моральных принципов у него и вовсе нет, поэтому я и не понимаю, каким образом он воспитал такую, как ты. В голодные годы он начал работать под моим руководством, несмотря на то, что на 12 лет меня старше. Хватка у него была как у акулы. Я тогда только пришел к власти, пацаном был, Казанцев многое, что мне дал и многому научил.

— И теперь вы держите вашего учителя в заложниках.

— Я его отпустил, именно он сообщит твоему мужу, что ты у меня. Твой отец подал мне идею заграничного бизнеса.

Все поплыло перед глазами. Выходит, отец врал, именно он вел линию Бересова с заграничными борделями.

— Ты в порядке?

— Да, все нормально.

— Ты побледнела.

— Все в порядке.

— Я живой человек, Лена, и уж тем более не слепой, и порядка я не вижу.

— Зато вы отличаетесь полным бесчувствием, когда вам это выгодно!

— Ты слишком молода, чтобы понять меня.

— Я не хочу вас понимать! Я вообще не желаю понимать человека, торгующего детьми!

На лице Бересова проскользнула хищная ухмылка.

— Все-таки Синица рассказал тебе все.

— Уверена, что не все! — гнев полыхал во мне все больше и больше, я понимала, что иду на рожон, что одно неверное слово и моя жизнь не будет стоить и ломаного гроша, но я уже не могла остановиться, — Уверена, что вы еще хуже, чем мне рассказывали! Господи, и я считала чудовищем своего мужа, да он святой по сравнению с вами!

— Святой?! — на лице Бересова не было и тени улыбки, глаза гневно сверкали,

— А наркота, по-твоему, людей не убивает?

— О чем вы? — испуганно спросила я.

— Ты что действительно ничего не знаешь? — он смотрел на меня с недоверием, — Твой муж делает деньги на наркоте, а ты не знаешь?

— Я вам не верю! — вспыхнула я.

— Дурочка! Да он с нее начинал, как, по-твоему, он вообще поднялся?

Господи, куда же я вляпалась? И как мне теперь с этим жить?

— Что-то мне расхотелось играть в шахматы. Пусть меня отведут обратно, Сергей.

Бересов кивнул и позвал охрану.

— Можно одну просьбу? — обратилась я к Бересову, он снова кивнул.

— Дайте мне сигареты.

Его брови поползли вверх, но он, молча, протянул мне пачку Кэмел.

Уже в комнате я взяла сигарету и закурила. Не курила я очень давно, со второго курса института, но вернуться оказалось очень просто.

— Как просто возвращаться к старым привычкам, правда?

На пороге комнаты стоял Бересов.

— Вы что дьявол? Откуда вы можете это знать?

Он тихо рассмеялся.

— Прежде чем встретится с тобой, я собрал целое досье на тебя — чем увлекаешься, что любишь...

— Зачем?

— Я же говорил, что хочу понять кто ты. Кто ты для Сеницы.

— Женщина.

— Умная женщина и красивая.

Я внимательно посмотрела на него. На что он пытается меня развести?

— Была бы умной, не вляпалась бы в это дерьмо, — отчеканила я, — А что до красоты, то для каждого она своя. Я только одного понять не могу, почему вы занимаетесь мной лично?

Бересов приблизился ко мне почти вплотную.

— Твой муж, детка, взял то, что ему не принадлежит, и более того, он кинул меня на очень крупную сумму денег. А теперь, пораскинь мозгами, почему я занимаюсь этим лично, почему ношусь с тобой, как курица с яйцом. Ты дорога ему, узнав тебя, я понимаю насколько, и с твоей помощью я верну все, что он у меня забрал, и даже, сверх того.

Я отвела свой взгляд от него и приглушенно сказала:

— Он не вернется, Сергей. От его любви ко мне ничего не осталось. Я очень сильно его обидела.

Бересов задумчиво посмотрел на меня.

— Он вернется. Я бы вернулся.

Я промолчала. В свете того, что я сегодня узнала про своего мужа, я уже не знала, что для меня хуже моя собственная смерть или его. Антон, как же ты мог! Неужели ты такой лицемер!

— Что еще такого мне нужно знать? — спросила я у Бересова, а он снова улыбнулся.

— А ты храбрая девочка. Идем.

Он взял мою руку в свою, и мы вышли из моей тюрьмы. Мы несколько минут петляли по коридору цокольного этажа. Я даже не представляла, что клуб настолько громаден.

— Зачем вы все это мне рассказываете?

— У меня своя выгода.

— Ну, конечно, и речи быть не может, что вы меня пожалели по доброте душевной.

Бересов даже хохотнул от нелепости моего предположения.

— Я никогда никого не жалею, даже себя. Запомни, самопожертвование не мой конек. Все поступки, совершаемые людьми, имеют свою выгоду. Можно конечно прикрываться красивыми словами, но на самом деле, если люди страдают, если не пытаются найти решение своих проблем, а только жалуется на жизнь, значит тут два варианта: либо им это в чем-то выгодно, либо они мазохисты, что, впрочем, не исключает первого варианта.

— И в чем же выгода страданий? Почему допустим, один терпит издевательства другого? Где эта выгода здесь?

Он резко остановился и посмотрел мне в глаза.

— Некоторым людям нравится страдать. Нравиться, когда их жалеют, успокаивают и чуть ли не памятник при жизни ставят за терпение. Женщина, терпящая избиения и измены мужчины, получает от этого моральное удовлетворение, не сознательно, конечно. Но почему такие женщины, даже если бросают своих мучителей, то находят такого же или еще хуже? Жертва всегда найдет своего палача. Конечно это низкая самооценка и куча комплексов. Но

спроси себя — почему они ничего не меняют в себе? И ты, живя с бандитом и жалуясь на судьбу, по меньшей мере, кривишь душой. Не нравится — давно бы ушла, а не ушла, значит, есть смысл.

— А если этот смысл любовь?

— Называй, как хочешь, — улыбнулся он, — Я сдаюсь. По всей видимости, ты либо меня не услышала, либо просто не захотела услышать.

Никогда и никто не говорил мне таких слов, и, хотя, я никогда не скажу Бересову, но я его слышала. Чем больше я разговаривала с ним, тем больше не понимала, как, почему в такой многогранности познаний он вступил на преступный путь? Его взгляды, острый ум могли сделать карьеру, не касаясь всей этой грязи. Или это просто невозможно в нашей стране?

— Куда мы идем?

— Уже почти пришли.

Наконец, мы добрались до очередной двери, и Сергей резко распахнул ее. От увиденного я вздрогнула. Ян, привязанный к большой трубе, весь в крови и только взгляд мутных глаз говорил о том, что он еще в сознании. Вот его глаза увидели меня и приобрели хоть какое-то осознанное выражение.

— Ты жива... — пошептал он одними губами.

Бересов ухмыльнулся и подошел к нему поближе.

— Ну что, давай расскажем твоей даме сердца правду.

— Иди к черту, Батя, — сдавленно произнес Ян и плюнул в сторону Бересова. Тут же в ответ от стоящего рядом с ним парня он получил мощный удар в челюсть. Я вскрикнула и отвернулась.

— Ян, какую правду? О чем он говорит? — мой голос дрожал, я не могла спокойно смотреть на его страдания, несмотря на то, что пару часов назад мне самой хотелось его убить.

— Наш дорогой Стрелок, — ответил Бересов за него, — Оказывается засланный казачок.

— Я не понимаю, — пробормотала я, а не хорошее предчувствие уже сигналило у меня в голове.

— Ян — сотрудник отдела по борьбе с организованной преступностью. Девять лет как работает под прикрытием. Попросту он мент. Знакомство ваше было случайными, он влюбился. И все бы хорошо, только ты помахала ему ручкой по непонятным мне причинам, а через некоторое время выскочила замуж за Синицу, одного из криминальных авторитетов, которого он вел. Он решил, что будет очень полезно стать твоим любовником....

— Не слушай его, Лена!

— Правда, прямых доказательств преступной деятельности твоего мужа у него не было. Но надо отдать ему должное — он мог сдать Синицу с поличным во время перестрелки в клубе Азалия и Антон бы сел за убийство. Но видно, не захотел мелочиться и срывать такую операцию, так как за убийство дали бы лет пять шесть от силы, а вот за организацию преступного сообщества дали бы лет двадцать.

— Зато на тебя, паскуда, я нашел достаточно! — прорычал Ян. Бересов ухмыльнулся.

— Только вот какая незадача, все доказательства — пленки, документы, — сгорели, Стрелок. Очень жаль. А еще, очень хреново сказался тот факт, — продолжил Бересов, обращаясь ко мне, — Что у нашего дорогого Яна с годами влюбленность к тебе не только не

прошла, а просто приобрела какой-то маниакальный характер. И Ян, уже отчаявшись тебя получить по доброй воле, затеял свою игру. Он обратился ко мне с просьбой, а вернее с предложением — он мне Антона на блюде с голубой каемочкой, а я держу какое-то время твоих родителей и не трогаю тебя. Я согласился, сделка вполне меня устраивала. Но тут, как назло, появляется информатор Стрелка и просит за очень интересную информацию денег. Я дал, чего ж не дать, я не жадный. И сдал он его со всеми потрохами.

— Ты все продумал правильно, — обратился он уже к Яну, — И Антона бы убрал, и меня бы посадил, и баба бы была с тобой, а ты бы еще звездочку на погоны получил. Только информатор у тебя оказался сукой, жадной до денег. У каждого своя цена.

Я стояла ни жива, ни мертва. Я даже не понимала, что же я чувствую. Все оказалось ложью? Все девять лет моей жизни — это ложь? Да, что там, девять лет! Вся моя жизнь от начала до конца — это ложь.... Отец — садист и лицемер, Антон — наркоторговец и убийца, а Ян — мент. Господи, как же трудно было открывать глаза.

Но я ведь готова поверить в то, что мой отец подонок, в то, что Ян является тем, кем является, но не готова и просто не хочу верить, что отец моего ребенка торгует наркотой.

В очередной раз Бересов ухмыльнулся, ухмылка вообще не сходила с его лица с тех пор, как мы сюда вошли.

— Поговори с ним, Лена, а потом я жду тебя в своем кабинете.

Да-а, его слова прозвучали не то, что двусмысленно, в них как раз был один единственный смысл. Я знала, для кого он их произнес, и уже видела изумление на лице Яна, которое медленно перерастало в тихую ярость. Бересов ушел, оставив рядом молчаливого охранника.

— Сама под него легла или он тебя заставил? — зло прохрипел Ян.

— А это имеет какое-то значение?

Его вопрос задел меня. Неужели он так плохо меня знает? По всей видимости, так же хорошо, как и я его.

— Никакого, — глухо пробормотал он в ответ, — У тебя все равно не было выбора.

— Выбор есть всегда, Ян, — твердо произнесла я, — Я могла убить его или себя, могла отдаться ему по своей воле или сопротивляться, а могла и ошарашить его каким-нибудь венерическим заболеванием, так, что он бы побрезговал ко мне притрагиваться. В общем, выбрать есть из чего. А вот ты себя проблемой выбора не утруждал.

— Это не так, — покачал он головой.

— Это правда? — тихо спросила я, глядя ему в лицо.

— Правда, — ответил он, но глаз не отвел.

— Почему?

— Почему что? Почему я сажаю таких ублюдков как он? — усмехнулся Ян.

— Почему ты так ненавидишь Антона?

— Он бандит и убийца.

— Ты не лучше! Предатель и лицемер! Работая столько лет под прикрытием, ты не раз нарушал закон! Почему именно Антон? Я только верхушка айсберга. Что между вами произошло?

Молчание длилось долго, настолько долго, что я подумала, будто он вовсе не ответит.

— Десять лет тому назад я только начал работать в ОБОП. У меня были все рекомендации к этому, тем более мой отец сам был майором местного ОВД. Придумали легенду, что я рано потерял родителей и остался с сестрой один. Тем более в родном городе

друзей и знакомых не было, так как я уехал с матерью еще лет в шесть после развода родителей. Легенде поверили. Карьера шла вверх стремительно, я познакомился с девушкой. Все шло просто идеально, я даже подумывал, а не пожениться ли нам. Через какое-то время я начал замечать перемены в ней. Она стала угрюмой, злой, необщительной от нее прежней ничего не осталось, все чаще она куда-то пропадала. Я не дурак и понял сразу, в чем дело. В один из вечеров я проверил ее вены. Догадываешься, что я там увидел? Я выследил ее, мне жизненно необходимо, нужно было знать, какая тварь посадила ее на иглу. Очередную дозу она получила у меня на глазах. Я узнал, кому принадлежал этот притон. И взял его в разработку.

Во рту пересохло, дышалось с трудом. Ни к чему было называть имя, оно читалось в его глазах.

— Она жива?

— Наркоманы долго не живут, — горько усмехнулся он, — Тогда я почти излечился от боли. Но уже внедрился в банду Сизова. У меня была только одна цель — уничтожить эту тварь! В тот год я познакомился с тобой, ты дала мне надежду, что я еще не умер, что я могу жить не только ненавистью.

Ты не представляешь, что я пережил, когда узнал, что ты познакомилась с ним. Я боялся, что и ты пойдешь по ее пути, но Синица влюбился. Наркоманкой ты не стала, зато стала его женой.

— Антон знал кто ты?

— Конечно, нет. Но он знал причину моей ненависти. Уже, будучи одним из боевиков Сизова я встретился с ним случайно на одном сходняке. Я не выдержал, рассказал, что знаю, кто он, что по его вине погибла моя девушка. Он ничего не сказал в свое оправданье, более того, он просто на просто ее не знал! Понимаешь, не знал! Для него люди — мусор! Тогда я пообещал, что использую все шансы, чтобы его уничтожить.

— Я была и есть этот шанс.

— Я не хотел использовать тебя.

— Но использовал! Какой же ты лицемер, Ян! И это ты меня учил быть честной, когда сам просто утоп в собственной лжи! Я не смогу больше верить.

Ян пристально смотрел мне в глаза, будто пытаюсь что-то найти в них. Я пылала праведным гневом и, в то же время, боялась. Невозможно было сказать, что во мне играло сильнее.

— Правильно, девочка, не доверяй никому, — тихо сказал он, — Если бы ты знала, сколько раз мне хотелось признаться тебе в том, кто я есть на самом деле, сколько раз я одергивал себя, лишь бы только не видеть презрения в твоих глазах. Я не мог сказать правду дочери Казанцева.

— Ты не мог сказать правду дочери Казанцева, но ты мог сказать мне, той, которая была с тобой до Антона, — отрезала я, — Все было бы по-другому.

— Было бы то же самое, только тебя бы здесь не было.

Он вдруг замолчал и побледнел так сильно, что это стало видно даже через многочисленные раны и ссадины на его лице.

— Выходит, я рискнул тобой. Рискнул и проиграл. И я молюсь, возможно, в первый раз в жизни по — настоящему, чтобы Бересов не тронул тебя. Иначе, я сам вложу пистолет в его руки, чтобы он пристрелил меня, как бешеную собаку... Я сделал кучу ошибок. И ты, наверное, права, говоря, что я не лучше Синицы...

Он умолк и больше не заговорил со мной. А мне предстояло вернуться к Бересову и попытаться узнать, ради чего он устроил этот спектакль.

Я открыла дверь, ведущую в кабинет Бересова, и решительно шагнула внутрь.

— Теперь вы окончательно меня добили или же ожидаются еще сюрпризы? — выпалила я, глядя ему в лицо.

Бересов удивленно на меня посмотрел или же сделал вид, что его удивлению нет предела. Везде ложь от начала до конца, все лгут, все и про все.

— Считаешь, что мне это доставляет удовольствие?

— О, да! — с вызовом бросила я. — Сколько еще меня будут здесь держать, Сергей? Через сколько дней вы убьете меня, Яна, Антона? Мне кажется, я имею право знать!

Бересов медленно поднялся из-за стола и взгляд его васильковых глаз уже не был снисходительным, как до этого момента.

— Ты не пустышка, — он цинично улыбнулся, — И ты права, мне доставляет это удовольствие.

В его голосе было что-то такое, что испугало меня и сбilo всю боевую спесь.

— Я передумал, — через секунду объявил он властным голосом. — Я не верну тебя Синице.

Бух. Сердце ухнуло вниз и забилося, в предсмертной агонии.

— Пожалуй, и Митяю я тебя не отдам. Он не оценит, что у него в руках.

Он вдруг посмотрел на меня, будто впервые увидел, долго и пристально.

— И почему мне раньше не пришло это в голову? — пробормотал он себе под нос.

Смысл его слов доходил до меня с трудом. Бересов же улыбался так, словно перед ним была не я, а редчайший музейный экспонат.

— Имеешь право знать, говоришь? — переспросил он и неожиданно засмеялся. — Есть у меня один клиент за границей, который все сетует на вялость и флегматичность русских рабынь. Ни одна ему еще не угодила, — он снова засмеялся, — Но ты! Ты не такая, девочка моя, ты будешь драться, и кусаться до последнего. Самое интересное, что он просто помешан на русских и предлагает очень неприличную сумму.

Я стояла, кажется, мне не двинуться с этого места в ближайшие сто лет, а лучше двести.

— Что? Что вы такое говорите? Вы бредите?

Что это, Господи? Конец моего пути? Или какая-то дурная шутка? Бересов улыбался всеми тридцати двумя зубами, и мне казалось, что вот сейчас он произнесет: "Улыбайтесь, вас снимает скрытая камера!" Но камеры не было и Бересов не шоумен, и я к нему не в гости пришла.

Что мне делать? Переубедить? Вряд ли возможно, когда его глаза так хищно сверкают, как у коршуна перед добычей. Выиграть время? Но кто мне поможет? Полумертвый Ян? Антон? Он не спешил возвращаться, и я не могу его винить за это, он защищает сына, если меня не станет, то он единственный кто останется у Кирки... Но, черт побери, я виню его! Он должен вернуться! И спасти меня, вырвать из хищных лап Бересова!

Нужно посмотреть правде в глаза. Я не принцесса из замка, а он не доблестный рыцарь. Он не вернется.

Откуда-то появился Митяй, которого я благополучно не видела в этот день. Прошел всего лишь день, а перед глазами промелькнула вечность. Мой взгляд на мир изменился всего лишь за день.

— Митяй, подготовь девочку.

Митяй послушно кивнул и самодовольно усмехнулся. И я очнулась.

— Вы задумали это гораздо раньше, я права? — спросила я у Бересова, — Вы не собирались отдавать меня Антону. Все это время вы знали, для чего я здесь.

— Bravo, Лена. Наконец-то дошло. Я знал, что рано или поздно догадаешься, — улыбнулся Бересов.

— Просто ценный экземпляр, — хмыкнул Митяй.

Я невольно оглянулась на него. С лица Митяя не сходила гнусная ухмылка, но глаза были очень серьезными.

— Вы далеко пойдете, — с отвращением бросила я Бересову.

— Ты даже не представляешь насколько далеко, — ответил он.

Митяй взял меня под руку и вывел из его кабинета. До места моего заключения мы шли молча, что было удивительно для не в меру наглого и хамоватого садюги. Лишь, когда мы зашли, он открыл рот.

— Твоего нового хозяина будут звать Ноэль. И твоя спесь, и высокомерие сыграют нам на руку. Он любит, когда бабы дают ему отпор.

— Нового хозяина? — переспросила я хладнокровно, — А у меня был старый?

— Не прикидывайся, ты знаешь, о ком я говорю.

— Антон был мне мужем, а не хозяином. Ты хоть чувствуешь разницу?

Митяй неожиданно взорвался:

— Да иди ты к черту, твою мать! Чувствую ли я разницу! Разница есть — была бы ты нормальной женой, не завела бы себе любовника, да еще и мента!

Ого! А Митяй-то у нас оказывается "высоких моральных принципов"!

— А чего это тебя так сильно задевает? — продолжала я, хотя рисковала по страшному — не ровен час и он прибьет меня, как надоедливую муху и плевать ему будет на деньги. Или не плевать?

Митяй совсем изменился в лице, видать, я единственная кто осмеливался говорить с ним в подобном тоне. Секунду он смотрел на меня, и на лбу было написано большими буквами — сейчас убью. А потом вылетел, как пуля. И чего это с ним? Я, конечно, знала, что он придурок, садюга и сволочь, но его поведение все же было странным.

Долго ждать мне не пришлось. Он вернулся с абсолютно спокойным лицом. Видимо пар выпустил на ком-то другом, странно, что не на мне. Хотя я теперь товар, а товару нужен соответствующий вид.

— Не могу сказать, что я по тебе успела соскучиться, — заявила я, Митяй хмыкнул и странно на меня посмотрел, наверное, приценивался. Я лихорадочно думала. Помощи мне ждать не от кого, так что остаётся надеяться только на себя. А вот что я могу — это вопрос. Драться и стрелять я не умею, да какое там, я даже водить машину не умею.

— Ну, что, цыпочка, раздевайся, — мерзкая ухмылочка расплзлась по всей физиономии.

Я вздрогнула, и глаза на него вытаращила.

— Сдурел?

— Нужна ты мне, у меня бабы и красивее есть, — фыркнул он и даже глаза закатил, — Осмотр товара, дура.

— А если не разденусь? — решила уточнить я.

— Тогда придется товар немного подпортить, — грозно ответил он.

Я обреченно вздохнула. Конечно, раздеваться перед этим кровососом не было никакого

желания. Да и в одежде я чувствовала хоть какую-то защищенность, но, твою мать, но.

Я быстро скинула свои шмотки, всем сердцем желая этой скотине сдохнуть в адских муках. Митяй не спеша осматривал меня, но тут его глаза изумленно расширились, и он ругнулся так, что у меня возникло острое желание проверить, не выросла ли у меня третья нога или, к примеру, хвост.

— Что это, твою мать?

— Где? — не поняла я, сначала убедившись, что лишней ноги и хвоста нет.

— Вот, — указал он на живот.

— Пирсинг, в 13 лет сделала, когда за границей с отцом была.

— И колечко там приобрела?

— Нет, колечко подарок.

Что он никогда пирсинга не видел? Сейчас это и у нас в моду вошло.

— От кого?

— Какая разница, — отмахнулась я.

— Просто скажи от кого и все! — заорал он.

— У отца есть друг, — начала я рассказывать, лишь бы отвязался, — Дядя Боря, он занимается ювелирным делом вот он мне колечко и презентовал на шестнадцатилетние, между прочим, эксклюзив, дядя Боря больше такого никому не делал.

— Делал, — тихо и хмуро произнес Митяй.

— Кому? — удивленно лягнула я, а потом вдруг поняла, что Митяй знает его. Дядя Боря был моим крёстным. Только я совсем не понимала, причем тут он.

— Одевайся, — хмуро произнес Митяй и даже отвернулся, чем несказанно меня поразил. Меня, естественно, долго упрашивать не пришлось.

— А ты кем ему приходишься? — буркнул Митяй все еще стоя ко мне спиной.

— Крестницей.

Он снова витиевато и длинно выругался.

Что-то тут было не чисто, и надо бы это выяснить. Что-то пошло не так для них, и это откровенно радовало. Каким-то образом это «не так» подразумевало дядю Борю. В следующую минуту Митяй подорвался и буквально вылетел из комнаты, никак черти вынесли. Но, по всей видимости, долго вдали от меня находиться он не мог, поэтому весь оставшийся вечер я постоянно видела его морду. То спросит какую-нибудь чушь, то покушать принесет, то просто слоняется по комнате из угла в угол. Под конец его метаний я не выдержала.

— А ты, часом, не заболел? — осведомилась я, глядя на него с неприязнью.

— Заткнись.

Лаконичный ответ, не придерёшься, и главное начисто отбивало охоту дальше спрашивать. Лоб его сморщился, видать напрягал он свои полторы извилины до основания.

— И когда же сие знаменательное событие произойдет? — подала я свой голос.

Он прервался от раздумий и непонимающе на меня посмотрел.

— Встреча с хозяином, — терпеливо пояснила я.

— Через неделю, — ответил он и снова углубился в себя.

Митяй был не похож сам на себя, а я даже представить не могла, что же для меня лучше — чтобы он молчал как сейчас и не донимал меня, или же, чтобы орал, как потерпевший, тем самым выдав мне какую-нибудь лишнюю информацию. Немного поразмыслив, я

решила, что лучше пусть орет и надо бы к нему основательно придраться. Но вот вопрос — к чему-придираться-то? Так чтобы за живое задело, но и так чтобы он меня в порыве гнева не прибил. Надо признать, что, несмотря на скверный характер, мужик он был спортивного телосложения, видимо, ни один день в качалке провел, и достаточно симпатичный. Так что внешность отпадала сразу. Ну а цепляться к интеллекту Митяя будет только самоубийца. По крайней мере я на такое не решаюсь. Но через два часа его напряженного раздумья и метания по комнате, я решила попробовать, так как наблюдать дальше его рожу не было никаких сил.

— Ты никак теорему Ферма в уме решаешь?

Он бросил на меня взгляд исподлобья, но ничего не сказал.

— Или же возьмём круче: думаешь над глобальным вопросом, что появилось раньше курица или яйцо! — не утомилась я.

— Ты когда-нибудь молчишь?

— Только по праздникам, мужским, из уважения, — изрекла я с умным лицом.

Митяй неожиданно весело хмыкнул, чем здорово напомнил мне нормального человека, и спросил без злости:

— Ты, вероятно, по бабьей своей глупости, думаешь, что я идиот?

— Нет, — вдруг испугалась я.

— А я к твоему сведенью закончил физмат.

— Это ж как тебя угораздило в бандиты то податься? — обалдело спросила я.

— «Я бандитом стать хочу, пусть меня научат», читала Агнию Барто в детстве? — и хохотнул, опять — таки по- человечески.

Но как оказалось, самое интересное было впереди. Ночью я не могла сомкнуть глаз ни на минуту. Все так странно и нереально. Бересов со своими философскими замашками, а теперь Митяй почти в человеческом облике.

Прямо надо мной послышался топот ног, где-то снаружи взревел мотор машины и через секунду все смолкло. Кто-то в спешке, среди ночи уехал. К чему бы это? Еще через пять минут кто-то вставил ключ в мою дверь и начал открывать. Я присела на кровати, пытаюсь хоть что-нибудь разглядеть в кромешной тьме. Изумлению моему не было предела, когда на пороге я увидела Митяя. Я уже хотела заголосить от страха, так как любой поймет, зачем мужик среди ночи к бабе прокрадывается, но Митяй приложил палец к губам, делая мне знак молчать. Это уже совсем ни в какие ворота не лезло, и я не закричала. В принципе я понимала — ори не ори, а никто мне здесь не поможет.

— Идем. Тихо. Свет не включать, — прошептал он четко и взял меня за руку.

Мы чуть не натолкнулись на охранников, идя по длинному коридору. Митяй вовремя меня втолкнул в мужской туалет, в кабинку и сам туда втиснулся. Кабинка была узкой для двоих, и мы были прижаты друг к другу так, что становилось трудно дышать. В туалет зашел один из охранников и поочередно начал открывать кабинки.

— Да тебе, наверное, послышалось! — раздался голос второго.

Мы переглянулись с Митяем, и я поняла, что все — мы пропали, и никакая сила нам не поможет. Меня убьют и его тоже, и я так и не узнаю, из-за чего он решил мне помочь и помогает ли? Вдруг это еще один хитроумный план?

— Оголи грудь, — шепнул он мне на ухо.

— Чего? — спросила я одними губами, но он не стал повторять, а повел себя странно. Он спустил штаны, сам расстегнул мне блузку, задрал юбку и закинул мою ногу к себе на талию, придерживая рукой.

И в этот момент дверь кабинки распахнулась. Митяй резко обернулся к обалдевшему охраннику, уткнув свое лицо себе в грудь так, чтобы не было видно. И до меня наконец-то дошло, зачем он все это проделал.

— Закрой дверь, твою мать! — рявкнул он, и охранник поспешил исполнить приказ.

— Извини, Митяй, мы думали, кто чужой ходит, — оправдывался тот, — Вы бы шли куда-нибудь, в более подходящее место.

И ушел, а у меня от облегчения аж ноги подкосились.

— Спасибо, — тихо пикнула я.

Митяй злобно на меня смотрел, но не долго. Приведя себя в порядок, мы двинулись дальше, и зашли в какую-то комнату. Митяй повернул замок в двери.

— Слушай меня внимательно, сейчас нам нужно пройти через пост охраны, иначе никак. И я должен вести себя как обычно, а это значит, я буду лапать тебя где угодно и как угодно. Для охраны ты шлюха, которую я снял. Поэтому если ты заорешь или влепишь мне пощечину нам крышка. Поняла меня?

Я молча кивнула.

— Когда выйдем из здания, я проведу тебя на стоянку, возьмешь ключи от белого жигуленка, номер А 394 МА, запомнила? Поедешь в клуб Азалия, бензин полный бак должно хватить. Батя уехал, поэтому хватятся тебя только к утру. Когда приедешь в клуб, найди Алика и скажи, что ты от меня. Тебе помогут выбраться отсюда.

— Я не умею водить машину.

— Вот черт!

— Отпусти Яна. Надеюсь, он в состоянии вести.

— Чокнулась? Мне из-за тебя башку оторвут, а за мента вообще четвертуют.

— Господи, физмат закончил, а соображалка где? Вот и свалишь все на него и на охрану.

— Может, ты и дело говоришь, — после минутного молчания сказал он, — Но предупреди своего мента, если покажет свой нос в области, второй раз ему так не повезет. На него все братки взъелись, сама понимаешь, суку хотят замочить.

Я кивнула.

— А как я пройду, меня охрана в лицо знает...

— Обижаешь, — протянул он и кинул мне в ноги спортивную сумку.

Уже через пять минут на мне был черный парик, килограмм косметики, и униформа девочек по вызову.

Выходило так, что это не помрачнение ума, а Митяй основательно готовился.

— Почему ты мне помогаешь?

Митяй невесело усмехнулся.

— Должок за мной один перед твоим крестным.

— Видно очень большой должок, раз ты головой рискуешь.

— Соображаешь, — потянул он, — Если бы не твое колечко, то готовилась бы ты сейчас к отлету в Карловы Вары, к Ноэлю. Таких колечек пока два — один у тебя, другой у меня. Дядя Боря твой мне жизнь спас, когда я на зоне отдыхал. Сдружились мы с ним. А на волю вышли, он мне такое колечко дал, как талисман, и сказал, что если увижу я такое колечко на ком-нибудь другом, то это его человек, и помочь я ему должен, если в переплете каком окажется. Кто ж знал, что этот человек — ты.

Вот это подарок! Выходит, дядя Боря теперь и мне жизнь спас. Ай да дядя Боря!

— Двинулись, — решительно сказал Митяй, и я уже ничего не страшась, покачивающейся походкой пошла в сторону выхода из клуба.

Уже ближе к охранному пункту Митяй заголосил дурным голосом: «Где мои семнадцать лет, на Большом Каретном...», а я пьяно хихикала, держась за его руку. Митяй шлепнул меня по заднице и полез рукой под майку с глупым возгласом: «А ну, покажи, чего у тебя там!» Краем глаза я видела, что охрана всю смотрит на нас, но настороженности не проявляют, видать не первый раз Митяй сюда девок таскает. Я слегка треснула Митяя по рукам и пьяным голосом провозгласила: «Требую чаевых!». «Сейчас будут тебе чаевые!» — гоготнул Митяй и полез под юбку. Охранники заржали.

— Митяй, что — то мы не видели, как ты ее сюда проводил, — высказался один.

Вот везет же, на такого дотошного нарваться!

— А это вопрос к вам, пацаны, — ухмыльнулся он, — Каким образом через вас смогла пойти размалёванная проститутка.

Мальчики впали в раздумья, но Митяй не собирался на этом останавливаться.

— Ну что языки проглотили? — раздался его громовой голос, — Хреново работу исполняете! Когда пересмена?

— Через полчаса, — ответил виновато один из них.

Митяй бросил на них испепеляющий взгляд, и мы, наконец-то, вышли из клуба.

На стоянке было тихо и темно. Охраны здесь не было, как ни странно. По всей видимости, Бересов не особенно переживал за угон машин, и правильно делал — какой же дурак решиться угонять тачку именно у него?

Митяй вложил мне ключи от беленькой пятерки.

— О машине не беспокойся, но и перед ментами ее особо не засвечивай. Бросишь неподалеку от клуба.

— А Ян? Ты с ума сошел! После твоей тирады охрана родную мать не пропустит! Что ты им скажешь?

— Ничего, — хмыкнул он, — Сейчас пересмена и минут 15 на посту будет проходной двор. Я успею. Залезь в машину и закройся изнутри. И никакой самодеятельности!

Я, подбоченясь, посмотрела на него, ишь, раскомандовался!

— Смотри, сейчас будет продолжение шоу, — напоследок бросил он мне.

А вообще мне дико везло, что мне несвойственно. Или все-таки есть на свете справедливость? Но если она есть, а Антон наркоделец, то очень возможно я скоро буду неофициальной вдовой.

Минут через десять, у охранного пункта послышался пьяный гогот и, вскоре, я увидела двоих новых охранников. Пересмена.

— Серега, ну и нахреначился же ты! Смотри, Митяй тебя увидит, и об официальном увольнении ты будешь только мечтать, — сказал один из охранников на посту пришедшему парню. Тот скалил зубы, пытаясь изобразить улыбку, но у него это плохо получалось, а при имени моего неожиданного спасителя, совсем загрустил.

— Да, ладно! Митяй в отключке, сам не трезвее нашего. Мужики, пошлите, лучше по рюмашке долбанем?

— Ну, уж нет, — возразил один из них, — Вы идите, а я лучше поработаю.

— Да, ладно, Стас, никто не сунется. Какой дурак решиться, а?

— Я все сказал.

Положение нужно было спасать. Если бы этот Стас ушел вместе с остальными, то Яну с

Митяем было бы легче пройти. Но уходить он не собирался, а вот проблем мог создать уйму.

Я вышла из машины и неровной походкой двинулась в сторону охранника.

— Скучаем? — спросила я зазывно.

Стасик малость обалдел от моего появления, но быстро пришел в себя.

— Даже не представляешь, как, — и улыбнулся во всю физиономию.

— А про меня забыли, — скорчила я обиженную мину и встала перед ним так, чтобы он смог меня разглядеть. И он разглядел.

— Сколько берешь?

— Тебе бесплатно, — хохотнула я, — Акт доброй воли, ты меня только домой потом отвези.

— Не вопрос, — улыбнулся он и двинулся ко мне.

Пока мы шли в сторону его комнатенки, я удивлялась, насколько все просто — помани мужика, раздвинь ему ножи, и он забудет про то, что за пять минут удовольствия придется расплачиваться собственной шкурой.

Сейчас я тихо радовалась. После рождения сына Антон заставил меня выучить один прием. Я отработывала его несколько месяцев под неусыпным взглядом Тошки и вовсю злилась на него за это. И сейчас знание этого приема очень мне помогало. Всего лишь требовалось найти нужную точку на теле человека и с силой нажать, и все, разбудить его смогут только через несколько часов. Мне бы ее найти, не опоздать.

Стас начал с поцелуев, меня начало воротить от всей души, но я заставила себя сосредоточиться и начать нащупывать эту точку чуть повыше ключицы.

Через минуту он рухнул ко мне в ноги, а я побежала обратно.

Столкнулась я с Митяем, который почти тащил на себе Яна уже у машины. И не дав ему времени заорать на меня сказала:

— Один охранник никак не хотел уходить. Пришлось его ликвидировать.

Глаза Митяя округлились до безобразия.

— Чего?

— Спит он в своей будке, к утру очухается.

Теперь они оба уставились на меня, как на инопланетянку.

— Вести машину сможешь? — спросила я у Яна, не желая терять времени.

— Смогу, — похрипел тот и, хромя, проковылял к машине.

— Митяй! — окликнула я уходящего не то врага, не то друга, — Не думала, что скажу тебе это, но спасибо.

Он ухмыльнулся и ответил:

— Сочтемся.

Почему-то в этот момент я поняла, что все — где бы наши дорожки не пересеклись, он всегда мне поможет, и я ему помогу, и дядя Боря тут уже не причем.

Долгие сутки подходили к концу, вовсю светило предрассветное небо, и Ян выжимал все силы из старенькой пятерки. И молчал.

— Мне кажется, за эти сутки я постарела лет на десять, — первой заговорила я.

Он мельком взглянул на меня, заплывшим от побоев лицом и ничего не ответил.

— Ты мне должен. Сгнил бы ты там и вонять начал через пару дней без меня.

— К чему клонишь? — все-таки спросил он.

— Оставь нас с Антоном в покое.

Он как-то зло рассмеялся и спросил:

— А ты ему нужна?

На этот раз промолчала я. Вот это и предстоит выяснить — нужна ему или нет. Претензий друг к другу у нас накопилось много. Мне нужно будет доказать ему, что я врала тогда, спасая его.

А себе доказать, что мне нужен ублюдок, торгующий наркотой.

Глава 10. Противостояние

*Праведные мотивы далеко не всегда
приводят к правильным результатам.*

Харуки Мураками

Ближе к утру мы подъехали к «Азалии». Ян остановил машину возле черного входа и еле выбрался наружу. Опричники Бересова все-таки здорово его отделали — на всем теле места живого нет. Он огляделся по сторонам, и, кивнув мне в сторону клуба, поднялся по ступенькам. Я подавила в себе нарастающий страх и шагнула за ним. Клуб навевал неприятные воспоминания. Здесь Антон убил Сизова и был ранен. И здесь закончилась наша дружба с Яном. Здесь не было Митяя и мне не перед кем было кривить душой, говоря, что Ян мне нужен только для того, чтобы вести машину. На самом деле, я просто не хотела его смерти. Глупая бабская жалость, за которую, возможно, придется расплачиваться.

В Азалии было темно, грохотала музыка и то и дело сновали туда- сюда подвыпившие танцующие пары. Бармен за стойкой деловито мешал какой-то коктейль. Вот к нему-то я и направилась.

— Мне нужен Алик, — крикнула я, но голос потонул в потоке музыки.

— Ну, я Алик, — прокричал мне в ответ бармен, — Ты кто такая?

— Я от Митяя, — крикнула я снова, тот пригляделся и кивнул.

— Пойдем.

Алик провел меня в один из VIP-кабинетов, и только тут я заметила, что неожиданно из моего поля зрения пропал Ян. Я задумалась и не сразу увидела фигуру человека в полутемном помещении. А когда увидела, то невольно охнула.

— Вот уж не ожидал тебя еще увидеть.

Первое что захотелось сделать — это кинуться на шею Тошки, а потом я вспомнила наше с ним прощание и ноги мои подкосились.

— Чем обязан? Твой отец позвонил и сказал, что нужна моя помощь, правда, не сказал, что помогать нужно тебе, — его губы скривились, а взгляд был — хуже не придумаешь.

— Не сказал? — до меня начало доходить, что он только что произнес.

— Да, я прибывал в полной уверенности, что ты нежишься в объятьях своего любовника. А оказалось, что ты побывала у Бересова. По своей воле или как?

— Или как! — огрызнулась я, в конце концов, именно из-за этого бесчувственного ублюдка я встряла в эту историю, — Ему нужен был ты, я, правда, сказала, что это никудышная затея, и ты пальцем не пошевелишь ради меня, но Бересов не захотел слушать.

— Вполне в его духе.

— Интересно, а чем тебя завлек мой отец, что ты на свой страх и риск вернулся в страну?

Он промолчал и отвернулся от меня. Вот он стоит такой родной, такой желанный, я чувствую его всеми фибрами моей души. Его походка до боли знакомая мне, вечная привычка держать руки в карманах брюк, и даже его циничная улыбка мне дороже всего. Но между нами пропасть. Пропасть, длиной в целую жизнь. Жизнь других людей.

— Забудь надежду всяк сюда входящий, — тихо произнес он.

— Что?

Он рассмеялся также тихо и натянуто, посмотрел мне в глаза, и я не посмела отвести взгляд.

— Надпись над воротами ада. А я в аду, в своем собственном личном аду, созданным своими собственными руками. Ты знаешь, под сорок начинаешь это понимать.

— Не казни себя, не все от тебя зависело, — слова вырвались непроизвольно, я прикусила губу.

Антон быстро подошел ко мне, взял за плечи и встряхнул.

— От меня зависело все! От меня зависело наша семья, которой я, по всей видимости, не сильно дорожил, поэтому потерял. От меня зависело твое чувство ко мне, которого нет, из-за моих ошибок.

— Ты не бог.

— Не бог, — согласился он, — Мужчина, отвечающий за свои ошибки. Мы все за них отвечаем рано или поздно.

Он вдруг резко закинул мою голову вверх и пристально посмотрел мне в глаза.

— Что он сделал с тобой?

От его бешеного взгляда у меня дух захватило.

— Не то, что ты думаешь, — я усмехнулась, — Бересов умеет производить впечатление, надо сказать, сногсшибательное впечатление.

— Ты изменилась.

— Изменилась, — кивнула я, — Не каждый день узнаешь, что твой отец торгует детьми, а любимый человек сажает на иглу.

Сказанное мной имело эффект пощечины. Но он молчал, и это молчание объяснило мне все.

— Прощай, — сказала я и развернулась к выходу.

— Не трудись, — раздался его звенящий от ярости голос, — Дверь заперта. Ты не уйдешь, пока мы не поговорим.

— Опять начинаешь? — крикнула я на него.

— Меня же не исправить, я такой, какой есть — не хочешь по-хорошему, будет по-плохому.

— Для чего ты вернулся Антон? Для того чтобы отомстить мне? Так этого можно было не делать, мог бы не возвращаться и Бересов бы меня убил.

— Но ты жива и далеко от Бати, кто бы мог подумать, что поможет тебе не кто иной, как Митяй, — он покачал головой, и мне стало ясно, чтобы я сейчас ни сказала, он не поверит ни одному моему слову.

— Антон, я хочу объяснить...

— Ты уже тогда достаточно объяснила, — прозвучал его стальной голос — Таких, как я не любят.

Я посмотрела ему в глаза и поняла, что тогда я совершила огромную ошибку, бросив эти слова ему в лицо. Он мог простить многое, его бы многое не задело, но эта фраза... Все его детство, юность и большую часть взрослой жизни ему приходилось просить о любви собственную мать. Он был уверен, что его нельзя любить. И вот я бросила эту убийственную фразу, подтверждая его страхи и комплексы.

— Все это время, ты снилась мне каждую ночь, — произнес он, — Каждую ночь, я спрашивал тебя, как ты могла жить со мной и лгать мне в глаза, и не получал ответа. Когда-то я сказал тебе, что ненавижу ложь, ты могла сказать мне правду, тебя бы никто не осудил,

но ты дала мне надежду, а на самом деле ненавидела?

Я замотала головой, не в силах вымолвить ни слова.

— Почему я приехал? Конечно же, я знал, куда и зачем еду, — Тошка горестно рассмеялся, — Глупо с моей стороны, конечно, но это так. Я приехал, думая, что ты у Бересова, я готов был обменять тебя на собственную жизнь. Я бы никогда не простил себе, если... — его голос сорвался, он не договорил, но в глазах я прочла то, что он с таким упорством от меня скрывал — он до сих пор любит меня.

— Тошка, — выдохнула я и сорвалась с места.

— Стой, где стоишь! — его голос был холоднее прежнего, и я остановилась.

— Мне не нужна твоя жалость и твои объяснения. Мне больше ничего не нужно. Все остается так, как мы планировали раньше — ты летишь в Нант к Кириллу, я остаюсь здесь.

— Ты сошел с ума, он найдет тебя и убьет.

— Если он не найдет меня, он достанет тебя в любой точке мира, потому что знает, что я за тобой вернусь.

Его ответ объяснил все. Нет шанса выжить нам двоим, куда бы мы ни улетели рано или поздно Бересов найдет нас. Но он не будет искать меня одну. Мне хотелось лечь и умереть, ведь он себя уже похоронил. Паника поднималась волнами, но окунуться в нее мне не дала одна мысль.

— Антон, какое отношение ты имеешь к наркокартелю?

Стук в дверь прозвучал как гром среди ясного неба.

— Ты кого-то ждешь? — спросила я взволнованно.

Он отрицательно мотнул головой, достал из-за спины пистолет, снял с предохранителя и быстро, но тихо подошел к двери. Я молча ждала, что будет дальше. Резко распахнув дверь, Антон буквально втащил в комнату непрошеного гостя, и также быстро захлопнул ее.

Гостем оказался Ян, я обмерла от испуга, смотря как от ярости лицо Антона перекосилось. Недолго думая, он приставил ствол к голове Яна.

— Нет! — закричала я и рванулась к ним, буквально снося Антона с ног. Выстрел прозвучал как-то глухо. Похоже, что пуля ударила в стену.

— Твою мать! — выругался Антон и сплюнул.

Ян ухмылялся во всю физиономию, но что больше меня поразило — он даже не дрогнул, не пытался отойти, уйти от выстрела.

Я замерла между ними, наблюдая, как два человека с глазами зверя смотрят друг на друга и ни один из них не пойдет на перемирие.

— Зря ты его сюда притащила. Теперь за его жизнь я не дам и ломаного гроша, — тихий, спокойный голос убийцы прозвучал в моих ушах, и я не сразу поняла, что этот голос принадлежит моему мужу.

— За твою жизнь ублюдок, я бы тоже не расточался, — еще более спокойно ответил Ян. Прозвучал щелчок, и в руках Яна сверкнуло холодное лезвие ножа. Я вскрикнула. Господи, откуда у него нож!?! Немного зная из биографии Яна, я все же знала, что во владении холодным оружием ему нет равных.

— Вы что творите, мать вашу! — от испуга мой голос перешел на фальцет.

Антон сверкнул оскалом, отбросил пистолет, достал из-за пазухи нож и пару раз перекинул его из одной руки в другую.

— Я ждал этого момента, долго ждал, — бросил он Яну, даже не удостоив меня взглядом.

— Сука, как же я тебя ненавижу! — нож в руках Яна запорхал, как бабочка.

Я продолжала стоять между ними, это единственное, что еще удерживало их.

— Отойди в сторону, маленькая, я могу задеть тебя, — попросил Антон так, будто просил меня о чем-то обыденном. Я чуть не задохнулась.

— Никогда!

— Лена, отойди! — крикнул уже Ян.

— Нет!

Сильный толчок заставил отлететь меня в сторону, я больно ударилась ногой, но все же попыталась встать. И тут же дикая боль пронзила ногу, кажется вывих.

И бой начался.

Я не верила своим глазам, но столкновение произошло, и бой был не на жизнь, а на смерть. И оттолкнул меня не кто иной, как Ян! Он хотел, он просто жаждал развязать кровопролитье. Он кинулся первым, с такой всепоглощающей яростью, что Антон только в долю секунды успел увернуться от летевшего клинка. Но все же лезвие ножа задело его правое плечо. Он не издал ни звука, я же вскрикнула, смотря, как на рубашке расплылось кровавое пятно. Они делали выпад за выпадом, словно танцуя, друг перед другом. Я лихорадочно думала, как остановить драку, но ничего путного в голову не приходило. Еще выпад и новая рана на теле Тошки. Антон был осторожен, но Ян был серьезным противником, несмотря на ярость, которая застилала ему глаза. Новый выпад, удар пришелся чуть выше колена Антона, он взвыл от дикой боли.

— Ян, пожалуйста, не надо! — крикнула я, мое сердце заходило от страха.

Как по приказу они оба обернулись ко мне, Ян колебался всего секунду, но этого хватило, чтобы Тошка кинулся на него с новыми силами, откинув на лету нож.

Удар пришелся Яну по голове, и еще один, и еще. Он был слишком слаб, после издевательств людей Бересова. Антон продолжал бить, еще немного, и он убил бы его.

— Антон! — закричала я в испуге, и попыталась снова встать на ноги. Он не слышал меня, перед глазами был враг. Я слишком хорошо знала, как мой муж расправляется с врагами.

В коридоре что-то гроыхнуло и, в следующую секунду, входная дверь с грохотом упала. В кабинет, на всех парах влетела Вика.

— Нет! — дико заорала она и двинулась ко мне. Только, когда она приблизилась, я увидела в ее руках пистолет! Она с силой схватила меня за волосы, отчего я вскрикнула, и приставила пистолет к моему виску.

— Остановись, Антон! — грозно крикнула она.

Но он уже остановился и с недоверием смотрел на происходящее. Ян без сознания валялся у него в ногах.

— Вика? — произнес он, еще не веря, — Как ты... Что ты творишь?

— Спасая жизнь своему брату, — отчеканила она, и еще сильнее дёрнула мои волосы. — Если он не дышит, я от твоей суки сухого места не оставлю, понял меня! — прошипела она.

Антон не сводил своих глаз с пистолета у моего виска.

— Он жив, — спокойно сказал мой муж.

Уму непостижимо, но я боялась не за свою жизнь, а за его. Где гарантия, что сейчас она не вскинет ствол и не выстрелит в него? Господи, неужели можно так любить?

— Положи пушку, — Антон перевел свой взгляд на Вику и медленно начал

приближаться к ней. У меня сжалось сердце, когда я увидела, что он хромает, а из раны, как из неиссякаемого источника, льется кровь.

— Не шевелись, — приказала Вика.

— Не шевелюсь, — ответил он и даже приподнял руки, как бы сдаваясь на милость победителя. Его глаза на миг скользнули по мне, и этого было достаточно, чтобы понять — он не остановится ни перед чем, но с моей головы не упадет и волос. Антон, безумный, остановись!

— Вика, ты великолепна! — смеющийся бархатистый голос раздался со стороны, где раньше находилась дверь.

— Батя! — воскликнул Тошка. Я медленно подняла глаза и увидела металл в глазах Бересова.

Следом за ним в помещение ввалились его люди, я поискала глазами, но Митяя среди них не обнаружила.

— Не ищи, — отрезал Сергей Бересов, правильно истолковав мой ищущий взгляд, — Предатели у меня долго не задерживаются! Очень жаль, милая, что именно ты причина его раннего ухода, он был мне как сын.

В искренность его чувств я не поверила, даже если бы очень сильно захотела.

— Это он нас сдал? — от ярости лицо Антона перекошило.

— Вряд ли можно молчать, когда тебя растягивают на дыбе пару часов! — бросил ему Батя, — Скоро ты лично с ней познакомишься.

— Нет! — закричала я.

— И тебя мы не оставим без внимания, — зловеще бросил он мне.

— Отпусти ее, Вика, — тихий хриплый голос принадлежал Яну. Он пришел в сознание.

— Да, отпусти ее, — кивнул Бересов. И Вика отпустила меня, а потом быстро и уверенно подошла к Бересову и поцеловала его.

У меня рот открылся от изумления, Антон был удивлен не меньше моего, но Ян... Ян знал об отношениях Вики и Бересова, только губы его дрогнули, и в уголках залегли в горестную складку.

— Ты знал! — крикнула я, уже не в силах сдерживаться.

Ян мазнул по мне взглядом и ничего не ответил.

— В машину их, — скомандовал Бересов людям, задержал свой взгляд на Яне и добавил — Всех.

— Сергей! Ты обещал! — возмущенно воскликнула Вика.

— Я помню, милая, — нежно глядя на нее, ответил Бересов, но тут же взгляд его отяжелел, — Но теперь, тебе придется выбирать.

Нас зачем-то отключили, перед тем, как затащить в машину. Лишь позже, когда я оказалась в незнакомом темном доме, я поняла зачем. Мы не должны догадаться, где мы находимся. Но, если это так, то значит убивать нас не входит в планы Бересова?

Голова раскалывалась на сотню мелких осколков, и я глухо застонала, снова попытавшись встать, но все с тем же успехом.

— Ты в порядке? — раздался голос моего мужа из угла комнаты, а я охнула. Неужели они поместили нас вместе? Как великодушно с их стороны, черт!

— В относительном, — буркнула я, — А ты?

— И я, — ответил он, но я отлично знала, что это не так. Одна рана на плече, другая на груди, и самая страшная на ноге.

— Они ведь не перевязали тебя? — спросила я, даже не надеясь на утвердительный ответ.

Антон хмыкнул, и, я почувствовала, улыбнулся.

— Нет, не перевязали, а зачем? Так я становлюсь слабее.

Сердце мое сжалось, уже в который раз.

— Нужно как-то выбираться отсюда, — тихо сказала я, массируя травмированную ногу.

— Ты думаешь, я не думаю над этим? — обиженно произнес он. — Я уже не знаю, что делать. Мои люди не в курсе, что я в стране. Да и мои ли теперь? Твой отец, ... в общем, он не сунется, — меня перекосило от горькой правды Антона. Он внимательно наблюдал за моей реакцией, а потом снова заговорил:

— Остается только один выход. Я отдаю ему бухгалтерию по черному товару, а он отпускает тебя. И ты сразу же, слышишь, сразу же летишь к Кириллу.

Я онемела, остолбенела и что-то, наверное, еще со мной случилось.

— Но он же убьет тебя! — мне казалось, я это крикнула, а на самом деле прошептала.

И снова молчание в ответ, а я вдруг поняла, ясно и отчетливо — меня такой обмен не устраивает, по мне, так лучше наоборот. Но Бересов, возможно, купится, а, возможно, попытается нас кинуть. Но и в том, и в другом случае, Антон будет мертв. А этого я никак не могу допустить. Как жаль, что у меня слишком мало времени, чтобы придумать стоящий план. У меня нет ничего, кроме самой себя, это и есть мое оружие. Что же делать? Как все обыграть так, чтобы Тошка мог уйти? Как, Боже, как?

Единственное, в чем я была уверена, он должен сам захотеть выбраться отсюда. Но он, похоже, смирился со своей участью. Ему достаточно вытащить меня, а там будь, что будет. Нужно заставить его захотеть остаться в живых. А это значит, заставить его ненавидеть меня, плюнуть, бросить, уйти самому. Но мы это уже проходили, вот сейчас он сидит, сверлит меня взглядом, думает обо мне, как о последней шлюхе, но продолжает меня любить. Всё, лишь бы спасти меня и сына. Как же мне заставить его любить и себя? Или, хотя бы найти причину, по которой он захотел бы выбраться отсюда. Нужно убедить его, что там, на свободе, он мне необходим. Но что нужно для этого, какие горы свернуть? Ведь он уверен в обратном, и виновата в этом я. Он не поверит ни одному моему ласковому слову. Господи, Лена, думай, думай! В любой момент могут прийти люди Сергея.

Антон сидел все так же, не шевелясь, только глаза сверкали кристалликами льда. Я искала ответы, глядя на него. Что может заставить жаждать жить столь холодного и жестокого человека? Человека, который создал свою группировку, убрал конкурента и наказал моих обидчиков?

Конечно же, как я раньше не поняла! Мечь! Всепоглощающая, сжигающая все на своем пути мечь. Он должен жаждать мести, найти и уничтожить. Но кого и за что? У него больше нет врагов, кроме Бересова, да и кровопролитья я больше не хочу, просто нужно заставить поверить его в наличие врага. Когда он выберется живым отсюда, я все ему расскажу. Всё, начиная с того вечера у Яна.

Мысль настолько чудовищная, но единственно верная пришла в голову неожиданно. Господи, слишком мало времени, чтобы думать о морали, прости меня за эту ложь.

— Я уничтожила любимую игрушку Бати, он меня живой не отпустит, — сказала я Антону, — Из-за меня он убил Митя.

Антон сверкнул глазами, сморщился от боли, которую причиняли ему раны и спросил:

— Почему он помог тебе?

— Украшение в пупке помнишь?

— Золотое колечко с иероглифами, насколько помню эксклюзив от крестного отца, — я кивнула, — А Митяй что знал его? — удивился он.

— Не просто знал, сидел вместе с ним, дружил, получил в дар такое же кольцо, как и у меня, и обещал, что поможет человеку, если тот тоже будет обладателем такого кольца.

— Ясно, нужно будет отблагодарить дядю Борю, — произнес Антон.

Вот сейчас я соберусь и скажу ему самую отвратительную, гнусную ложь в мире.

— Иди, благодари эту жирную свинью, которая посмела тронуть меня еще девчонкой в девятнадцать лет! — крикнула я и отвернулась.

Играть мне практически не пришлось, я дрожала от страха, что он сейчас все поймет и просто убьет меня. Господи прости, но только жаждой мести я смогу заставить его жить! Он вырос на подобных уличных законах — «око за око».

— Что ты сказала? — его голос срывался, кажется, он остолбенел. Я прикусила губу.

— Посмотри мне в глаза и повтори, что ты сказала, — ледяным голосом приказал он.

Я покачала головой и сильно зажмурила глаза. Господи, прости меня, и помоги!

— Нет, — сначала тихо произнес он, — Нет! — рев раненого животного. В следующую секунду он лупил кулаками стену, а я думала, что первое, что я сделаю, когда мы убежим отсюда, это расскажу ему правду, чем бы это для меня не закончилось. Антон закончил только тогда, когда силы иссякли, а пальцы рук представляли собой одну сплошную кровавую рану. Он тяжело опустился на деревянный пол. Он не смотрел на меня и молчал, а я все ждала, что вот сейчас он обо всем догадается.

— Почему молчала? — раздался его хриплый голос.

— Это позор семьи, Тоша, никто не должен знать, — как же мне хотелось оттяпать себе язык.

— Почему носишь его кольцо? — он поднял на меня глаза, и я вздрогнула от увиденного в них.

— Чтобы помнить, и не забывать, что он сделал, — твердо ответила я. Дура, ничего умнее не нашла! Он замолчал и взгляд его потух, а я читала молитвы, чтобы вся эта затея закончилась благополучно, иначе мне никогда не смыть с души то, что я сегодня натворила. Господи, прости!

— Я передумал, — сказал Антон, спустя три часа, а я в который раз вздрогнула, — От Бати мы уйдем вместе.

И поднял на меня глаза. Но уже не он. Сверкающие две глыбы льда вместо глаз на смуглом лице. Первобытный страх поднялся из глубин. Зверь вышел на охоту. Еще через полчаса Антон встал, прихрамывая, подошел к двери и долбанул в нее, что есть силы. Я молча наблюдала. Через полминуты дверь открылась, и охранник внушительных размеров недовольно взглянул на нас.

— Чего надо?

— Передай Бате, у меня есть к нему дело.

Охранник посомневался, нужно ли идти и беспокоить хозяина, но еще раз взглянув на Антона, утвердительно кивнул и закрыл дверь. С коридора послышались его удаляющиеся шаги.

— Что ты задумал? — спросила я у Тошки.

— Скоро узнаешь, — ответил он и улыбнулся так, что меня сначала бросило в холод, а потом в жар. О, Господи, не хотела бы я оказаться объектом его жгучей ненависти.

Бересов явился к нам почти сразу. Зашел своей фирменной, вальжной походкой, а ехидная улыбка расползлась на всю физиономию.

— Ну и какое у вас деловое предложение? — спросил он, а потом решил уточнить, — Или проще спросить, что вы на этот раз задумали?

Я невольно поежилась, Сергей не дурак, далеко не дурак, и раскусит он нас на раз, два, три.

Антон холодно и четко изложил суть дела — он отпускает меня, а взамен получает бухгалтерию. Я даже рот открыла от удивления. Он не стал ничего менять, он ни одним словом не упомянул о себе, надеюсь, он знает, что делает.

— И где подвох? — спросил Бересов.

— Нигде, — спокойно ответил мой бывший муж, — Я хочу, чтобы она осталась жива. Зачем она тебе? Разве может одна девчонка навредить такому как ты? Отпусти ее, она будет молчать.

— Даже если я убью тебя?

— Да.

— А я вот не был бы столь уверенным, — задумчиво произнес Батя, — Нужно время обдумать твое предложение. У вас один день. Можете попрощаться, на всякий случай, — хохотнуло чудовище в обличье человека, и закрыло дверь.

— Он не поверил тебе, слышишь, Антон? — через какое-то время сказала я.

— Знаю, — тихо произнес тот и внимательно посмотрел мне в глаза, — Но выхода у нас нет.

— А если он решит не отпускать меня? Если он, так или иначе...

— Я убью любого, кто хоть пальцем тебя коснется, — серьезно произнес Антон, тяжело поднялся и подошел ко мне.

Он сгреб меня в охапку и, с жадностью изголодавшегося человека, впился в мои губы. Я притихла, и все для меня исчезло в тот момент. Не было проблем, страхов — ничего. Остался только он и его губы, которые никак не могли насытиться моими. Блаженство, граничащее с безумством, разлилось по моему телу. Сколько же времени мы потеряли, играя во взрослые игры? Зачем это все, когда единственной целью является он?

Он оторвался от меня на минуту, молча заглянул мне в глаза, ища в них ответ — хочу ли я этого так же, как и он? И я ответила, со всем жаром, который сжигал меня изнутри. Все остальное было как в тумане. Мы откровенно наслаждались друг другом. Я чувствовала его руки, оставляющие полыхающие огнем следы на моем теле и становилось нестерпимо больно, когда он на короткие мгновенья отрывался от меня. Я улыбнулась про себя. Я любила его. Как странно устроен человек, семь лет назад, был только секс, без любви и мне было хорошо с ним, не больше. Сейчас, если он остановится, я, наверное, умру.

Я прижалась к нему всем телом, и потерлась об него, словно большая кошка. По его расширенным зрачкам и учащенному дыханию я поняла насколько это ему нравится. В одну секунду он поднял меня за бедра и завел мои ноги себе за спину. Сердце колотилось где-то в горле, когда он сорвал с меня последнюю преграду.

— Не уверен, что после всего этого смогу отпустить тебя на все четыре стороны, — пробормотал он, вмиг охрипшим голосом и вошел в меня.

Почему так не было раньше? Разве мы натворили бы столько глупостей, если любили бы так раньше? Я царапалась и покусывала его плечо, пытаюсь заглушить стон, рвущийся из груди. В глазах плыло, эта была уже другая реальность, где были только мы, где жили только

прикосновения друг к другу, чувственные до боли. Я инстинктивно сжала бедра, не желая его выпускать, ощутить до конца в себе, быть с ним одним целым.

Антон засмеялся тихо и нежно.

— Солнышко, пощади, я хочу дожить до того момента, как мы отсюда выберемся.

— И не подумаю, — в ответ улыбнулась я, двигаясь навстречу ему. Я не закрывала глаза, я смотрела на него, растворяясь в нем. Его тело было прекрасно, натренированное, сильное тело мужчины — хищника. Это больше не пугало меня, а приводило в восторг. Его руки были напряжены до предела, он держал меня так, будто боялся отпустить. И я бы отдала все, чтобы так он держал меня всю жизнь. В последний момент, когда я уже почти теряя сознание, расцарапывая его плечи до крови, он впился в мои губы, заглушая мой и свой собственный стон. И еще очень долго он не отпускал меня, целуя припухшие от поцелуев губы.

Я любила его. Я не хотела его отпускать. И ради этого стоило жить.

— Тебе очень больно? — спросила я, глядя на его руки.

— По сравнению с душевной болью — это ничто, — горько рассмеялся он и пристально посмотрел на меня. От его взгляда я вспыхнула, потому что видела в его глазах отражение собственных воспоминаний — вот он входит в меня сильно и в тоже время нежно. Как же я люблю его, я должна сказать ему правду, хотя бы эту, что произошло тогда в доме, где прятал меня Ян.

— Антон, он заставил меня это сказать тогда, он сказал, что убьет моих родителей и тебя, — я не могла больше скрывать, видя, как он мучается. Но Антон покачал головой и сказал:

— Не оправдывайся, я...

— Да поверь, ты мне, Господи! — закричала я, меня душили слезы, — Я сказала тебе все специально, чтобы ты наплевал, ушел, смог защитить Кирилла, остался жив! Я даже пыталась застрелить его, но не смогла, я слабая, прости меня... — он прервал меня, крепко прижав к себе так сильно, что стало больно.

— Ты сильная, намного сильнее меня, а я дурак, раз поверил, что такая как ты действительно может меня любить.

— Я люблю тебя, я очень сильно тебя люблю, пожалуйста, поверь мне, — всхлипнула я.

— Любимая, не надо, я уже давно простил тебя. Не надо больше лжи.

Именно после этих слов, я поняла, какая я дрянь. Я собиралась и дальше убеждать его, но дверь внезапно распахнулась и зашли двое.

— Хозяин хочет вас видеть, голубки, — ехидно произнес один из них и направился к Антону. Он достал из кармана брюк наручники и помахал ими перед Тошкой.

— Не дури, Синица, — предупредил он его. Антон усмехнулся и протянул ему сложенные вместе руки. Выводили нас по одному. Дом, в котором мы находились, был не очень большим, потому что через одну комнату, мы очутились в просторном зале, где и сидел Бересов.

Мой сопровождающий толкнул меня в кресло, стоящее возле Бати. Антон же остался стоять посреди зала.

— Я подумал, и решил, что документы, принадлежащие мне, ты и так вернешь, — произнес Сергей через какое-то время.

— Можешь начинать, Батя, — зло улыбнулся Антон, — Только так ты ничего не получишь.

— Ты что, тварь, решил, что я пытать тебя буду? Правильно решил, буду, только чуть позже, а пока ты посмотришь вот на это, — Бересов щелкнул пальцами, и охранник возле меня резко влепил мне пощечину так, что в глазах потемнело. От неожиданности я вскрикнула, и дала себе обещание, что эти свиньи больше от меня и стога не услышат.

— Продолжить или начнем сотрудничество?

Я украдкой взглянула на Антона — он побледнел, и, было видно, заколебался.

— Молчи! — крикнула я, — Они все равно нас убьют!

Расплата наступила незамедлительно, следующий удар, уже кулаком пришелся в живот, и я согнулась, лоя ртом воздух.

— Сука! — взревел Антон, — Я буду убивать тебя очень медленно!

На Антона обрушился град ударов. Я зажмурилась, не в силах смотреть на это.

— Не переусердствуйте, — рыкнул Батя своим людям, — Он мне пока нужен.

— Ты ублюдок! Жалкий ублюдок! — закричала я и заревела. Бересов усмехнулся, а охранник продолжал меня удерживать, чтобы я не рванула к Тошке. На него было страшно смотреть — раны, нанесенные Яном, кровоточили, один глаз практически заплыл, он часто дышал и сплевывал кровью. Но его не сломали, пока еще. ... Смотрел на врагов он четко и уверенно.

— Будешь подыхать как собака! — бросил он Бересову.

— Значит, не хочешь по-хорошему, да? — задумчиво спросил Сергей — Разденьте девку! — приказал он своим шакалам, а я потеряла дар речи и вжалась в кресло.

— Ах, ты мразь! — вскинулся Антон, но его тут же сшибли с ног двое отморожков и крепко удерживали, будто наручников недостаточно.

Мерзкая улыбочка играла на лицах тех, кто нарочито медленно ко мне приближались.

— Только тронь ее, тварь! — зарычал Антон и те, кто шли ко мне слегка замешкались и устали на него. Слава о Синице ходила убойная, никто с ним связываться не хотел. И сейчас мальчики растерялись.

— Ну, чего встали? — гаркнул Батя, — Разденьте ее!

Мальчики вышли из оцепенения и вновь двинулись на меня.

— Как ты думаешь, Синица, долго твоя баба продержится? Ее отымеют на твоих глазах, хорошо если она не свихнется после этого, — продолжал Бересов свой монолог, вселявший в меня ужас, — Я оставлю ее в живых, а ты сдохнешь с мыслью о том, что не захотел ей помочь.

— Отпусти ее, я отдам тебе документы, — с отчаяньем произнес Антон. Сергей подошел к нему вплотную и, глядя в глаза, сказал:

— Меня этот вариант уже не устраивает. Снимите с него наручники, — приказал он своим людям.

Двое схватили меня за руки и выдернули с кресла. Я лихорадочно думала, что делать, их пятеро, нас двое. Но так просто сдаваться я не собиралась. Дождавшись, когда с Антона снимут наручники, я качнулась в сторону одного из парней, он по инерции поймал меня, и я с силой нажала на ту самую точку, как и учил Антон. Парень свалился и я, не дожидаясь реакции второго, резко развернулась и ударила его в пах. Тот взвыл, сложился пополам, чем и привлек внимание

Бересова, а я, особо не мудрствуя, ударила парня прикладом его же пистолета. Батя недоуменно смотрел на своих поверженных людей. Амбалы возле Антона тоже впали в оцепенение. Тошка не стал терять драгоценные минуты и выключил тех двоих настолько

быстрыми движениями, что я не успела понять, как он это сделал. Батя наконец-то пришел в себя и вскинул ствол, направив его на Антона.

— Даже не думай! На улице полно моей охраны!

Раздался щелчок — ствол снят с предохранителя. А я со всей дури бросилась к Бересову. Секунды бегут, раз, два, три... Успею?

Батя, недолго думая, развернулся ко мне лицом, и скользнула мысль — я первая.

Но что-то произошло. Выстрела не последовало, пистолет вместе с Бересовым отлетел в сторону. Наступила тишина, белая, как снег, без вкуса и запаха. И среди этой тишины, как гром раздался голос моего мужа:

— Дура! Какая же ты дура! Ты что на тот свет собралась?

Он орал во всю глотку и тряс меня за плечи. Я могла лишь криво улыбаться.

И тут началось. Этот звук теперь я не спутаю ни с чем — свист пули. Не бойся свиста пуль, своей ты точно не услышишь. Мы укрылись за отключенным телом одного из парней, Тошка перевернул рядом стоящий стол, и, позаимствовав ствол у отключенного охранника, отстреливался. Две пули угодили в прикрывающее нас тело. Парень умрет, так и не придя в сознание. К горлу поступила тошнота. Я часто задышала, боясь, что меня сейчас вырвет прямо здесь. Молчание и свист пуль. Где-то совсем рядом грянул взрыв, земля дрогнула. Антон чертыхнулся.

— Слушай, не отдавай меня им, а? — услышала я свой голос, — Лучше пристрели.

Антон впился в меня взглядом, но обстрел продолжался, мешая ему, наверное, просто понять мои слова.

В один миг все кончилось. Я зажала уши ладонями, но все равно поняла — больше не стреляют. Тошка тяжело дышал, а с коридора послышались шаги. Он быстро встал и пошел в сторону Бересова. Черт меня дернул посмотреть в ту сторону. Пуля аккуратно вошла в лоб Бересова и кровь тонкой струйкой стекала из смертельной раны. Антон спокойно взял из рук трупа пушку, проверил патроны и нацелился на дверь.

Меня долго рвало, выворачивало наизнанку. В комнате витал запах пороха и крови, а перед глазами стояла жуткая картина — мертвый Бересов со стеклянными глазами и мой муж, спокойно подходящий к нему. Как будто, так и надо. Как будто перед ним не мертвый человек, убитый им же, а кукла.

Кто-то настойчиво тряс меня за плечо.

— Лен, ну скажи что-нибудь?

— У меня чертовски хреновый день, — ответила я и поняла, что голос спрашивающего не Тошкин. С трудом разлепив глаза, я уставилась на мужской силуэт, который никак не хотел складываться в четкую картинку у меня в голове. Темные волосы, правильной формы черты лица... Влад!!! Милый, дорогой Влад!

— Ты здесь? Ты нас не бросил? Что я несусь!

Влад засмеялся и обнял меня, а я уткнулась ему в плечо. Никогда в жизни я не была так рада его видеть.

— Глупая, вы же мои друзья, — пробормотал он нежно.

— Да, с друзьями у нас дефицит, — услышала я голос мужа и вздрогнула. Влад выпустил меня из объятий и обернулся к другу. Они крепко обнялись.

— Как ты нас нашел?

Влад почему-то потемнел лицом и коротко глянул на меня.

— После того, как она отказалась покидать Россию, я приставил к ней человека. У него

были четкие указания — обо всем докладывать мне и вмешиваться только тогда, когда ей грозит опасность.

— Почему мне не сказал? — удивился мой муж.

— А вы не очень ладили к тому моменту, — ответил Влад и отвернулся.

— Понятно, — ухмыльнулся мой муж, — Тогда как ты ее проворонил, как она у Бати оказалась?

Влад вновь на меня посмотрел, и по его лицу было видно — то, что он сейчас скажет, не предвещает ничего хорошего.

— Мой человек доложил мне, что она вполне спокойно воспринимает присутствие Стрелка, он даже добавил «благодарно». Тогда я подумал, что вы. ... Сам понимаешь, — вздохнул он, — Я отменил слежку, но, когда мой человек отъехал от места слежки, грохнул взрыв. Он вернулся, но было поздно — их запихнули в машину. Пока он связался со мной и парнями, пока мы пробили номера машины, чтобы узнать, с кем имеем дело — время было потеряно.

— Зато сейчас вы весьма вовремя, — хмыкнул Антон и еще раз его обнял.

Нас отвезли в дом Влада, там мы помылись и приняли человеческий облик. И за все это время Антон ни разу не посмотрел на меня и не заговорил со мной. Меня не существовало, я пустое место, он просто не замечал меня, а Влад отводил глаза.

Так продолжалось несколько часов. Я недоуменно поглядывала на обоих. В чем дело? Почему Антон ведет себя так, будто не знал, что я была у Яна? Он же к нам приезжал. Что изменилось? Что не так?

— Антон, ты ничего не хочешь мне объяснить?

Он презрительно посмотрел на меня, и кажется, удивился.

— Я? Это я тебе должен объяснять? А как начет того, что это ты мне должна многое, что объяснить!

— О чем ты?

— Гм. ... О чем я... Действительно, о чем это я! — он провел рукой по волосам, и я, невольно, засмотрелась, — О том, что ты постоянно врешь! И я уже не знаю где ложь, а где, правда! Сначала ты утверждала, что он заставил тебя быть с ним, я могу это понять. Но кто заставлял тебя быть с ним душкой?

— Я не была с ним душкой!

— Почему ты не убежала сразу после того, как я уехал из страны?

— Мой отец был у него в заложниках! — закричала я на него, а Антон покачал головой.

— Нет. Его не было у Яна. Если Стрелок тебе это сказал, то это блеф чистой воды.

Злость потихоньку закипала во мне.

— Я не могла рисковать, и если ты этого не понимаешь, то ты идиот. И позволь узнать, раз ты такой осведомленный, где мой отец?

Когда Антон поднял на меня глаза, мне стало страшно, я не была уверена, что хочу услышать ответ.

— Твой отец не пропал, он просто вас бросил, уехал за границу, в Таиланд. Это не он просил за тебя, а твоя мать. Ее телефон был известен людям Бересова, только достать ее они не смогли, да и что с нее возьмешь? Я приехал в Россию и не знал с чего начать, где тебя искать. У меня не было больше людей. Владу звонить я не мог, подставил бы всех своих парней, кто остался верен мне. Сроки поджимали, мне дали три дня, полдня я потратил на перелет, еще день я тебя искал, безрезультатно. Время шло, я не мог рисковать и решил

принять условия Бати — обменять тебя на себя, и позвонил Митяю. Тот назначил встречу и не мало меня удивил. Я спросил его, зачем он тебе помогает, а он сказал, что платит по долгам. Отправляя тебя в клуб, он знал, что отправляет тебя ко мне.

Я прикусила губу и отвернулась от Антона. Не плачь, не плачь, дура несчастная! Мир перевернулся — тот, кто должен был пойти за мной «и в огонь, и в воду» бросил меня, а человек, который, по сути своей, мне ничего не обещал, рискует собой.

— А мама? — прозвучал мой глухой голос, — Мама как все это пережила? Я думала, ты не дашь ей общаться с Кириллом, после всего того, что я тебе наговорила.

— Была такая мысль. Но когда я приехал в Нант и увидел ее несчастные глаза, которые смотрели с любовью на внука, я не смог. Кирилл — ее отдушина. Я не знаю, как бы она все перенесла, если бы не Кира. Ведь твой отец был для нее всем. Она всю жизнь рисковала вместе с ним. А теперь он ее предал.

— Бересов сказал мне, что он регулировал канал поставки для европейских борделей.

— Я не могу сказать, что удивлен, — ответил мне мой бывший муж и неожиданно взял меня за руку и крепко сжал, — Мне очень жаль.

Я кивнула и уткнулась ему в плечо. Минуты три мы так стояли, а потом он, без перехода, сказал:

— Скажи, что он не был твоим любовником все эти годы, что ты не любишь его. Скажи, я поверю.

Я немного отстранилась и посмотрела ему в лицо. Антон стоял с закрытыми глазами. Как же тяжело дались ему эти слова.

— Он не был моим любовником, и я не люблю его. Я тогда солгала.

Он открыл глаза, и по его лицу скользнула улыбка.

— Тошь, ты еще кое-что должен знать. Ян на самом деле мент. Я сама недавно узнала от Бересова.

Я ожидала бурю эмоций, но Антон засмеялся, приподнял меня и закружил по комнате.

— Чему ты радуешься? — спросила я угрюмо.

Вместо ответа он коротко поцеловал меня и улыбнулся.

— Радуетесь вы тому, — неожиданно раздался голос Влада рядом со мной, — Что ты ни стала ничего скрывать, а это значит, что ты не ментовская подстилка.

— Как это понимать? — резко спросила я, — Вы что подумали, что я знала раньше, что он мент? — до меня медленно, но все-таки начало доходить...

— Так вы в курсе? — я посмотрела на Антона.

— Митяй рассказал, — кивнул он.

— Ты что подумал, что я... что я работаю на него?

Влад отвел глаза, а Тошка наоборот, уставился на меня.

— А что я мог думать? Когда ты то зовешь меня, то отталкиваешь.

— Тошь, об одном прошу тебя — не убивай его, пожалуйста.

— Я его не тронул, они с Викой были взаперти в том доме, Бересов даже свою любовницу не пожалел. Помогать я им не стал, пацаны бы меня порвали, помоги я менту. Уже всем все известно, не завидую я ему.

Конечно, он был прав. И существовало еще очень много невыясненного, о чем нам стоило бы поговорить.

— Я знаю причину вашей вражды, — произнесла я. Антон неожиданно резко отреагировал на мои слова:

— Если ты сейчас понесешь тот же бред, что и Стрелок, то лучше молчи.

— Так что, это ложь?

— Ребята! — крикнул Влад.

Мы оба обернулись к нему. Он стоял у окна и куда-то настороженно смотрел.

— У нас гости. Думаю, пора уходить, если успеем.

Антон ринулся к окну, выругался и начал рыскать в поисках пистолета. Я подлетела к окну и не поверила своим глазам.

Их было очень много, человек пятнадцать, но среди них я отчетливо видела троих знакомых мне — Вику, Яна и моего отца.

— Лена! — позвал меня Влад, и я обернулась, они оба смотрели на меня с жалостью. Только я изменилась, я больше не нуждалась в сожалении. Решительно шагнув к ним, я взяла под руку Антона.

— Жаль, что ты в свое время не научил меня пользоваться этой штукой, — показала я на пистолет в его руке. Они с Владом переглянулись.

— Идем, — только и сказал мой муж.

— Куда? Мы даже не успеем скрыться.

— Я знаю, — процедил Антон, сквозь зубы, — Но надеюсь, что, хотя бы двое из этой компании не дадут тебя в обиду.

— Возможно, а ты? Влад, в конце концов?

— За нас не волнуйся, — произнес Влад, идущий сзади нас, — Еще не из таких передря вылезали.

Да, но какой ценой? Этот вопрос крутился у меня в голове, пока мы шли навстречу неизвестности, навстречу тем, кто желал смерти Синице, моему мужу.

— Какие люди и без охраны! — пропел мой отец, смотря впритык на Тошку.

— Извини, у охраны выходной, — оскалился в ответ мой муж — Это все, на что ты способен, Святой? — указал он на пришедших, — А ты знаешь, что один из твоей компании просто спит и видит тебя за решеткой? У него на руках были все документы, доказывающие твою причастность к теневому бизнесу Бати.

— Были, — утвердил отец, — Только где они сейчас? А вот доказательства того, что ты убил известного политика и мецената Сергея Бересова у него есть. И ждет тебя небо в клеточку и друзья в полосочку.

— Отец! Как ты можешь! — закричала я. Антон дернул меня за руку, призывая тем самым меня молчать, и продолжил:

— Я сяду, если докажете мою вину. Только вот как тебе самому будет, Святой, зная, что ты уже второй раз уничтожаешь жизнь своей дочери? Сначала Лешка, теперь я?

Земля начала уплывать из — под ног, но я буквально приказала себе оставаться спокойной. Мой отец побледнел и мазнул взглядом по мне. Это правда? Папа, неужели это правда!

Мой мысленный вопль отец отлично услышал.

— Он не пара тебе.

— Это ты сейчас про кого? — огрызнулась я.

— Про обоих!

— Ну, да, — усмехнулся мой муж, — Знаешь, как он избавился от Алексея? — спросил он меня, не ожидая ответа, — Отправка в Чечню была его затея, более того, он отправил его в самую горячую точку на тот момент, благо связи позволяли. Вернутся оттуда живым, было

невозможно для восемнадцатилетнего мальчика.

Сквозь пелену слез, я увидела, как отшатнулся от моего отца Ян, и, колеблясь всего секунду, подошел к Антону и встал возле него.

— Я не знал этого, — тихо произнес он и пристально посмотрел на Антона, — Это не значит, что я встал на твою сторону, я на ее стороне, — кивнул он на меня, — С тобой, мы разберемся, когда я засажу эту падлу, — и сплюнул.

— Ян! — завопила Вика, — Ты опять выбираешь эту суку, а не меня! Ян!

— Заткнись! — прошипел на нее Ян, и та зарыдала.

— Почему, отец? За что? — прошептала я, размазывая слезы по лицу, и чувствуя, как Антон берет меня за руку, а Влад и Ян подходят ближе ко мне, как бы замыкая меня в круг.

— Что тебя ждало с ним? — вскричал мой отец, — Однокомнатная хрущевка, мизерная зарплата и сопливые дети! А я ведь предлагал ему хороший заработок, но он гордец, сказал, что не нуждается в подобном доходе и в состоянии прокормить тебя сам! Я не для того растил тебя, рискуя собственной шкурой, чтобы ты жила в нищете!

В первый раз в жизни я не знала, что сказать ему, сказать можно было многое, но зачем? Он ничего не поймет, и ничего не изменит.

— У меня нет больше отца.

Он побледнел, но ничего не ответил, а я и не ждала. Все кончено.

— Святой, ты, конечно, можешь нас всех перестрелять здесь, но я отвечаю, что половину из народа я сам лично заберу с собой на тот свет. И ты будешь первым.

— Мне нужны документы, которые ты не отдал Бересову.

— Они уничтожены, — бросил ему Антон.

— Тогда перемирие исключено, — властно произнес Казанцев и вскинул ствол. Остальные как будто ждали этого, вверх взметнулось еще с десятков смертельного оружия.

Неожиданно для всех, вперед навстречу мне двинулась Вика, и в ее глазах было столько ненависти, что я поежилась.

— Дрянь, дрянь! — бормотала она довольно громко, — Почему я познакомила тебя с ним? Ты увела его у меня, он в очередной раз меня бросил, а я ведь любила его! И с Бересовым я связалась, чтобы он хоть немного меня поревновал! Но ты все испортила, он ничего не видел, кроме тебя!

Я ошалело уставилась на нее, и на мгновенье, бросив взгляд на остальных, увидела, что и остальные с удивлением смотрят на нее.

— Вика, пожалуйста! — простонал Ян.

— Это она тебя отняла у меня! — закричала та, и я наконец-то поняла — она не в себе.

— Вика!

— Стрелок, ты, что трахаешь собственную сестру? — раздалось из толпы.

— Нет, Господи! Неужели вы вашу мать не видите — она больна! — закричал Ян с болью в голосе, потом он посмотрел на нас и произнес:

— Еще в детстве у нее признали шизофрению. Она не опасна, она просто больна. Я занимался ее воспитанием, у родителей не хватало ни сил, ни времени, она вбила себе в башку, что любит меня, как... — Ян запнулся и опустил глаза.

— Как мужчину, — закончил за него Антон и понимающе кивнул, а я не могла прийти в себя. Это объясняло ее нелюбовь ко мне.

— Да, я люблю тебя! — закричала она снова, — А ты не любишь меня, не любишь! Иногда я думаю, что ненавижу тебя, это я сказала Сергею о тебе, ты думаешь, я глупая и

ничего не понимаю? Я хотела твоей смерти. А потом, поняла, что не смогу без тебя жить, понимаешь?

— Вика, что же ты натворила! — закричал Ян.

— Убей эту суку, убей, — вскинулась она, — И мы будем вместе!

Время, казалось, остановилось, все без исключения наблюдали за разыгравшейся сценой.

— Нет, Вика.

Вика засмеялась громко с надрывом в голосе, что окончательно убедило нас всех в ее сумасшествии.

— Жаль, что я не убила ее тогда, когда она еще носила твоего выродка, — крикнула она брату, — Я смогла только твою Наташку, шлюху с подворотни, убрать...

— Что ты сказала? — Ян побледнел, подскочил к сестре и принялся ее трясти.

— Да, это я посадила ее на иглу! Эта я привела ее в тот притон!

Картинка срослась в одно мгновение — Антон не виноват, вражда была бессмысленной. Но тот притон — его?

— Что ты говоришь! — орал Ян, — Что ты говоришь! Ты не могла! Пожалуйста, скажи, что ты этого не делала!

Вика засмеялась, глядя брату в глаза, а я видела, как заходили его желваки, и что он сдерживает себя из последних сил.

— Я убью тебя, дрянь, — тихо прошептал Ян.

Она все продолжала смеяться, а Ян вглядывался в ее глаза, возможно, пытаясь найти в них хотя бы остатки разума.

Антон отпустил мою руку и подошел к Яну.

— Стрелок, отпусти ее. Она сама себя уже наказала, — Ян, будто не слышал его, — Стрелок, она больна.

Ян вздрогнул и отпустил сестру. Они молча подошли к нам, оставив содрогающуюся Вику возле моего отца.

Нас было четверо. Четверо неудачников, которые в свое время пошли не той дорогой. Влад — внутренне сильный, уверенный человек, хороший врач и преданный друг. Ян — сложный человек, человек войны, но который пойдет до конца за тех, кого любит. Антон — моя любовь, моя боль, со своим кодексом чести, рискующий, ради меня и сына, всем. Они рядом, они моя защита, и как никогда рядом с ними ходит смерть.

Отец поднял оружие и направил его на Антона.

— Молись, — приказал он, и я в ту же секунду шагнула вперед, загоразивая мужа.

— Сначала тебе придется выстрелить в меня, — отчеканила я. Антон пытался сдвинуть меня с места, но я намертво приросла к земле, никакие силы сейчас не уберут меня отсюда, — Влад, убери ее! — прорычал мой муж, но Влад неожиданно встал на мою защиту.

— Это твой единственный шанс, Тоха, в нее он стрелять не будет, никто не будет, — прошептал Влад так, чтобы слышали только мы.

— Какого черта, Влад!

— Уйди, Лена! — раздался громовой голос отца. Я медленно покачала головой.

— Уйди, Христом Богом тебя прошу, уйди, — его голос сузился до угрожающего тембра. Я продолжала стоять.

— Уйди, это последнее идиотское предупреждение! Ты не понимаешь, куда ты лезешь!

— Нет.

Выстрел. Боль. Темнота. На одно мгновение. Я открыла глаза, потому что не смогла отключиться от этого жестокого мира, уже не смогла, как раньше не получится. Нет папиной дочки, потому что папа стреляет в собственную дочь.

Антон оторвался от меня с бешеной скоростью и через секунду снес того, кто раньше назывался моим отцом. Они пролетели полтора метра, прежде чем кубарем скатится по земле. Кто-то пальнул с той стороны, но тут же все смолкло.

— Пусть сами разберутся, Лис, если они пацаны.

Это давало шанс выжить. Выжить нам всем.

Они катались по земле, чуть ли, не вгрызаясь друг другу в глотки. Удар за ударом, крики боли.

— Тварь, я убью тебя!

Я не успела оглянуться, как на меня неслась Вика. Еще секунда, но Ян поймал ее и упал под тяжестью несущегося тела.

— Ты хочешь сдохнуть вместо нее? — закричала она, а дальше...как в замедленной съемке.

Занесенный нож, впивающийся в тело Яна.

— Нет!!!

Я подорвалась с откуда-то взявшейся силой, пуля попала в бок, но прошла на вылет, я уже не чувствовала боли. Влад летел мне наперерез.

— Дура! Куда ты? — он поймал меня, и удерживал стальной хваткой, я безуспешно пыталась вырваться.

— Отпусти! Она же...Она. ... Почему ты не вмешался?!

— Я должен защищать тебя, а не его!

Я взглянула на него с такой ненавистью, что он невольно разомкнул хватку.

Вскрик моего мужа заставил меня обернуться и то, что я увидела, было страшным сном. Отец сидел на нем верхом и передергивал пистолет, плечо мужа кровоточило, а в ладонь правой руки был воткнут нож.

Как во сне я отшвырнула Вику, сидящую возле бездыханного Яна. Выхватила пистолет у Яна из кобуры и рукояткой отключила безумную девку.

— Отец! — крикнула я, несясь сломя голову к нему. До него оставался всего лишь метр. Он вскинул голову, ища меня взглядом. Он нашел меня, и в то же мгновение свинцовая пуля попала ему прямо в лоб. Я выстрелила.

— Кто хочет еще? — рявкнула я, прекрасно понимая, что выжить не удастся, если вся эта орава вскинет стволы.

— Что ты можешь, сука!

Влад стеной встал возле меня. Я приготовилась умереть. Все вернулось к началу. Почти девять лет назад я искала смерть, и вот она нашла меня сама.

Я бросила взгляд на мужа, ожидая выстрела со стороны наших врагов. Он отшвырнул тело того, кто раньше был моим отцом и поднялся, придерживая правую руку, которая болталась из стороны в сторону.

Антон подошел к нам, измученный, весь в крови. Нас трое, уже трое, а скоро не будет никого. Я уже слышала, как передергивается затвор.

— Отбой, пацаны! — раздался голос в конце толпы, и к нам на встречу вышел...

— Митяй! — крикнула я в тон остальным. Бледный, как мертвец, он еле передвигался, изрядно хромя, а за ним, я не верила своим глазам шли его люди, и парни Антона.

Нас стало больше, намного больше. Спасибо.

— Все по-чесноку, пацаны! Они дрались один на один, победителя не судят, — крикнул он в толпу.

— Девка вмещалась, это не в счет, мы требуем ответку.

— Печально, конечно, — усмехнулся Митяй, — Но, кажется, девка дочь Казанцева. Это их дела. Реальные пацаны не будут вмещиваться в семейные отношения.

— Ты кидаешь нам предьяву, Митяй?

— Кидаю, — ответил он и выставил свой ствол на показ.

— Давайте перемочим друг друга, братва! — раздался хриплый голос моего мужа. — Нам терять нечего, правда, Лис? — крикнул он рыжему парню. — Дома нас не ждут семьи. Или ждут? Я тоже защищал свою семью. Разве кто-нибудь из вас не сделал бы то же самое? И наши враги не поставят нам памятников у наших могил. Святой больше не у дел. Как говорят — стае нужен новый вожак. Кто хочет отомстить за Казанцева, рискуя своей шкурой?

Тишина. Несколько минут тишины, как вечность.

— Ты замочил Батю, тебя найдут.

Антон усмехнулся.

— Это мои проблемы.

Стая на стаю, взгляды волков, готовых кинуться и растерзать.

— Сворачиваемся, пацаны! — крикнул Лис. — Удачи тебе, Синица, ты реальный пацан.

Мы живы — это первое, что пришло мне в голову, а дальше ни одной мысли, я не хочу думать, только не сегодня. Гул голосов наших парней, людей Митяя заглушает ненужные мысли и это хорошо. Как я скажу это матери? Как посмотрю ей в глаза?

— Отныне ты мой брат, Митяй, — слышу голос мужа. — Как ты выжил?

Гул голосов становится громче, надеюсь, он со мной навечно.

— Что со Стрелком? — спросил Митяй. Антон ухмыльнулся и сказал:

— Жизнь его сильно потрепала, но жить будет. Клинок, который воткнула в него сестра не задел жизненно важные органы. Его сейчас отвезут в клинику к Владу.

— Заштопают, — обнадежил Митяй и похлопал Антона по спине.

Все не реально, так не может быть, не должно, но так есть. Гул голосов снова усилился, но это спасало меня сейчас.

Уже вечером мы сидели в домике у лесника, находящегося неподалеку от клиники. Это было единственное пристанище для нас всех в этом городе, да и возможно в этой стране. Было только не понятно, как эта толпа народу вместились в двух маленьких комнатках, а вернее сказать в одной, потому что вторую занимала я, единственная женщина среди них. Викторию люди Митяя увезли в психиатрическую клинику сразу же, надо сказать, все вздохнули с облегчением. Неизвестно, что еще может сотворить эта сумасшедшая. Митяй и его люди были за нас, теперь за нас, а мне предстояло спасти от мести Антона крестного. Этот бой мы выиграли, но не проиграли ли войну?

Толпа гуляла во всю, слышался пьяный гогот, сальные шуточки — все как всегда в мужской компании. Громче всех конечно изъяснялись троица героев сегодняшнего дня — Влад, Антон и Митяй. Я сидела на кровати, поджав под себя ноги, и слушала, как они смеются, как топают, как отмечают свою победу. В окошко светила луна, и я зашторила штору, приготовилась лечь спать. За окном слышались шаги, а потом разговор двоих почти у моего окна — моего мужа и нашего спасителя.

— Я поговорить хотел, — сказал Митяй, и было слышно, как он затянулся сигаретой, —

Что теперь делать думаешь?

— Не знаю. Бе-да-а, — протянул Антон, — Я уверен, у Бати осталось еще несколько верных ему людей, которые найдут меня и всю мою семью. И вырежут начисто.

— Тогда тебе пора рвать когти, — глубокомысленно заключил Митяй.

— Не учи, ученого. Сам знаю. Только у меня здесь дело осталось, незаконченное.

— Да наплюй на все, оно того не стоит.

— Нет, ты не понимаешь. Из-за этого я вылез из этой передрыги и продолжаю до сих пор дышать.

Я напряглась, прекрасно понимая, о чем он говорит.

— А в чем дело — то? — спросил Митяй, — Мы с тобой как бы побратались, может, я решу твою проблему?

— Нет. Свои проблемы я решаю сам.

— Ты скажи, брат?

— Скажу! — пьяно гоготнул мой муж, — Вот ты мне ответь, как такая тварь как дядя Боря, может гулять по этой земле?

В следующую минуту послышался глухой удар, — кажется, мой муж получил по физиономии. Митяй не смог стерпеть оскорбления в адрес того, за кого не раз рисковал своей жизнью.

Было слышно, как Антон поднялся, сплюнул, и я уже представила его ухмылку на губах.

— Нормальный ход, — засмеялся он, — Но только ты дослушай до конца, прежде чем морду бить.

— Ну? — пьяно икнул Митяй.

Антон пересказал ему, как мы сидели в домике Бати, как я «во всем призналась», и как он решил, что выйдет оттуда, во что бы то ни стало, для того, чтобы отомстить.

Минуту была тишина, и эта тишина была громче тысячи барабанов. И я понимала, что Митяй не поверил ни одному слову, и сейчас правда откроется. Судьба распорядилась так, что никто не будет ждать моих объяснений.

— Брат, — вздохнул Митяй, — Я даю на отсечение башку, что все это поклеп.

— Ты хочешь сказать, что Ленка врет?

— Я тебе даю гарантии того, что дядя Боря не насильник, не извращенец и так далее. Ты лучше подумай, для чего твоя женушка могла тебе эта сказать. С какой целью?

После этих слов цель была понятна и дураку, а Антон дураком никогда не был. В секунду раздался душераздирающий рев, именно рев, так страшно мне не было, пожалуй, никогда.

— Лена!!! — кажется, стекла дрогнули.

Шаги протопали в сторону входной двери и, через полминуты, Антон влетел в комнату. За ним Митяй, еле вписывающийся в дверной проем. Мой муж стоял бледный, сжимая кулаки, не замечая боли в проткнутой ножом руке, хотя я не отвечаю, за цвет своего лица, возможно в бледности мы могли бы поспорить.

— Ты что натворила — то, а?

Главное пережить бурю, только как?

— Синица, брат, — спас положение Митяй, — Она спасла твою задницу.

— Ты даже не можешь себе представить, что я пережил, когда услышал это из ее уст! — взревел Антон.

— Между прочим, она дважды спасла тебя, убив сегодня своего отца.

Антон застыл, как вкопанный, а я вдруг осознала, до конца, до каждой клеточки мозга, то, что сейчас произнес мой защитник.

Я. Убила. Отца. Я убила. Я.

Рука, качающая колыбель. Улыбка. Слова утешения, когда я подвернула ногу в пятом классе.

Лешка. Чечня. Пистолет, летящая пуля прямо в меня.

Рука, качающая колыбель, безжизненно повисла....

Я подлетела к Антону на всех порах и выхватила пистолет из его кобуры. Не хочу с этим жить! Только не с этим!

Антон скрутил меня в железные объятия и это с одной-то рукой. Не успела!

— Лена! Лена, милая моя, успокойся! Митяй, уйди!

Меня прорвало, наконец-то, и я зарыдала в голос, продолжая вырываться.

— Не надо так, родная моя.

Я не хочу слышать. Не хочу. Не хочу.

— Ты спасла меня, милая, — продолжал он, — Я бы умер, если бы не ты. Солнце мое, я люблю тебя, слышишь? Ты самая хорошая, добрая...

— Я злая! Злая, твою мать! Не называй меня хорошей!

— Лена! Пожалуйста! — он заставил посмотреть ему в глаза, — Люблю тебя, я никогда не забуду, чем ты пожертвовала сегодня. Я знаю, знаю, как тебе плохо.

— Знаешь? — истерически рассмеялась я, — Ты убивал своего отца?

— Нет, но я убивал.

— Это не одно и то же, — я покачала головой, — Я чудовище.

— Значит, мы породнились.

Эти простые слова прекратили мою истерику, и я посмотрела ему в глаза. В глаза мальчишки, не хотевшего убивать. Он просто выбрал не ту дорогу, как в сказке: налево пойдешь — смерть найдешь, направо пойдешь... Он хотел просто жить, он хотел семью, которой у него никогда не было. У него есть я и Кира. И больше ничего не имеет значение.

— Помоги мне, — тихо прошептала я, — Я без тебя не справлюсь.

Он обнял меня крепко и нежно, положив мою голову к себе на грудь.

— Давай поженимся? — спросил он.

— Опять?

— Заново.

Я улыбнулась. У меня есть он и Кира, и мы начнем жизнь заново.

— Нас больше ничего не держит в этой стране, мы уедем. И я обещаю тебе, малыш, больше никаких игр с переделом власти не будет, — серьезно произнес он. — Я уже совершил ошибку и чуть не потерял вас.

— А Ян? Что будет с ним? Не убивай его, — тихо попросила я.

— Не собирался, — ответил мой муж, — Хотя легкой жизни здесь я ему не обещаю.

— Антон!

— Мы уедем, Лена! — прервал меня он, — А он останется, за ним, как и за нами, будет вестись охота. Братки не простят, он мент.

— Он столько раз спасал мне жизнь.

— Поверь, я ценю это, но не проси меня ему помочь. Я этого не сделаю.

Я отстранилась от него.

— Антон?

Он знал, о чем я его спрошу, было видно, как он напрягся и желваки заиграли.

— Наркотики, — просто сказала я, смотря ему в глаза.

— Да, — ответил он и сунул здоровую руку в карман, — Я не хочу тебе лгать. С начала, когда я только поднимался. И уже давно нет.

— Насколько давно?

— С тех пор, как ты родила.

Я вздрогнула и закрыла глаза.

— Война с Батей началась не только из-за тех придурков, — продолжил он, — Основная часть денег поступала ему в карман. Когда я отошел от дела, он существенно потерял. Я не буду рассказывать все те грязные махинации, как я это сделал...

— Да уж, уволь!

— Но я честен с тобой, — Тошка схватил меня за руку, — Я клянусь, что больше никогда не повторится тот ужас, что тебе пришлось пережить. Все кончено.

Все кончено. Мы уедем. Начнется новая жизнь. И я знаю, что посмотрю в глаза матери и промолчу. Она не понимала меня раньше, не поймет и сейчас. Правда убьет ее. Для нее он будет жить. Жить в ее памяти.

Поезд отправлялся через десять минут. Мы стояли обнявшись. Скоро я увижу Киру, я улыбалась, и кажется, была счастлива. Антон обнялся с Владом.

— Я не забуду тебя, брат, — тихо сказал Антон.

Мы уже заходили в вагон, когда услышали окрик.

— Уезжаешь, не попрощавшись, Лена?

На встречу к нам шел Ян. Голова перевязана, он прихрамывал.

— Я иду с миром, — предупредил он реакцию Антона.

А я смотрела на него. На человека, с которого все началось. На мужчину, который заставил меня чувствовать, впервые после смерти Алексея. Благодаря ему, я познакомилась с Тошкой. Нас так много связывало, и так много разъединяло.

— Как ты? — спросил он у меня, подойдя ближе.

— Нормально, — улыбнулась я.

— Все будет хорошо, — Ян дотронулся рукой до моего лица, а Тошка, как всегда напрягся. В доли секунды он обнял меня, отпустил и, развернувшись от перрона ушел.

— Ян! — крикнула я и он обернулся. — Прости меня!

Он долго смотрел на меня, а потом кивнул, прокричав на прощание:

— Прощай.

Вот и все. Муж обнял меня, и мы вместе зашли в вагон поезда.

— Мне предстоит долгое и неприятное путешествие, — тихо сказала я ему. Антон недоуменно посмотрел на меня, а я еще раз счастливо улыбнулась.

— Кажется месяц назад, в доме у Бати, мы с тобой перестарались, — пояснила я и положила руку на живот.

Муж подскочил, стукнулся головой о планку и глупо на меня уставился.

— Спокойно, — засмеялась я, — Дыши глубже. Думаю, это будет опять мальчик.

Он хохотнул и с медвежьей грацией обнял меня.

— Аккуратнее, мишка ты мой, косолапый, — пожурела я его.

— Я уже говорил, что люблю тебя?

— Сегодня нет.

Франция, Нант. Год спустя.

Моя дочь Катарина лежала в своей кроватке и спала, а я смотрела на нее. В большую и светлую детскую, прорывался луч летнего солнца. Вошла няня и улыбнулась мне.

— Идите, Елена Витальевна, я посмотрю за ней.

— Спасибо, — сказала я и потихонечку вышла. Спускаясь на первый этаж нашего шикарного особняка, я услышала голоса своего мужа и сына.

— Папа! Так не честно!

Антон рассмеялся, а потом увидел меня, подошел и поцеловал.

— Вы опять? — попробовала я строго спросить, но мне не удалось, и я хихикнула.

— Лен, он мужчина, ему нужно учиться стрелять, — возразил мой муж.

— Для чего, спрашивается?

— Ну, мама! — заканючил мой сын, — Пожалуйста, это ведь так интересно!

Я вздохнула, а Тошка добавил:

— А мы потом на охоту пойдем. Нет, ну, правда.

— Бандитом ты был, бандитом и остался, — взъерошила я его волосы.

— Еще скажи, что ты меня такого не любишь, — заключил самодовольно мой муж.

— Не знаю, не знаю, — я состроила сомнение на лице.

— Это что за «не знаю» такое? — подпрыгнул мой муж и в следующую минуту увлек меня на ковер и начал меня щекотать, а я рассмеялась, через секунду к нам присоединился Кирка.

— Так, мужчины, — вставила я свое слово между смехом, — Вы не забыли, что у нас сегодня урок французского?

— Нет! — хором закричали они, и вся наша «куча мала» развалилась.

— Лен, сегодня ж выходной!

— Мама, только не это!

— Ничего не знаю! Уже год, как мы здесь, а вы ужасно плохо разговариваете.

— Мам, давай завтра, а?

Я покачала головой, обняла своих мужчин и улыбнулась.

Завтра никогда не наступит.

Больше книг на сайте - Knigoed.net